

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА 1987

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Плигузов А.И. Вступление Вассиана Патрикеева в полемику о монастырских землях и творческая история "Собрания некоего старца"	4
Морозов В.В. Об источниках Лицевого летописного свода XVI века	49
Вовина В.Г. Новый летописец. Итоги и проблемы изучения.	61
Демкин А.В. "Росписи караблем" западноевропейских купцов, составленные в Архангельске в 1658 г.	89
Богданов А.П. К вопросу об авторстве "Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве"	114
Медушевский А.Н. Наказы в Уложенную комиссию 1767-1769 гг. как источник изучения социальных противоречий эпохи	147
Леонидов В.В. Московское восстание 1771 г. в свидетельствах современников	182
Буганов А.В. Исторические песни русского крестьянства о войне 1812 года как источник для изучения национального самосознания	198
Ершов В.Ф. Материалы фонда Московской судебной палаты о деятельности Московского рабочего кружка в 1887-1888 гг.	217
Памяти Николая Николаевича Улащика (1906-1986) . . .	225

Р е д к о л л е г и я :

д.и.н. Б.Г.ЛИТВАК (ответственный редактор), д.и.н. В.А.КУЧКИН

Научно-организационная работа проведена к.и.н. А.П.БОГДАНОВЫМ
и А.И.ПЛИГУЗОВЫМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Совершенствование методики источниковедческих исследований — насущная задача, стоящая перед советскими историками. В 60-70-е годы активно развивались такие специальные исторические дисциплины, как текстология, дипломатика, палеография, а также методика обработки массовых источников. Значительно повысился уровень сфрагистики, нумизматики, геральдики, исторической географии. Возрос и теоретический уровень очерков по историографии источниковедения.

Настоящий сборник, предлагаемый вниманию читателя, в той или иной мере отражает положительные процессы, характеризующие нынешнее состояние теории и практики отечественного источниковедения. Здесь помещены статьи, посвященные детальному разбору отдельных памятников, причем в разных аспектах: историографическом (статья В.Г.Вовиной о "Новом летописце"), источниковедческом, с преобладанием методики текстологического анализа летописей, публицистических и юридических трактатов (статьи В.В.Морозова, А.П.Богданова, А.И.Плигузова), источниковедческом, с уклоном в археографию (статья и публикация А.В.Демкина). Анализируются малоисследованные комплексы документов (сообщение В.Ф.Ершова), причем с применением конкретно-социологических методов (статья А.Н.Медушевского). Дается обзор фольклорных материалов, позволяющих выявить характерные черты исторического мировоззрения русского крестьянства (статья А.В.Буганова).

А. И. Плигузов

ВСТУПЛЕНИЕ ВАССИАНА ПАТРИКЕЕВА В ПОЛЕМИКУ
О МОНАСТЫРСКИХ ЗЕМЛЯХ И ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
"СОБРАНИЯ НЕКОЕГО СТАРЦА"*

Первое письменное изложение позиции "нестяжателей" первой трети XVI века по коренному вопросу – вопросу о монастырском землевладении – исследователи согласно признают в трактате Вассиана Патрикеева "Собрание некоего старца". При обсуждении текстологической истории "Собрания" сложились два противоположных направления, соответствующих двум принципиально разным позициям в понимании "нестяжательства". Странники раннего оформления этого течения общественной мысли (Н.А.Казакова) стремятся отнести первоначальный текст "Собрания" ко времени секуляризационного собора 1503 г. и именно по датировке "Собрания" судить о начале письменной полемики о землях. Странники позднего складывания "нестяжательства" (А.А.Зимин, Г.Н.Моисеева), напротив, не видят оснований связывать "Собрание" с соборными

* В тексте статьи приняты следующие сокращения: Briquet – Briquet С.М. Les filigranes. Amsterdam, 1968, vol. I-IV; Казакова (или указание страниц без ссылок на книгу) – Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М. Л., 1960; Кормчая – Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912-1913, ч. I-II; Лихачев – Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. I-III; Migne – Migne J.P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Parisiis, 1865, t. 137, 138, 150; Piccard – Piccard G. Wasserzeichen Buchstabe P. Stuttgart, 1977, t. 1-3; Правила – Правила святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец с толкованиями. М., 1876-1877, вып. I-III; Правила поместные – Правила св. поместных соборов с толкованиями. Изд. 3-е. М., 1915, ч. 2.

прениями 1503 г. и датируют первоначальную редакцию вассиановского трактата 1517 годом.

Списки "Собрания" включены во все четыре экземпляра вассиановской кормчей. Пискаревский список (ГБЛ, Пискарев 39, далее: П) возник в середине-второй половине 20-х гг. XVI в.¹ в ближайшем окружении опального князя; основной писец кодекса - Исаак Собака²; однако к началу 50-х гг. рукопись попала в руки противников Вассиана³. Кормчая ЦГАДА, ф.181, оп.1, № 1597 была скопирована в 30-40-х гг. XVI в.⁴ и принадлежала тогда Кирилловой пустыни, находившейся близ Кирилло-Белозерского монастыря⁵. "Собрание" этого кодекса далее обозначаем: А. Кормчая ГПБ, ф.П.74 относится к 60-м гг. XVI в.⁶, о происхождении этого списка определенных данных нет; "Собрание" обозначаем: Т. Кормчая Владимиро-Суздальского музея-заповедника - ВСМЗ, В 5636/399 была создана в середине - второй половине 20-х гг. XVI в. в московском Симонове монастыре в келье Вассиана Патрикеева; условное обозначение списка: С.

Особый вид "Собрания" включен в волоколамскую рукопись середины - второй половины 20-х гг. XVI в., составленную, по-видимому, там же, в Симоновом монастыре, - ГБЛ, Волк. 566 (далее: В)⁷. Содержит "Сказание" и сборник второй половины 60-х гг. XVI в. - ГБЛ, Унд.573 (далее: У), возможно, переписанный в Соловецком монастыре⁸. "Собрание" попало и в кирилло-белозерские тетради одного из учителей и корреспондента Вассиана Гурия Тушина, - ГПБ, Соф.1451, 1523-1526 гг. (обозначим этот список К)⁹. Находим интересное нас сочинение в псковском сборнике "Крин", 30-х гг. XVII в. - ГБЛ, Балев 55 (далее: Б); прежний шифр этой рукописи - Муз.1549¹⁰. Список "Собрания" включает также конвюльтный сборник ГИМ, Забелин 466 (далее: З), в части, относящейся к третьей четверти XVII в.¹¹ В 70-х гг. XIX в. для историка русской церкви архиепископа Макария (Булгакова) были сделаны копии со списков Т и К, они хранятся в ЦНБ АН СССР под шифром Мак.104.П¹².

Важнейший шаг к классификации старших списков "Собрания" был сделан А.С.Павловым (1871), который обратил

внимание на заключительные слова П: "А в том же соборе 4-м, 24-м правиле, писано: у монастырей селам быти... Ино которым верити? Чим то разрешити?...". "Отсюда, - писал Павлов, - возникла у Вассиана мысль составить новую редакцию кормчей, в которой не было бы такого противоречия"¹³. Предложенная Павловым классификация списков вассиановской кормчей может быть с известной степенью осторожности перенесена на классификацию списков "Собрания": "первоначальная, еще не отделанная редакция" представлена списком П, затем следуют два списка "первого разряда" - А и Т - и список последующей редакции - В.

Н.А.Казакова (1956, 1958, 1960) частично пересмотрела выводы Павлова: она слила списки ПАТ в одну редакцию "Собрания", а первоначальным текстом вассиановского трактата объявила текст Б. Список В и вместе с ним новонайденные списки СУ Казакова назвала 3 редакцией "Собрания", возникшей в результате позднейшей, не ранее середины XVI в., переработки 2 редакции; тем самым списки СВУ исключались из числа литературных предприятий вассиановского кружка. Текст пространного вида 3 редакции "Собрания" (список С) послужил источником "Прения с Иосифом" - сочинения, которое традиционно атрибутируется Вассиану и, как полагала Казакова, было написано в 1515 г. Так исследовательница оказалась перед серьезным противоречием: в сочинении 1515 г. никак не мог быть использован трактат середины XVI в.! Казакова пытается выйти из затруднительной ситуации, конструируя несохранившуюся I редакцию "Собрания", которая будто бы была создана на основе первоначальной редакции (список Б), почти не отразилась во 2 редакции, зато повлияла на 3 редакцию и "Прение с Иосифом". Датировка этой I редакции была синхронизирована Казаковой с установленной ею же датировкой "Прения" (1515 г.), а объем и характер несохранившегося текста I редакции произвольно поставлен в зависимость от места цитаты, общей для "Прения" и 3 редакции: I редакция, по мнению Казаковой, должна была заканчиваться 128 словом "Глѣв" Григория Синаита, процитированным и автором "Прения"¹⁴.

Г.Н.Моисеева (1958) повторила суждение Павлова о соотношении списков П и АТ, а список Б описала противоречиво: с одной стороны, исследовательница отмечала его несамостоятельный характер, возникновение Б в результате "механической утраты целого ряда отрывков" (поэтому "музейный список", то есть список Б, "не может считаться особым видом этого произведения"), а с другой стороны, во вступительной части Б Моисеева увидела особый "вариант" трактата, отражающий первоначальный авторский текст "Собрания"¹⁵.

Противоречия в построениях Казаковой вызвали критику со стороны А.А.Зимина (1974). Зимин поддержал Моисееву в анализе списка Б, однако мнение Моисеевой изложил неточно: он назвал Б "позднейшей переработкой текста, помещенного в кормчих", тогда как Моисеева возводила Б к черновым материалам Вассиана, предшествующим редакции кормчих. Зимин отказывал Б в праве называться первоначальной редакцией "Собрания" и считал, что вассиановский трактат в первоначальном виде сохранился в кормчей ВСМЗ (список С), а Б, А и Т отразили разные варианты переработки С.¹⁶

Автор этой работы в 1982 г. опубликовал статью, заново разбирающую соотношение списков "Собрания". Списки СВУ я возводил к протографу П, списки АТ — к общему протографу СВУ и П, а список Б назвал позднейшей переработкой текста "Собрания", близкого С и никакому другому из известных списков вассиановского трактата.¹⁷

Н.В.Синицына высказала дополнительные соображения относительно взаимоотношения списков П и АТ (1977) и выступила с критикой отдельных положений статьи Зимина 1974 г. и моей статьи 1982 г. (1983).¹⁸ Синицына считала, будто автор этих строк игнорирует "тот факт, что текст "Собрания некоего старца" в П "имеет принципиальное отличие от текста в списках" АТС. Это недоразумение: отличия П от АТС лежат в основе моей классификации списков "Собрания", список П назван особой редакцией этого сочинения, предшествующей редакциям, представленным списками АТ и С. Далее Синицына делает попытку объединить мою точку зрения с мнением Зимина, считавшего первоначальным видом "Собрания"

список С. И в данном случае исследовательница допускает неточность: автор квалифицирует С как список 3-ей редакции "Собрания" и указывает последовательные стадии работы Вассиана над трактатом: I редакцию (П) → 2 редакцию (АТ) → 3 редакцию (С). Синицына критикует меня за "предположение о возможности существования полного текста "Собрания", близкого П, но включающего переводы Максима Грека". Такого предположения в моей статье нет, а есть две гипотезы, одна из которых лишь отдаленно напоминает резюме Синицыной. Первая гипотеза – о "возможности существования полного текста "Собрания", близкого П, но имеющего продолжение" (ни слова о переводах Максима Грека, и выше также говорится о "полном тексте" и "тексте, примерно соответствующем куску общего текста в сохранившихся списках"). Здесь речь идет вовсе не о смешении признаков I и 2 редакций, а о разных ветвях текстопередачи, объединяющих в отдельных случаях списки П и С, независимо от АТ. Теперь это предположение можно сформулировать точнее: в протграф П были перенесены пометы из списка 3 редакции, и П является списком особого вторичного извода I редакции. Вторая гипотеза, высказанная мною, – о том, что "заключительные слова П можно рассматривать... и как план еще не написанного продолжения текста". Здесь я повторяю мысль Павлова, с которой Синицына полностью согласна.

Даже беглый археографический обзор списков, сохранивших "Собрание", показывает, что перед нами – исключительная в древнерусской литературе ситуация. 4 списка "Собрания", значительно отличающиеся друг от друга, относятся к 20-м гг. XVI в., ко времени напряженной работы Вассиана над кормчей, и связаны своим происхождением с литературным окружением Вассиана. 2 списка включены в кодексы, скопированные с одного из предварительных вариантов кормчей, и несходны ни с одним из списков, названных выше. Есть основания предполагать, что у нас в руках различные варианты текста, отражающие разные варианты авторского замысла, и можно надеяться, что правильно построенная текстологическая история вассиановского трактата откроет

прямой путь к "критике генезиса" (Г. Рюдлер)¹⁹ или к воссозданию "творческой истории" (Н.К. Пиксанов)²⁰ "Собрания". А творческая история вассиановского трактата, в свою очередь, представит вехи последовательного оформления "нестяжательской" программы первой трети XVI в.

История текста "Собрания некоего старца"

Разные варианты "Собрания", сохранившиеся в вассиановской кормчей, различаются между собой уже по объему: ок. 6 тыс. знаков в П, 14 тыс. знаков в ТА и 21 тыс. знаков в С. Еще более существенны идейные различия. Список П открывается цитатой из жития Саввы Освященного, требующей от иноков неукоснительного выполнения монашеского обета, знакомит читателей с аргументами, почерпнутыми из святого писания и предания, запрещающими инокам заниматься мирской деятельностью, цитирует канонические тексты, утвержденные I, II, IV и V соборами, и обрывается на недоуменном вопросе автора, обнаружившего упоминание о монастырских селах (и, следовательно, о канонически утвержденной мирской деятельности монахов) в 24 правиле IV собора и 18 правила VI собора. Канонические изыскания привели Вассиана к противоречию: одни правила запрещают "вступатися иноком... в села", другие - утверждают, что "у монастырей селам быти". "Ино которым верити? - спрашивает Вассиан. - Чим то разрешити?".

Противоречия П как будто разрешены в списках ТА: здесь заключительный абзац П отсутствует, и на его месте помещены новые (вероятно, выполненные Максимом Греком) переводы 24 правила IV собора, 12 и 18 правил VI собора с толкованиями Федора Вальсамона - переводы эти должны убедить читателя в том, что упоминание о монастырских селах в русских правилах - "олазнено" и подписано "ложно".

Список С представляется результатом дальнейшей переработки ТА: противоречия в правилах здесь разрешены аналогичным способом, однако есть существенные дополнения в аргументации по вопросу о селах, а также внесены два обширных

фрагмента, посвященных новой теме, — о ложных учителях и о неправедных епископах.

Наиболее общая схема движения текста, полученная в результате герменевтической критики, ясна: П → ТА → С, и каждая из названных вех имеет все основания именоваться особой редакцией (П — I-й, ТА — 2-й, С — 3-ей). Однако существуют соображения, не позволяющие останавливаться на этой стадии понимания текстологической истории "Собрания": во-первых, списки П и С обнаруживают черты взаимной близости, не отразившиеся в ТА; во-вторых, исключенные из рассмотрения три списка вассиановского трактата (ВКУ) не подчиняются делению на три редакции, стремятся заполнить "просветы" между списками кормчих и позволяют предполагать существование промежуточных стадий обработки текста (ср. предположение Моисеевой о распространении списков "Собрания" еще до того, как Вассиан закончил свою работу²¹); в-третьих, триада П — ТА — С не проясняет вопроса о первичности или производности от известных списков списка (и редакции) Б, ибо возможны разные решения: Б → П → ТА → С (мнение Казаковой), П → Б → ТА → С (мнение Моисеевой), С → ТА → Б (мнение Зимина), либо П → ТА → С → Б (мнение автора этой работы).

I. Начнем со списка П. В основной своей части он близок протографу ТА, что прекрасно демонстрирует сопоставление цитаты из жития Саввы Освященного в ТАП и СВ (для сравнения берем наиболее авторитетный список жития, сделанный рукой учителя и духовника Вассиана — Нила Сорского; список этот в 20-х гг. XVI в. хранился в митрополичьей канцелярии²²; контрольная сверка цитируемого списка с другими рукописями существенных разночтений не выявила):

Троицк.684, л.213 об.-214:	ТАП (Казакова, с.231):
<u>Вдавни бо</u> себе богови и обещав-	Въдав себе богови и
ся святому житию, и печатлев	<u>въручив ся</u> чистому (нет
свою душу целованием святого	П) житию, и печатлев
Евангелиа пред многими послу-	свою душу целованием
хи, и прикоснувся десною рукою	святого Евангелиа пред
на поручение честнаго послуша-	многими послухы, и

ниа к своему игумену, должен
есть опасно съхранити сиа. Си-
цевыми словеси великий Сава
душа их кормити и напаяти не
престааше, делу образ пода-
ваа им, яко же крыла им да-
яше и летати их учааше, и выше
небеси възходити устрояше.

прикоснувся десною рукою
на поручение честнаго по-
слушания к своему игумену —
и сицевыми делесн и словеси
Великий Сава душу их кърмля-
ше и напаяти не престаше, и
крыла им дааше, летати и
учааше, выше небеси възхо-
дити поучааше.

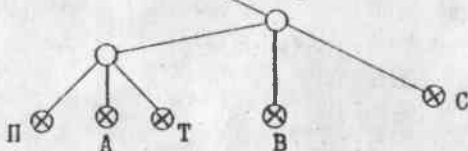
СВ (Казакова, с. 239):
Въдавый бо себе богови и
вручив ся честному житию,
и печатлев свой душу целова-
нием святаго Евангелия пред
многими послухы, и прикоснув-
ся десною рукою на поруче-
ние честнаго послушания к
своему игумену, длжен
есть опасно съхранити сиа.
И сицевыми делесы и сло-
веси великий Сава душа их
кормити и напаяти не преста-
ша, делу образ подаваа им,
яко же крыла им дааше и ле-
тати их учааше и выше небе-
си възходити устрояше.

Списки вассиановской кормчей, по-разному соотносимые с текстом жития Саввы, имеют серию индивидуальных отличий ("вручие ся", "чистому" — пропущено в II, "честному", "и сицевыми", "делесы и"), которые исключают возможность вторичного обращения к житию при создании списков СВ (в этом случае были бы исправлены и чтения, объединяющие ТАП и СВ, но отличающие эти списки от текста жития Саввы).

Житие
Саввы

Протограф
цитаты
"Собрания"

Стемма I

Отметим также фразу, присутствующую в ПАТ, но не отразившуюся в СВ и У (с.234, 10 св.: "того же правила II, 10-я грани, в I-й главе").

Вместе с тем П имеет серию индивидуальных чтений, отличающих его от АТ и не отразившихся ни в одном списке (с.231, прим.3; с.232, прим.6,7 - это пропуски слова и номеров евангельских зачал; с.232, прим.9 - ошибочная замена "святым" вместо "симь", прим.10 - пропуск "писания"; с.232, 5 св. - ошибочная замена "свет" вм."советь"; с.233, прим.16 - пропуск "им"; с.233, 12 св. - замена "у соборных церквей" вм. "у соборныя церкви"; с.234, прим.18 - ошибка в согласовании: "повелеваем" вм. "повелевайт"), а также разночтения, объединяющие П с СВУ (с.231, прим.1,2 - пропуск "от святого писания"; с.231, прим.4 - палеографически объяснимая замена: "9I" вм."29I"), с ВУ (с.232, прим.5 - пропуск "59"), с В (с.232, прим.8 - пропуск "30I"). Последняя группа разночтений дает основание утверждать, что в П отразилась та ветвь движения текста "Собрания", которая объединяла П с СВ, но не повлияла на протограф АТ.

Список П включает следы дополнительной редакторской работы с ним уже после завершения пискаревской кормчей или ее протографа - отсылку к 15 главе вассиановской кормчей (с.234, прим.17) и фрагмент текста (с.233, прим.13), совпадающий с С (с.244, II - 8 св.), причем этого текста нет ни в одном, кроме С, списке "Собрания". Внимательный палеографический анализ этих дополнений убеждает в том, что оба они возникли в результате переноса помет с полей протографа пискаревского списка в основной текст П: в первом

У. "В правилех святых отец~ есть в АТ; список П имеет
 правила съблюсти" индивидуальное окончание
 (с.245, 12 сн. - 249, 1 сн.) после слов "по сим прави-
 лом" (с.245, 7 сн.)

I фрагмент дает материал для сопоставления всех списков "Собрания". Находим здесь ряд индивидуальных дополнений С, не отразившихся ни в одном списке (с.240, прим. 40-41: "И в Лествици слово I о отвержении мира"; с.241, прим.69-70: "ни Иоани Лествичник"). Укажем на чтения, отличающие С от АТ, но приближающие к С списки ВВ ("дльжен есть опасно съхранити сия", "делы образ подаваа им, яко же" - в цитате из жития Саввы Освященного) и ВУБ ("от соборныа церкви, от церковнаго богатства питатися или"; "ноипаче запрещали им о сем своим писаниемь - ни в мирскна ни в какиа вступатися вещи"). Для нас важно, что список Б, положение которого вызывает особенные споры, зависит от С там же, где и В, но не повторяет индивидуальных особенностей В (они рассмотрены ниже), следовательно, близок к С или родственному списку.

Рассмотрим отрывок I фрагмента, где особенно велики различия между списками:

АТЛЗ

А се запрещения: в Марке зачало 2: Веруйте в Евангелие. В Матфее II6: Вся, елика заповедах вам. В (нет Т) Марке зачало (нет 3) 7I и пакы в Матфее в зачале 39, в Марке 4I, в Луце 5I, в Иоанне 45 и пакы в Матфее: Мний наречется, в зачале II. А в Апостоле 52 и 53, и 82, и еще в Луце: Небо и земля мимо идет, а словеса моя не преидут, в зачале IO7. Сле страшно не хранящим закона божиа!

С

А се запрещение: в Марке зачало 2: Веруйте в Евангелие, и 7I. В Матфее зачало 60, 74, 75, II6: Вся, елика заповедах вам. В Марке зачало 7I и пакы в Матфее в зачале 39, в Марке зачало 4I, в Луце зачало 5I о отступницех, в Иоанне зачало IO,45 и пакы от Матфеа: Мний наречется, зачало II. А в Никоне в 8-м слове и в Апостоле зачало 52 и 53, зачало 69,80,8I,82, еще в Луце: Небо и земля мимо идет, а словеса моя не

преидуть, в зачале IO7. Оле страшно не хранящим закона божиа!

Б

А се запрещение: веруйте во Евангелие вся, елика заповедах вам. О отступницех глаголет: Мний наречется! Оле страшно не хранящим закона божиа!

У

В Марце зачало глава 63
2: Веруйте в Евангелие. А се запрещение. В Воскресном евангелии вкратце, и на Семен день летопровождения. В Матфее, в Воскресном, зачало II6: Вся, елика заповедах вам. В Марке зачало 7I. Паки в Матфее зачало 39, в Марце зачало 4I, в Луце зачало 5I, в Иоанне зачало 45. И паки в Матфее: Мний наречется, зачало II. А в Апостоле зачало 50,52, 53, зачало 69,80,8I,82. И еще в Луце: Небо и земля мимо идет, а словеса моя не преидут, в зачале IO7. Оле страшно не хранящим закона божиа!

В

А се запрещение: в Марке зачало 2: Веруйте в Евангелие. В Матфее 60,74, зачало II6: Вся, елика заповедах вам. В Марке зачало 7I и паки в Матфее зачало 39, в Марке зачало 4I, в Луце зачало 5I. О отступницех в Иоане, зачало 45 И паки в Матфее: Мний наречется, зачало II. А в Никоне в 8-м слове, в Апостоле зачало 52 и 53, зачало 69,80, 8I,82 и еще в Луце: Небо и земля мимо идет, а словеса моя не преидут, в зачале IO7. Оле страшно не хранящим закона божиа!

Слова "глава 63" в У – это перемещение ссылки на Устав, предшествующей данному тексту во всех списках; фраза "в Воскресном евангелии провождения" и слово "воскресном" в У – это фрагмент скрепы, о котором писала Казакова²³. Показательно, что список У занимает промежуточное положение между СВ ("глава 63", четырежды "зачало", зачала 69,80,8I) и АПЗ (нет "а в Никоне в 8-м слове и", "о отступницех",

Ю зачала Иоанна, 60,74,75 зачал Матфея). Список В не повторяет двух индивидуальных дополнений С: нет 75 зач. Матфея и Ю зач. Иоанна. Даже по небольшому фрагменту текста Б можно судить о связи его с СВ ("о отступницах"), причем основная редакторская работа, как представляется (это специально обосновано в моей статье 1982 г.²⁴), укладывается в формулу: АТ → С → Б.

П фрагмент С, отсутствующий в АТН, частично отразился в ВУ (см. специальный разбор²⁵), что позволяет связывать С с ВУ, минуя посредников – протограф АТ и протограф П.

У фрагмент доказывает отличия протографа С от протографа АТ (рассмотрены выше, в пункте 2); С содержит здесь три дополнения, не отразившиеся в АТ (с.246, I св.; с.248, прим. р; с.249, прим. у).

4. Список В интересен тем, что, сохраняя чрезвычайную близость к С, он не отразил отдельных дополнений С (см. выше) и, следовательно, свидетельствует о предварительной, черновой стадии работы над редакцией, представленной списком С (3 редакция).

5. Переписчик У является классическим "собирателем разночтений": с начала текста до с.240, I св. У явно следует ПАТ (с.239, прим.29-30), причем однажды особенно приближается к П (с.240, 7 св.: "поясати их"), однако далее и до конца списка переписчик У воспроизводит чтения В (с.242, прим.77-78, прим.79; с.243, прим.89-90).

Индивидуальные особенности У – это оригинальное начало, а также пропуски и перестановки, не имеющие принципиального характера и потому не позволяющие видеть в У особую редакцию "Собрания" (с.240, I св. – в рукописи на месте пропуска оставлено чистое место; с.240, прим.32-33, прим.38-39 – спутан номер правила Василия Великого: "34" вместо "84"; с.240, вслед за прим.39: "Аще кто хочет не по Евангелию жити" вм. "Аще кто не по Евангелию хочет жити"; с.241, прим.63-64; с.241, 7 св. – обратный порядок слов: "ни Евфимий Великий, ни Ларин Великий"; с.243, прим.87-88 – пропуск).

6. Позднейший список З Казакова возводила к Т, чему никаких подтверждений не обнаруживается: не читаются в З индивидуальные отличия Т (см. пункт 2). Не следует З и особому чтению А ("господь" — с. 232, 5 св.). Однако серия мелких чтений свидетельствует о том, что З связан с АТ ("летати и учаше", "поучаше, аще кто хоцеть", "кормяше") и не связан с П ("поясати я", "усты"). Отметим индивидуальные чтения З: с. 232, 17 св. — "хранит" вм. "хранят", 12 св. — пропуск "зачало"; с. 233, 1—2 св. — пропуск "потребит господь в 36-мь псалме"; 10 св. — обратный порядок: "не дръжаль у ма-настырей"; 21—22 св. — обратный порядок "и Павел Комельский и Дмитрий Прилутский"; 25 св. — "и" вм. "или"; 29 св. — пропуск "своим".

Есть два случая, когда З приближается к Б: оба списка обрываются на одних и тех же словах, и именно там, где в С заканчивается I фрагмент и начинается индивидуальный текст, не повторенный ПАТ, но отразившийся в ВУ; на с. 233, 15 св. в З читается "и оне" вместо архаичного "ин и", в Б — "и оне", в П — "и они". Я думаю, что при отсутствии других обших чтений у нас слишком мало оснований сближать З с Б: вторая поправка могла возникнуть независимо, как, например, возникла она в П, а обрыв З и Б на одних и тех же словах может свидетельствовать об особенностях субархетипа С, который был одним из вариантов авторского текста и мог породить далеко расходящиеся "фамилии" списков.

7. Список К является индивидуальной обработкой "Собрания", выполненной, вероятно, Гурием Тушиным. Попробуем определить субархетип²⁶ этого списка. В К сохранился фрагмент "Собрания" (ср. с. 231, 14 св. — 233, 12 св., с. 234, 3—8, 14—16 св.), который близок ПАТ, но характеризуется рядом стереотипных чтений, отличных от всех списков "Собрания": "и летати", "и выше", "их поучаше", "празднует" вм. "празднуем", "и питаяся", "и аще", "их предает". Отметим пропуски К: "От Евангелиа в Матфее 39, зачала 69 и 79", "в конце о Акиле и Прискиле", "я" (с. 232, 4 св.), "А се запрещения ~ таковая о сих". Полагаем, что перечисленные особенности возникли под пером Гурия Тушина, который сокращал и перерабатывал текст. Любопытные пропуски

инного характера обнаруживаются в ряду отсылок к евангельским зачалам: пропущены номера 59 (как в П и В ред.), 131 (как в П), 277 (как в П), 301 (как в ПВ). Это наблюдение позволяет связать субархетип К с протографом П (но не с самим П, ибо его индивидуальных чтений К не повторяет: "святым" и "у соборных церквей"). Заметим, что субархетип К обрывался как раз там, где заканчивается список П (с.234, 16 св.).

8. Список Б Казакова относит к первоначальной редакции сочинения Вассиана, составленной в 1503–1509 гг., и предлагает следующие аргументы в подтверждение первичности редакции, представленной этим списком: а) содержание Б более других отвечает заглавию, общему для всех списков; б) список Б перечисляет "нестяжательных" святых ближе к тексту "Соборного ответа 1503 г.", с которым спорит вассиановский трактат; в) отрывок "Наказания" Иллариона, входящий в состав Б, связан с отрывком "Наказания" из сборника Гурья Тушина (то есть с рукописной традицией вассиановского круга) и ни с какими другими известными Казаковой списками (Казакова, с.202: названы 7 списков ГПБ).

Разберем эти аргументы: а) заголовок Б является испорченным заголовком С, причем переписчик Б нарушил согласование: "Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания и отвержени мира", вместо "на воспоминание своего обещания о отвержении мира" — монашеское обещание как раз давалось о "отвержении мира"²⁷. Казакова в публикации списка Б добавляет конъектуральные чтения: "и [о] отвержени[и] мира" (с.223), которые в аналитической части своей работы цитирует без оговорок как подлинные (с.207); б) Казакова пишет о синтаксической зависимости Б от "Соборного ответа 1503 г." (с.200), но доказательств этому утверждению не приводит, читателю предложено лишь сопоставление списков имен святых (с.201). В сравнительно небольшом перечне святых "Ответа 1503 г." есть два имени, не упомянутых ни в одном списке "Собрания": Геласий и Симеон. Список Б, по сравнению с другими списками вассиановского трактата, добавляет Антония Великого (есть в "Ответе 1503 г."), Фролина Псковского, канонизированного в 1547 или

1549 г.²⁸ (нет в "Ответе"). Дмитрий Прилуцкий и Дионисий Глушицкий, упомянутые в "Собрании", получают в Б, как и в "Ответе", титулатуру "вологодских" чудотворцев — но эта титулатура сравнительно поздняя²⁹ и не является индивидуальной особенностью "Ответа". Датировка самого "Ответа" нуждается в серьезном обсуждении; в) последний аргумент Казаковой носит косвенный характер, ибо фрагмент "Наказания" не входит в общий для всех списков текст "Собрания", а является оригинальной частью Б, принадлежность которой перу Вассиана признавалась лишь под давлением текстологических разысканий Казаковой, а эти разыскания, как показывает наш обзор, чрезвычайно спорны. Фрагмент "Наказания" в Б (с.225, 20 сн.—227, 7 св.: "Красно есть ~ исправлении христианством") характеризуется целым рядом чтений, отсутствующих в сборнике Гурья Тушина Соф.1468 ("мир не мерзит нам" — "понеже мира держимся"; "чаши благословяще и приемлюще" — "чаши прекрещающи" и др.), включает отрывки "Наказания", отсутствующие в Соф.1468 ("не введуще окаяннии ~ братие", с.225, 14 сн.—10 сн.), и при сопоставлении с некоторыми другими списками "Наказания" (Н.К.Никольский указал III списков³⁰, и это число можно значительно увеличить) не обнаруживает особенной близости к сборнику Гурья Тушина.

Аргументы Казаковой не дают нам оснований предполагать в Б первоначальный текст "Собрания". Связь Б со списком С является основным показателем, характеризующим место Б в текстологической истории "Собрания". Стилистические особенности Б — удаление ссылок на источники трактата и попытка скомбинировать литературный текст в результате "выжимки" текстовой части из списка, где краткие цитаты перемежались рядами цифровых отсылок к Евангелию (см.подробнее в специальной статье³¹) — могут быть объяснены лишь тем обстоятельством, что Б — позднейшая обработка вассиановского трактата, возникшая в ходе обработки списка, близкого С. Укажем на то, что Б вероятнее возводить все же не к С, а к его протографу: в Б не отразились индивидуальные чтения С, добавлявшего в тексте ссылку на Лествицу Иоанна Лествичника (с.240, прим.40—41) и имя Иоанна Лествичника — в список святых (с.241, прим.69—70).

9. Рассмотрим гипотезу Казаковой о существовании I-й, несохранившейся редакции "Собрания". Согласно Казаковой, I редакция примерно соответствовала с.239-245, I3 сн. списка С, то есть покрывала весь I фрагмент (общий для всех списков), II фрагмент (общий для СВУ, а затем - индивидуальный текст С), III фрагмент (общий для ПАТС) и IV фрагмент (индивидуальный текст С). На уровне композиции фрагментов гипотеза Казаковой не выглядит убедительной: неясно, почему V фрагмент, логически продолжающий тему III, должен был отсутствовать в так называемой I редакции "Собрания", а IV, разрывающий последовательность изложения ПАТ, должен был составлять обязательную принадлежность этой несохранившейся, но лежащей будто бы в основе списков ПАТСВУ редакции вассиановского трактата.

Стемма 2

П	АТ	В	С	Б		т.н. I ред.	"Прение"
I	I	I	I	I		I	
		П/	П			П	
	Ш		Ш			Ш	
IV//			IV			IV	-----> IV/
V//			У				

Примечание: римскими цифрами обозначены фрагменты "Собрания", которые названы в пункте 3; косая скобка указывает на неполный текст того или иного фрагмента.

Из этого сопоставления видно, что текст, содержащий лишь I-IV фрагменты (текст т.н. I редакции), ни в одном реально сохранившемся списке "Собрания" не отразился.

Допущения о существовании утраченной ныне I редакции "Собрания" принять нельзя, ибо: а) гипотеза Казаковой не нужна для объяснения текстологической истории сохранившихся списков "Собрания" (вспомним о знаменитой "бритве Оккама"); эта гипотеза играет важную роль в других построениях Казаковой и потому выводится ею не из особенностей текста

"Собрания", а из комбинации признаков "Прения с Иосифом", где использован IY фрагмент вассиановского трактата - потому и объем и характер несохранившегося текста I редакции произвольно поставлен Казаковой в зависимость от места цитаты, общей для "Прения" и списка С; б) предположение о существовании I редакции, покрывающей I-IY фрагменты "Собрания", не принимает в расчет многочисленных редакционных, постепенно прописанных Вассианом различий между П (I, III и часть У фрагмента), АТ (I-III-У) и С (I-У фрагменты) и тем самым нивелирует принципиальные различия между I, 2 и 3 редакциями "Собрания"; в) внутри П фрагмента, который, согласно Казаковой, входил в состав т.н. I редакции "Собрания" еще в 1515 г., находятся канонические ссылки (с.243, I-9 св.), впервые включенные в черновые выписки вассиановской кормчей ЦАГАДА, ф.181, № 1597, л.2 об. (Казакова датирует эту редакцию кормчей 1518-1524 гг.) и перешедшие затем в дополненном виде в состав списка С.

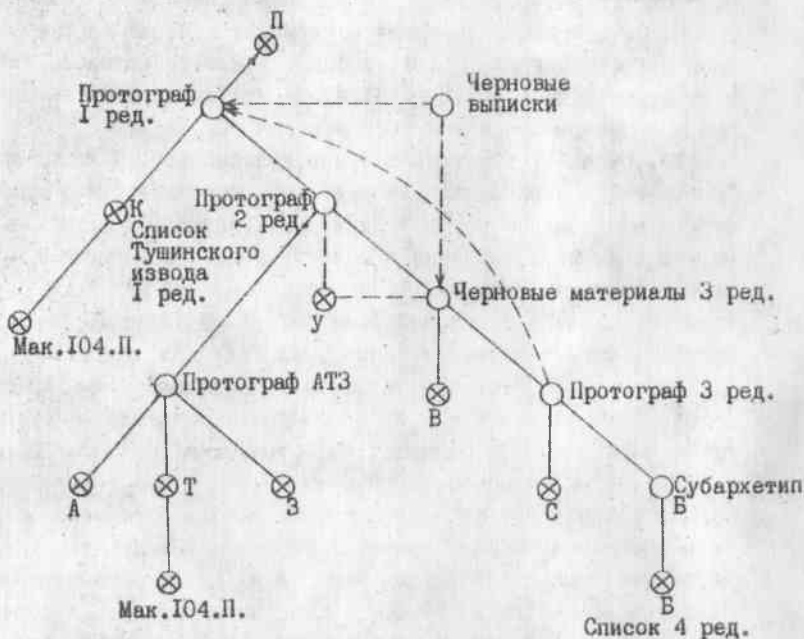
Ю. Отказ от гипотезы о существовании т.н. I редакции "Собрания" и первоначальной редакции, отразившейся в единственном позднем списке Б, значительно упрощает и конкретизирует наши представления о текстовой истории вассиановского трактата. Я думаю, что работа Вассиана над "Собранием" выражается текстовой формулой: I редакция (П без дополнительного текста, внесенного на поля протографа П из IY фрагмента С; ред. отразилась в субархетипе К) → 2 редакция (АТ, частично текст ее воспроизведен в З) → черновые материалы к 3 редакции (В, отразились в У) → 3 редакция (С) → 4 редакция (Б).

Многочисленные разобранные выше особенности текстопередачи "Собрания" свидетельствуют об относительной независимости протографов 2 и 3 редакции, о их связи лишь через протограф I редакции. Вместе с тем протографы АТЗ и 3 редакции имеют одну общую особенность: там, в отличие от ПКВУ, имелись ссылки на евангельские зачала 59 и 301: возможно, к моменту создания протографа АТЗ и 3 редакции существовала черновая выборка материала, включающая более

развернутые отсылки к Евангелию, и с ней, независимо друг от друга, сверялись протографы редакций.

II. Стемма. Представленные на стемме 3 протографы I, 2 редакций, черновые материалы 3 редакции и протограф 3 редакции, судя по происхождению списков, принадлежат перу "некоего старца", как называл себя Вассиан Патрикеев в заголовке "Собрания". Взаимотношения между этими материалами отражают разные этапы авторской работы, о которой мы пока не имеем ясного представления, ибо "текстовая история еще не есть творческая история", а "является ее необходимой предпосылкой"³².

Стемма 3

Источники вассиановского трактата

Более глубокое изучение редакций канонического трактата Вассиана невозможно без тщательного сопоставления текста с источниками "Собрания". Трактат написан в жанре канонического разыскания, схолии (жанр этот был известен на Руси по сочинениям византийских юристов, например, Алексея Аристина), поэтому собственного авторского текста в "Собрании" немного, не более десятой части, прочие девять десятых — цитаты, отсылки к другим сочинениям, состоящие из длинных рядов цифр и резюмируемые лапидарными фразами составителя. Возьмем на себя труд внимательно прочесть текст "Собрания" и восстановить весь комплекс источников, к которым отсылали читателей Вассиан.

В первой редакции, объемом ок. 6 тыс. знаков, автором цитируются 8 различных книг:

1. Житие Саввы Освященного (исходный текст см.: ГБЛ, Троицк. 684, л. 213 об.—214; индивидуальные особенности цитаты рассмотрены выше);

2. Евангелие апракос (Матфей, зач. 39, 69, 79, 116, 39, 11; Марк, зач. 45, 2, 71, 41; Лука, зач. 49, 77, 201, 51, 107; Иоанн, зач. 45);

3. Апостол апракос полный (зач. 40, 80, 67, 75, 176, 181, 215, 238, 244, 245, 257, 292, 296, 330, 331, 52, 53, 82);

4. Постнические слова Василия Великого, сл. 5, 6, 7 (см.: ГБЛ, Троицк. 129, л. 82 об.—86 об.);

5. Псалтырь, пс. 1, 5, 11, 36, 103, 118;

6. Тактикон Никона Черногорца³³, неточная отсылка к сл. 2 (ГБЛ, МДА 56, л. 837 об.—845, ср. л. 841);

7—8. Кормчая традиционного состава либо вассиановская кормчая: УП собора правила 17, 11, 18; Двукратного собора I правило; IV собора 3, 4 и 24 правила; послание Кирилла Александрийского к Домну; 84 правило Василия Великого (текст не идентичен традиционному: ср. ГБЛ, Муз. 4843, л. 186); возможно, цитата из послания Никона Черногорца антиохийскому князю Мараве — с. 233, 11—13 сн.

Вторая редакция, ок. 14 тыс. знаков, расширена за счет вторичного обращения к Апостолу апракос (зач. 59, 131, 277,

301) и переводов греческих правил и толкований Федора Вальсамона (IV собора 24 правило, УП собора правила 12 и 18; толкование Вальсамона на 12 правило УП собора приведено не полностью: см. Правила, с. 230-232, 668-688, 710-713; *Migne*, t. 137, col. 471-474, 927-954, 977-980). Переводы толкований Вальсамона сделаны, по-видимому, с греческой кормчей Успенского собора, привезенной на Русь митрополитом Фотием в 1410 г.³⁴

Третья редакция, ок. 21 тыс. знаков, значительно выросла в объеме, ибо автор привлек 17 новых источников, не переставая, впрочем, возвращаться к кругу книг, использованных при составлении I редакции. Вторично Вассиан цитирует:

1. Житие Саввы Освященного (выше указаны разночтения, отличающие выписку из жития в ПАТСВУ от традиционного текста, а также отличия СВ);

2. Евангелие апракос (Матфей, зач. 35, 36, 37, 38, 203, 204, 205, 116 - это зачало названо Вассианом и в I редакции, зач. 75; Лука, зач. 66, 79, 84; Иоанн, зач. 43, 45).

3. Апостол апракос полный (зач. 73, 96 - эта отсылка повторена дважды; 229, 286, 295 - дважды; 297, 302, 296 - есть и в I редакции);

4. Псалтирь, пс. 103 - есть в I ред.;

5. Тактикон Никона Черногорца, сл. 1, 2 - есть в I ред., предисловие к Тактикону, сл. 4, 8, 3, 2 (см.: РГЛ, МДА 56, л. 833 об., 837 об.-845, 800 об., 858 об.-865 об., 881 об., 845-858 об., 837 об.-845 - если книга Никона процитирована Вассианом точно, указываем определенный лист Тактикона, если же отсылка суммарна, даем указание на весь текст упомянутого в "Собрании" слова);

6. Кормчая - апостольские правила 41, 59, 80, 82; 9 канон Сардикийского собора; 9, 19, 85 правила Василия Великого; IV собора 4 правило - дважды в 3 ред., вторично, есть в I ред.; IV собора 16 правило; УП собора правила 19, 20, 21, 22; Двукратного собора правила I - есть в I ред., 2, 3, 4, 5, 6, 7;

7. Постнические слова Василия Великого, сл. 144, 29, 57, 58, 142, 161, 187 (см.: РГЛ, Троицк. 129, л. 120 об., 100 об., 112, 112, 120, 122 об., 125-125 об.).

Новые источники, впервые разысканные автором в процессе создания 3 редакции, таковы:

1. Лествица Иоанна Лествичника, сл. I;

2. Пандекты Никона Черногорца, сл. 29, 8, 20, 34, 36, 37, 14, I, 63 (см.: ГБЛ, МДА, 56, л. 299 об.-305 об. - это "Повесть" Нила Синайского, происхождения которой не смогла установить Казакова³⁵, л. 94-III, 217 об.-235 об., 357-366 об., 384-400, 400-410 об., 154 об.-162 об., ср. л. 100 об., 22 об., 788 об.);

3. "Главизны" Дионисия Ареопагита, гл. 6 (см.: ГБЛ, Троицк. 123, л. 355 об.-359);

4. Мучение Феклы (см.: ГБЛ, МДА 88, л. 257);

5. Студийский устав, гл. 73 (в В ошибочно: 63);

6. Поучения Еврема Сирина, сл. 43, 45 (см.: ГБЛ, МДА 36, л. 96-102, 110-115 об.);

7. Слова Федора Студита, сл. 7, 10, 57, 80, 78 (см.: ГБЛ, Троицк. 178, л. 14 об.-18 об., 23 об.-26, 142 об.-144, 192 об.-195, 187 об.-189 об.);

8. Номоканон Иоанна Постника - цитируется по вассиановской кормчей I редакции ("первая книга" кормчей представлена списком П), где помещен под номером 13 главы;

9. Житие Спиридона Тримифунтского (см.: ГБЛ, Троицк. 78, л. 354-355);

10. Воскресное толковое евангелие, поучение на 15 августа, толкование 54 зач. евангелия от Луки, поучение в 50 неделю по пасхе;

11. Сборник постный;

12. "Главы" Григория Синаита, сл. 128 (ГБЛ, Волок. 438, л. 69-69 об.; Migne, t. 150, col. 1293 D - 1293 B);

13. Маргарит Иоанна Златоуста, сл. 61;

14. Паремийник, чтения в четверг на Федорове недели;

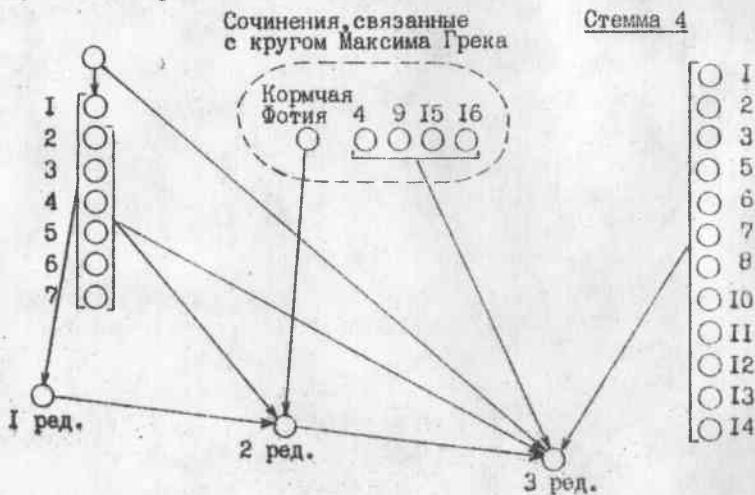
15. Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, беседы 51, 52, 53, 55, 59, 45, 102, III (см. ниже);

16. Устный источник - толкования греческих слов "агрос", "проастий". Цитата из сочинений Исаии (с. 243) не представляет особого источника 3 ред. "Собрания", так как восходит к выписке из Номоканона Иоанна Постника (13 гл. I ред. вассиановской кормчей), эту же цитату см. в 20 слове

Тактикаона Никона Черногорца и в 9 главе вассиановской кормчей - "Завещании" патриарха Мефодия (ГБЛ, Пискарев 39, л.407 об.).

Отметим, что не менее четырех вновь появившихся источников "Собрания" прямо или косвенно связаны с деятельностью Максима Грека. На мучение Феклы Максим сослался в "благодарственном" послании В.М.Тучкову (перв.пол.20-х гг. XVI в., не позднее 15 февраля 1525 г.³⁶). Отрывки жития Спиридона Тримифунтского либо фрагмент хронографического источника типа Еллинского летописца 2 редакции³⁷ представлены среди статей Троицкого собрания сочинений Максима и Собрания в 151 главу: "О Спиридони чудотворци" - ГБЛ, Троицк.200, л.415-416, Троицк.201, л.III об. Беседы Златоуста на Евангелие от Матфея были переведены в 1523/24 г. учеником Максима Грека Селиваном³⁸. Разъяснения значений греческих слов вероятнее всего были даны Вассиану также Максимом Греком (эта гипотеза принимается всеми исследователями). Возможно, и ссылки на Псалтырь, особенно на текст 103 псалма, имеют в виду Толковую псалтырь, переведенную Максимом Греком в 1519-1522 гг.

Работа Вассиана над источниками "Собрания" графически может быть представлена стеммой.

"Нестыжательская" программа I редакции "Собрания"

"Собрание" имеет заголовок, из которого следует, что трактат написан как "вспоминание своего обещания о отвержении мира" (пунктуация в издании Казаковой, с.231, неверна). "Обещание" – это иноческий обет; смысл обета, ясный из чинопоследования пострижения, требует отречения иноков от мирских дел, однако Вассиан предлагает собственное объяснение, какие именно вещи, "яже суть в мире", не должны занимать монаха. Вассиан отсылает читателя к житию Саввы Освященного, каппадокийца, с 8 лет жившего в пустыни под начальством Евфимия Великого. Савва – родоначальник лаврского жития, автор Иерусалимского устава, которым с третьей четверти XIV в. руководствовались и русские монастыри. Клятвы и целование евангелия, сопровождавшие иноческое пострижение, должны были утвердить в монахе желание согласовывать свою жизнь с евангельскими заповедями.

Однако связь евангельских заповедей со строем жизни монашествующих, неоднократно подчеркиваемая Вассианом, была, как известно читателю, не столь уж прямой: в апостольском кругу монахов еще не было. А Вассиан на суде 1531 г. утверждал: "Яз писал о селех: во Евангелии писано, не велено сел монастырем деръжати" (с.287). Подобного утверждения в Евангелии нет и не может быть (монастыри были организованы уже после создания новозаветного канона), поэтому Вассиану предстояло доказать тезис о том, что монашество родилось в результате апостольской проповеди – и, следовательно, монахи должны буквально руководствоваться евангельскими заповедями, записанными не монахами и не для монахов. Разыскания на эту тему сразу и бесповоротно отсекали Вассиана от идей новгородско-московских еретиков и определяли место "нестыжательства" в комплексе ортодоксальных христианских мировоззренческих систем.

О происхождении монашества Вассиан пишет немного (с.231, I-10 св. – с.232, I-10 св.), причем повторяет основные аргументы Иосифа Санина, изложенные им в 1508-1513/14 гг. в II слове "Книги на еретиков"³⁹; сходство это настолько очевидно (а в 3 редакции оно еще более возрастает), что

можно говорить о полемической перекличке "Собрания" и II слова "Просветителя". Прибегает Вассиан и к аргументам чрезвычайно спорного свойства: так, под влиянием толкований Аммония, он цитирует 40 зачала Апостола (Деяния, I8, I8), где Павел присутствует при острижении глав язычников Акила и его жены Прискиллы – острижские это ничуть не свидетельствует о законоположении монашества: назореи остригали головы в знак обета Иегове (Чисел, 6, I8), язычники остригали волосы, получая крещение (Деяния, 2I, 24).

Тексты о монашестве группируются вокруг 69 зачала Евангелия от Матфея (Матф. I6, 24–28), где передаются слова Христа, поучавшего апостолов в Галилее: "Если кто хочет идти за мною, отвергнись себя и возьми крест свой..." (ср. Матф. IO, 38; Марк 8, 34; Лука I4, 27) – на цитировании этих слов построены и упомянутые здесь же 5 и 7 слова Василия Великого (Троицк. I29, л. 82 об.–83, 84 об.–86 об.). Среди источников данной части "Собрания" не находим текстов, запрещающих содержать села у монастырей, более того, упомянутое 6 слово Василия Великого утверждает альтернативные пути развития монашества – и общежительное и особое (келлиотское) устройство монастыря, а ведь именно общежительные монастыри традиционно владели селами (см.: ГБЛ, Троицк. I29, л. 83–84 об.). Вассиан же резюмирует свидетельства своих источников так: "И все святии отци о отвержении мира писаша: иноком... сел не дрѣжати, ни владети ими" (с. 232, I5–I7 св.). Вассиан вводит новую тему, никак не обозначенную его источниками, но знакомую нам по сочинениям Нила Сорского⁴⁰ – о умеренности в благотворительности и небольшом размере милостыни (давая малую милостыню, монахи не берут на себя обязательств владеть большими богатствами) и предлагает монахам "жити в тишине и в безмолвии, питаяся своими руками". Последнее утверждение можно было бы толковать как выпад против общежительных монастырей, однако вспомним, что "Собрание" открывается фрагментом жития Саввы, построившего знаменитую общежительную лавру – следовательно, Вассиан ратовал не против общежития, а за такой вид общежительного монастыря,

который не противоречил бы евангельским заповедям "нищеты".

Далее в I редакции следуют запреты тем монахам, кто преступает заповеди (на них Вассиан распространяет светское отношение к клятвopеступникам), однако речь идет не о преступлении частных монашеских обетов, а о нарушении заповедей Христа.

Следом за запрещениями Вассиан помещает списки греческих святых (жития этих святых вошли в компендиум, собранный Нилом Сорским, который, вероятно, и использовался Вассианом) и русских подвижников (обратим внимание на преобладание имен, особенно почитавшихся в Кирилло-Белозерском монастыре: Кирилл, Варлаам, Дионисий Глушицкий, Дмитрий Прилуцкий, Павел Комельский). Все эти чудотворцы, по мнению Вассиана, жили "безъимянно", то есть "сел к своим монастырям не имали" (что, впрочем, не соответствует истине). Житийные примеры позволяют автору "Собрания" разделить владельческие права святительских кафедр (правила вселенских и поместных соборов разрешают епископам владение населенными землями) и черного духовенства, которому, как полагал Вассиан, запрещено владеть селами. Последнее запрещение нельзя поставить на каноническую основу: никогда и никакие правила не отрицали права монахов владеть селами, соборные постановления кормчих пестрят упоминаниями о монастырских землях, но Вассиан разъясняет: "Аще кто целомудрен смысл имеет по бозе, и правила тако же повелевають" (с.233, 10-9 сн.). Повторим: такое толкование правил несправедливо, неверно, ибо на самом деле отцы вселенских и поместных соборов, хотя и не учреждали монастырских сел, но и не запрещали их, и никогда не замалчивали монастырской недвижимости и всюду упоминали о ней как о конфессионально нейтральной реальности.

Перечитаем канонические ссылки Вассиана, вошедшие в I редакцию "Собрания" (с.234, 9-16 св.). Вассиан упоминает I7 и II каноны УП собора, I правило Двукратного собора, 3 и 4 правила IУ собора, 2 правило из Послания Кирилла Александрийского к Домну. Эта подборка запрещает монахам создавать новые монастыри, если у них нет для этого надлежащих средств

(Правила, с.706-710; Migne, t.137, col.972-976; ГБЛ, Пискарев 39, л.132 об.); каждая церковь, каждая святительская кафедра и все монастыри должны иметь экономов для распоряжения их имуществами (Правила, с.665-668; Migne, t.137, col. 926-928; Пискарев 39, л.300-301 об.); запрещает создавать новые монастыри без ведома епископа и указывает, что переданное богу имущество уже не составляет собственности частного лица, которому прежде оно принадлежало (Правила поместные, с.337-342; Migne, t.137, col.1005-1013; Пискарев 39, л.132 об.); не позволяет клирикам и монахам брать на откуп имения и принимать от мирян поручения мирского характера, исключение допускается для заботы о вдовах, сиротах, нищих, а толкователи (и Аристин в том числе) указывают, что согласно 8 новелле Льва Философа епископы и монахи могут быть распорядителями имений, оставляемых кафедрам и монастырям для раздачи на помин души - в этом случае душеприказчики называются попечителями, эпитропами (Правила, с.158-165; Migne, t.137, col.389-397; Пискарев 39, л.118 об.-119). Запрещение монахам вмешиваться в мирские дела приводится вторично, указано также на незаконность пострижения рабов без согласия господина (Правила, с.165-170; Migne, t.137, col.397-404), а управление церковными "стяжаниями" определено передается епископу (Migne, t.138, col.918-920; Кормчая, л.272 об.-275 об., см.л.273; Пискарев 39, л.75 об.-76, 310).

Основная тенденция канонической подборки I редакции может быть признана в стремлении передать управление всеми церковными имуществами в руки епископов, а черное духовенство оградить от мирской деятельности (чему, впрочем, противоречат толкования на 3 правило Халкидонского собора, предусматривающие за монахами роль эпитропов). Каноническая неотъемлемость церковных имуществ не ставится Вассианом под сомнение: 2 правило Кирилла Александрийского утверждает, что "сокровища и стяжания церковная неподвижна и неотъемлема и непродается царкви подобает хранить". Правила, подобранные Вассианом, не содержат прямого запрета на крупную монастырскую

собственность, потому Вассиан и предлагает читателю приложить к правилам "целомудрен смысл". В восточной церкви монастырские "стяжания" регламентировались римским, входившим в состав византийского, правом, каноническим правом и диспозитивными правовыми нормами⁴¹. Авторитетные для Вассиана тексты твердых разъяснений этого вопроса не могли содержать: во II-III вв., когда формировались институты церковной и монастырской собственности, проблемы монастырских имуществ находились на периферии строительства христианского мира. Последующие византийские споры по поводу поземельных прав монастырей (например, полемика XI в., когда вся Византийская империя превращалась в большой монастырь и сетования на размножение обитателей стали общим местом в церковной литературе⁴²), на которые ориентировался Вассиан, цитируя сочинения Никона Черногорца⁴³, уже не могли породить тексты бесспорно канонические и равные по своему авторитету решениям вселенских соборов. Вопрос, не решенный вселенскими учителями IV-VII вв., не мог быть окончательно решен в последующие столетия при условии сохранения ортодоксального христианства: недаром европейская секуляризация стала возможной лишь после Реформации и реформационных поновлений католицизма 20-х гг. XVI в. Поэтому с канонической точки зрения позиция Вассиана представляется слабой, и защищать ее трудно.

I редакция завершается указанием на противоречия между правилами вселенских соборов: например, Вассиану кажется, будто 24 канон Халкидонского собора противоречит 3 и 4 правилам, упомянутым в "Собрании" ("писано: у монастырей селам быти... Ино которым верити?"). И опальный князь предлагает разрешить замеченное противоречие обращением к Евангелию, Апостолу и правилам, то есть с "целомудренным смыслом" вернуться к его, Вассиана, концепции монашества - христово воинства, живущего в идиоритмах или лаврах, рдали от мирских забот, своими руками добывающего хлеб на пропитание и принимающего умеренную милостыню от христолюбцев.

"Собрание" в первой и последующих редакциях допускает и другой уровень прочтения. Вассиан открывает трактат

читатой из жития Саввы Освященного и строит свое сочинение так, что все более полно идентифицирует себя с Саввой, дает читателю материал для проведения параллели: Савва – Вассиан. Среди многих отцов монашества основатель лавры св. Саввы выделялся тем, что, собрав вокруг себя полторы сотни иноков, Савва не принимал хиротонии и поучал, не имея сана священника. Вассиан также не был священником, но проповедовал и редактировал кормчую, то есть брал на себя ношу, большую, чем позволено простому монаху, что было указано ему Даниилом и Максимом Греком на суде 1531 г.⁴⁴, – может быть, параллель Вассиана к судьбе Саввы должна была оправдать учительную деятельность опального князя? Во всяком случае, обличитель Вассиана – митрополит Даниил тщательно штудировал житие Саввы Освященного (в списке жития, выполненном Нилом Сорским – ГБЛ, Троицк.684, л.217 об., 2–4,6 св. – есть собственноручная правка Даниила), а на суде 1531 г. старательно отводил возможность подобной параллели: "В некая времена бываше, скудости ради, неких сущих несвещенных понужали на церковное служение некое, премудрых и блаженных святых мужей, – говорил Даниил Вассиану, – на не стропотных и развращенных, яко же ты..."⁴⁵

Разрешение противоречий I редакции: 2 редакция
"Собрания"

Решения, предложенные Вассианом в I редакции "Собрания", не могли удовлетворить не только читателя, но и автора. Вассиан продолжал свою работу, и первое вторжение в текст I редакции хотя и мало заметно, но симптоматично: в длинный ряд отсылок к Апостолу, где перечисляются обязательные для монахов добродетели, добавлены номера четырех зачал. 59 зачало (I Петр., 2,21–3,9) – здесь приводится пример Христа, который, "будучи злословим, не злословил взаимно", 131 зачало (I Коринф. 4,9–16) – здесь сильны мотивы притеснения избранных и упоминается рукоделие, труд "своими руками"; 277 зачало (2 Фессал. 3,6–18) – Павел пишет: "мы ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и

работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас - и не потому, что мы не имели власти (!), но чтобы себя самих дать вам в образец", 30I зачало (Тит., I, I5-2, I0) - о достоинствах праведника и об учительстве. Мы ясно слышим новый мотив, проникающий в "Собрание": полемика, осуждение и злословие со стороны неверных. Заметно и продолжение поисков Вассиана, доказывающего достоинства рукоделия монахов.

2 редакция дополнена обширным заключительным текстом, составленным из толкования Вальсамона на три канона: 24 правило IV собора и I2 и I8 правила УП собора. Правило Халкидонского собора утверждает за монастырями, единожды освященными епископами, право всегда оставаться монастырями и впредь не быть мирскими жилищами (Правила, с. 230-232; Migne, t. I37, col. 47I-474). В славянские кормчие включено⁴⁶ толкование на это правило Алексея Аристина: византийский юрист утверждает за монастырями "божественное право" распоряжаться "недвижимыми стяжаниями". Вассиан, не удовлетворенный разъяснениями традиционных кормчих, включает в "Собрание" схолию на халкидонское правило, принадлежащую перу Федора Вальсамона. Вальсамоново толкование обычно прочитывается исследователями как допущение казуса отчуждения монастырского имущества⁴⁶, однако в этом вопросе Вальсамон осторожен и пишет о "великой бдительности" и "крайней осмотрительности", а главный пафос схолии направляет против тех, кто "обращает монастыри на обыкновенное (то есть мирское) употребление". Монахам, занимающимся мирской деятельностью, Вальсамон угрожает отлучением, а пресвитерам и епископам - извержением из сана.

Избранные Вассианом 24 канона IV собора, I2 и I8 каноны УП собора посвящены разным темам, объединяет их то, что традиционные славянские переводы этих правил и толкований к ним Алексея Аристина содержат упоминания о монастырских "селах". Вассиан не решается прямо отвергнуть свидетельства кормчей, потому вступает на путь филологической критики, приемы которой могли быть подсказаны ему византийской герменевтикой (ср. обсуждение канонических достоинств Номоканона Иоанна Постника в Тактиконе Никона Черногорца - ГБЛ, МДА 56,

862 об.-863), либо Максимом Греком, посещавшим "Новую Академию" Альда Мануция⁴⁷. Славянский перевод халкидонского правила говорит о монастырских "имениях и стяжаниях, селах и виноградах", тогда как греческий оригинал ограничивается указанием "вещей, прилежащих монастырю" (Правила, с.230; *Migne, t.I37, col.471*). Максим, по просьбе Вассиана, заново переводит текст халкидонского правила и правильно передает слова подлинника: "пристоящие имения". Терминология 12 и 18 никейских канонов несколько иная: в правилах и схолиях к ним Вальсамона монастырская собственность обозначается несколькими дефинициями, среди них "поле" (*ἀγρόφι*), "имения, приносящие доход" (*αὐτοῦρθία*) и "проастии" (*προάστια* - *Migne, t.I37, col.927-954*). Два последних термина вызывают особый интерес у автора "Собрания". "Артургия", то есть "самоплодные стяжания", как называет их Максим Грек (например, сады или мельницы) получает специальное объяснение в самом тексте схолий (с.235). "Проастиий" Максим переводит как "приградие селное" либо просто "приградие", и Вассиан дает специальную глоссу к этому слову: "Сие тлкъуется проастион, сиречь пашни и винограды, а на села с житейскими христианы" (с.236, прим.н-о).

Максимов перевод греческих терминов, обозначающих монастырское имущество, прекрасно соответствовал идеям Вассиана: получалось, что русские правила и в самом деле писаны "блзнено", а греческая кормчая не допускает монастырских сел, и ограничивает собственность монашеских корпораций полями, "самоплодными стяжаниями" и "сельными приградиями". Объяснение Вассиана ввело в заблуждение всех историографов "нестяжательства", и Павлов окончательно утвердил его в научной литературе: "В славянских толкованиях на процитированные правила, - писал известный канонист, - выражения "села монастырские" и другие подобные, действительно, являются умышленными плеоназмами в сравнении с греческим текстом"⁴⁸. Между тем Максимов перевод верен лишь этимологически (*προάστια* - городское предместье, в этом значении - *Suburbanum praedium* - слово попало и в словарь Дюканжа⁴⁹) и не лишен немалой доли лукавства. Ученый грек, жирший

на Афоне в преуспевающем общежительном Ватопедском монастыре и ходивший по Святой горе за милостыней, не мог не знать действительного значения слова "проастий". Ф.И.Успенский и В.Н.Бенешевич (1927) на материалах Вазелонских актов XIII-XV вв., Г.А.Острогорский (1951) по документам XII в. и К.В.Хвостова (1968) по описям имущества Иверского и Хиландарского монастырей XIV в. показали, что "проастий" греческих текстов – это городская вотчина или усадьба, разделенная на земельные участки, занятые зависимыми от помещика крестьянами⁵⁰, то есть как раз русские "села с житейскими христианами". Везде, где отцы УП собора говорят о "проастии", они имеют в виду населенную землю: 18 канон этого собора упоминает о женах, находящихся в "проастии". Вальсамон также рассуждает о селениях, именуемых "проастии", которые могут быть оставлены жителями и вновь заселены ими. Максим устранил из своего перевода лишь термин "село", заменив его дефиницией "проастий", но, вопреки глоссе, толкующей это слово как "пашни и виноград", и в соответствии с текстом Вальсамона, подразумевает иное значение "проастия", как населенной земли: "аще населники внове доброприходно будет..." (с.236, 3-4 сн.).

Судьи Вассиана в мае 1531 г. благоразумно уклонились от герменевтических прений по поводу значения слова "проастий", вместо этого Вассиану был зачитан на суде отрывок 63 слова Пандектов Никона Черногорца (по "Отечнику" – ГИМ, Чуд.273, л.153-153 об.), где содержался славянский перевод никейского 12 канона, сделанный независимо от древнеславянского и сербского переводов кормчей – здесь взамен максимумых паллиативов Пандекты давали устойчивое и правильное чтение: "село" (в греческом оригинале: *προαβτιου*)⁵¹.

Схолия Вальсамона на 12 никейское правило, помещенная в "нестяжательский" трактат, резко противоречит всем построениям Вассиана. Вальсамон, опираясь на слова Моисея (Лев.27,33), отсылая читателя к 38 апостольскому правилу, строжайше запрещает любые формы отчуждения (*ἐνηλοῖσθαι*) или передачи (*ἐνδοθεῖσθαι*) имущества епископских кафедр и монастырей. "Стяжательский" характер толкования Вассиана настолько

очевиден, что Вассиан процитировал его далеко не полностью: текст оборван на осуждении стяжательской деятельности епископов (Migne, t.137, col.932 A, 6 св.), далее в оригинале следует изложение императорских хрисовуллов, где говорится о крестьянах-париках, живущих на монастырских землях, об угодьях, стяжаниях, дорогах, озерах, реках, морском и всяком ином праве монашеских корпораций (Migne, t.137, col. 936 C).

Мы видим, что привлечение греческих переводов никейских правил лишь при определенном лукавстве переводчика несколько укрепило позиции Вассиана, однако и вторая редакция "Собрания" не дает ясного решения в принципиальном вопросе о средствах содержания монашеской корпорации. Мало было указать на неканоничность владения общежительных монастырей зависимыми крестьянами, нужно было предложить иные, канонически утвержденные средства пропитания лаврских монахов.

Развитие исходных идей: 3 редакция "Собрания"

Вспомним о том, что в тексте 3 редакции мы выделяли пять фрагментов. I, III, V фрагменты в списке C подверглись доработке, причем основные поправки объясняются желанием автора расширить аргументацию. Эпизод из Апостола с "пострижением" Акила и Прискиллы, включенный в I редакцию "Собрания" под влиянием толкования Аммония на 40 зачало Апостола, в 3 редакции дополнен аналогичным примером с мученицей Феклой: Фекла была язычницей, но, потрясенная проповедью Павла, бросила своего богатого жениха Фамира и пришла к апостолу за "христовым знамением": "Да ся постригу и вслед тебе хожду" - слова Феклы подразумевают обычное обращение язычницы, Вассиан же, как и в случае с Акилом, видит здесь апостольскую проповедь монашества. Добавленная Вассианом ссылка на "Главизны" Дионисия Ареопагита явно повторяет ход рассуждений о монашестве Иосифа Санина: в II слове "Книги на еретиков" точно так же за цитатой, рассказывающей об обращении в монашество 160 жен, следует выписка из 6 слова "Главизн" Дионисия Ареопагита⁵². Исходные материалы к I

фрагменту списка С помещены Вассианом в собственной кормчей (Пискарев 39, л.316 об.-318 об.). Для утверждения идеи монашеского служения на полях пискарёвского списка появляется указание: "От посланья Никонскаго в слове в 29", которое переходит затем в 3 редакцию "Собрания". Ссылка эта означает напоминание о Повести Нила Синайского, помещенной в 29 слове Пандектов (Казакова посвятила этому сочинению специальный очерк, однако не сумела обнаружить его связи с Пандектами, опубликовала "Повесть" по двум поздним спискам ГПБ и даже писала о влиянии на "Повесть" учения Григория Паламы, хотя сведения о Ниле были записаны Никоном во второй половине XI в., а Палама жил тремя столетиями позже⁵³).

Важное дополнение внес Вассиан в собственное утверждение об источниках пропитания монахов: "Подобает от соборныа церкви, от церковнаго богатства питатися, или у христороуцёв милостыня приимати" (с.240, 7-6 сн.) - подчеркнутые слова добавлены автором в 3 редакции. Так существование монашеских корпораций было поставлено в зависимость от имуществ святительских кафедр и был окончательно утвержден тезис о допустимости и даже необходимости церковных богатств - с тем, чтобы отстоять более важную для автора идею монашеского "невступления" в мирские дела и посильного рукоделия.

Признание правомочности епископского владения селами влекло за собой необходимость регламентации хозяйственной деятельности владычных кафедр - этому посвящен П, оригинальный фрагмент 3 редакции. Не случайно в С появляется уточнение лиц, которым адресованы выписки из Пандектов, отсутствующее в черновых материалах (список В): "и епископом" (с.242, 6 сн.). Основа рассуждений Вассиана - цитаты из Пандектов Никона Черногорца, тема - разделение "мира" и церкви. Епископы, в ведении которых по необходимости состоят "села", будучи монахами, должны всячески сторониться хозяйственной деятельности (сл.36 Пандектов). Центром П фрагмента является "синтагма" канонических выписок (с.243, I-II св.). Раскрыем ссылки Вассиана, которые современному читателю кажутся скучными рядами цифр. 41 апостольское правило: епископ должен распоряжаться церковным именем (Правила,

с.91-93; *Migne, t.137, col.124-125*). 59 апостольское правило: епископ, пресвитер, дьякон под страхом извержения должны делиться церковным имуществом с теми членами клира, которые нуждаются; Иоанн Зонара объясняет: церковное богатство - нищих богатство, и его пояснение перенесено в славянские кормчие (Правила, с.120-122; *Migne, t.137, col.153-156*). 9 канон Сардийского собора: церковь обязана помогать всем, прибегавшим к церкви: сиротам, вдовам (Кормчая, л.III-III об.; *Migne, t.137, col.1456-1460*). 19 правило Василия Великого: об обете безбрачия, который дается епископом, о запрещении, положенном тем епископам, кто, преступив обет, возвращается к "сластному и плотолюбивому житию" (Кормчая, л.232; *Migne, t.138, col.653-657*). 4 правило IV собора: запрещает создавать монастыри без благословения епископа, запрещает рабам пострижение без согласия господина (Правила, с.165-170; *Migne, t.137, col.397-404*). 16 правило IV собора: те, кто принял обет девства, должны соблюдать его (Правила, с.207-210; *Migne, t.137, col.444-448*). 82 апостольское правило: в клир запрещено производить рабов без согласия их господ (Правила, с.164-166; *Migne, t.137, col.205-208*). 19 канон УП собора: осуждает сребролюбие епископов и игуменов; предписывает постригать и принимать в монастыри без вкладов (Правила, с.714-722; *Migne, t.157, col.980-989*). 20 канон УП собора: запрещение двойных монастырей, где монахи живут вместе с инокинями (Правила, с.722-727; *Migne, t.137, col.989-993*). 21 правило УП собора: монахи не должны покидать свой монастырь (Правила, с.727-729; *Migne, t.137, col.993-997*). 22 правило УП собора: возвращение к 20 правилу Никейского собора; цитата из I Кор. 10,31, утверждающая строгость уставных предписаний монашествующих (Правила, с.729-736; *Migne, t.137, col.997-1001*). 1 канон Двукратного собора: переданное богу имущество уже не является имуществом частного лица (Правила поместные, с.337-342; *Migne, t.137, col.1005-1013*). 2-5 каноны Двукратного собора: о правилах пострижения монахов и поведении иноков, переходящих из монастыря в монастырь (Правила поместные, с.342-356; *Migne, t.137, col.1013-1032*). 6 правило Двукратного собора:

монахи не должны иметь собственности, их имущество принадлежит монашеской корпорации в целом (Правила поместные, с.357-363; Migne, t.137, col.1032-1041). 7 правило Двукратного собора: в епархиях, находящихся в уиадке, епископ не должен создавать для себя особого монастыря, ибо это еще более разоряет епархию (Правила поместные, с.363-366; Migne, t.137, col.1041-1045).

Каноническая "синтагма" II фрагмента вобрала в себя несколько направлений полемики, подобно тому, как Синтагма (Сборник XIV титулов) вассиановской кормчей отразила основной круг противоречий, разделивших "нестяжателей" и иосифлян. Отметим здесь одну линию: строгое исключение мирской деятельности монашествующих и передача всех полномочий по управлению церковным и монастырским имуществом в руки белого духовенства и его верхушки - епископата. Выше отмечалось, что I и 2 редакции вассиановского трактата предлагали конкретное управление церковными стяжаниями доверить институту экономов - 3 редакция в "синтагме" II фрагмента нигде об экономах не упоминает и из III фрагмента удаляет единственную каноническую отсылку к II правилу УП собора, где упоминались экономы. Вассиан явно изменил свою точку зрения по этому вопросу. Может быть, это изменение связано с тем, что Максим пересказал опальному князю схолию Вальсамона на II никейское правило: Вальсамон, настаивая на необходимости учреждения экономов, запрещал мирянам распоряжаться церковным имуществом и требовал передачи управления монастырскими стяжаниями в руки монахов (Правила, с.667-668), что противоречило позиции Вассиана.

Во II фрагменте списка С Вассиан помещает цитату из Пандектов Никона, где названо слово, столь важное для понимания учения опального князя, сколь необходимое в последующей полемике: "нестяжание" (а Никон пишет и о "нестяжателях иноках" - ГБЛ, МДА 56, л.217 об.): "И о нестяжении в Никонской книге слово 34-е..." Здесь же ссылка на житие Спиридона Тримифунтского, епископа, участвовавшего в I Вселенском соборе (а обстоятельства этого собора пристрасно обсуждались Вассианом и Досифеем Топорковым⁵⁴, потому

и жизнеописание Спиридона могло привлечь внимание Вассиана) и отговаривавшего своего ученика Трифила от "стяжания сел и виноградов" (ГБЛ, Троицк. 758, л. 354 об.). Вопрос монашеского нестяжания был ясен Вассиану с самого начала, вести полемику на эту тему опальный князь не собирался, тем более, что и его противники превозносили "христоподобную нищету": Вассиан все выписки о нестяжании включает в обсуждение достоинств и недостатков князей церкви.

Важнейшим дополнением 3 редакции стал IV фрагмент, резко усиливший полемическую направленность "Собрания" и впервые более точно обозначивший противника – если прежде, в I и 2 редакциях, монахов, преступающих заповеди, защищали абстрактные "фарисеи", то теперь читателю более явно указываются виновники преступления заповедей – это пастыри, князья церкви. Так и в текст I фрагмента к выпискам о карах, ожидающих "отступников", Вассиан добавляет одну единственную ссылку на новый источник: "А в Никоне в 8-м слове" (с. 241, 8-9 св.) – на 8 слово Пандектов, толкующее те же, что и "Собрание", евангельские слова: "иже аще разрешит едину от заповедей сих... мний наречется в царствии небеснем", но здесь рассуждения распространяются и на "различие учителей", на достоинства пастыря и содержится строжайший запрет пресвитерам бить своими руками паству (ГБЛ, МДА 56, л. 94-III). Эта тема будет еще остро дискутироваться: в свое время на пример Христа, изгнавшего торгующих из храма, указывали Зонара, Вальсамон, Феодиллакт Болгарский, утверждавшие, что Христос ударял торговцев, а Василий Великий, напротив, считал, что Христос лишь показал бич; Сводная кормчая митрополита Даниила, апеллируя к новосоставленному житию Пафнутия Боровского и сочинениям самого митрополита, в толковании на 27 апостольское правило утверждала право пастыря на "жестокость"⁵⁵.

IV фрагмент, разбирающий тему о ложном учительстве, повторяет мысли I и 2 редакций о мерах наказания преступающих заповеди, но в 3 редакции Вассиан призывает к еще более решительным действиям: "еретик есть – еретическим подлежить законом, и мало что укланяйся от православныя веры" – эта

цитата Юстиниановых новелл, выписанная из 63 слова Пандектов Никона Черногорца, демонстрирует желание Вассиана объявить еретиками даже тех пастырей, кто "мало что укланяйся от православна веры". На фоне чрезвычайно гуманных традиций русской церкви, где казни еретиков можно было счесть по пальцам, подобный выпад Вассиана выглядит слишком смело и не обещает ничего хорошего врагам "великого временного человека", тем самым "человекоугодникам", меру отступления которых брался определить сам Вассиан.

Принципиально новый поворот приобрело в 3 редакции рассуждение об общежительном чине. Хотя в тексте "Собрания" этот вопрос открыто не обсуждается, а I и 2 редакции построены на признании законности лаврской организации монашества, IV фрагмент 3 редакции предлагает читателю отсылку к 3 слову Тактикона Никона Черногорца, где осуждаются те, "кто от своего разума учит и глаголеть — сии есть от лукаваго" (ГБЛ, МДА, л. 845-858 об.), далее Вассиан добавляет: "в втором слове к сему же о ересех лукавих". Осторожное упоминание о лукавих ересях нуждается в расшифровке — находим объяснение во 2 слове Тактикона. Никон Черногорец предупреждает светские власти о "всяком лукавом деянии" и пишет о "трапезе и общежительном чине, зане яко же обретаем в божественных писаниих, прежде много лет таковое житие разрушися, и еже е держат ныне, в своей воли то же держат, а не яко же общежителный закон и воля божиа. Но божественное писание ныне сице повелевает: яко спасет спасаай свою душу" (ГБЛ, МДА 56, л. 838). Так Вассиан, прикрываясь авторитетом Никона, начинает критику общежительных монастырей.

Позиция автора "Собрания" теперь представляется нам достаточно ясной. Вассиан вступил в полемику о монастырских землях, составив I редакцию канонического трактата, то есть не ранее 1517 г. и, вероятнее, в начале 20-х гг. XVI в. Как следует из датировки редакций вассиановской кормчей, составной частью которой является трактат, авторская работа над "Собранием" продолжалась до середины — второй половины 20-х гг. "Нестязатель" Вассиан призывал к концентрации церковных и монастырских имуществ в руках белого духовенства

и епископата. Черному духовенству строго запрещалась мирская деятельность, в том числе управление селами, населенными землями. Потери, которые должны были понести крупные монашеские корпорации после отказа от эксплуатации крестьян, Вассиан предлагал восполнить рукоделием самих монахов, милостыней от "христулюбцев" и средствами соборных церквей и святительских кафедр. Столь решительное нарушение монастырской организации Вассиан рассчитывал смягчить за счет предпочтительного развития келлиотского монашества, которое, в сравнении с лаврами, не требовало больших средств на свое содержание. Реформа, намечаемая Вассианом, вела к значительным перемещениям имущественных масс внутри церкви, однако не была связана с отчуждением и передачей "вданных богу" стяжаний в руки светских владельцев, потому Вассиан не только не искал аргументов против традиционной апологии права "мертвой руки", но и сам утверждал неизбежность церковных "сокровищ и стяжаний"⁵⁶.

-
- 1 Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980, с.69.
 - 2 Почерк Исаака см. на л. I-308 об., атрибуция почерка произведена Н.В.Синицкой: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971, с.183.
 - 3 К основному блоку Пискарев 39 вскоре после создания кодекса был добавлен один лист (л.434-436) из бумажной дести, на которой в митрополичьей канцелярии писали кописты второй части списка Оболенского Никоновской летописи (Лихачев 2891-2893, см.: ИТАДА, ф.201, № 163, л.940-971, 974-1034).
 - 4 Датировка бумаги по маркировочным знакам: готическое "M" - у Briquet сходны два типа знаков - с толстыми линиями, как в нашей рукописи, но с плохо подходящим общим рисунком знака. Briquet 8379, 8381, 8382 (1566-1601 гг.), или с волосными линиями, близко передающими абрис и размеры знака, интервалы сетки вержеров и понтвэо, Briquet 8373 (1522 г., вариант: 1538 г.); "перчатка" - близок Briquet II011 (1538 г.); "перчатка" - близок Briquet II327 (1524 г.), сходен Лихачев I749 (1551 г.).
 - 5 На л.4-9 находится полустертая владельческая запись: "Правила / Христова / Кирилова / пустыни / Васиана..."
 - 6 Лихачев, т. I, с. СХХХIII-СХХХVI.

- 7 Сборник Волок.566 шит из 68 тетрадей по 8 л., в I тетради нет I-го листа, 68 тетрадь неполная, пять последних листов отсутствуют, а в 1576 г. к ней были добавлены л.537 и 538, где помещена запись волоколамского игумена Евфимия Туркова. Выделяются четыре почерка писцов: I (л. I-13, 220-409 об., 2 св., 422 об.-536 об.), II (л. 13 об.-219 об.), III (л. 94 об.-95), IV (л. 409 об.-422 об.). На л.538 об. - киноварная запись Евфимия Туркова: "Сий сборник владыки Леонида Резанского и Муромского. Переделан лета 7084 месяца июня 2 дн". Леонид Протасьев, о котором говорит запись, занимал епископскую кафедру в 1573-1586 гг., а поставлен был из игуменов Волоколамского монастыря (Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 415). Гипотеза о создании Волок.566 в Симоновом монастыре опирается на тот факт, что сборник соединил в себе волоколамскую и "нестяжательскую" литературные традиции. Здесь на л.264 об.-269 находим епитимийник Иосифа Волоцкого (Смирнов С.И. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины. Сергиев Посад, 1912, с.231-234), а на л.207-219 об. - "Собрание некоего старца" и переводы греческих толкований Исаанна Златоуста на зачала I09, I10, I11 Евангелия от Матфея, переводы эти были сделаны в 1523/24 г. учеником Максима Грека Селиваном (Ягич И.В. Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковно-славянском языке. - В кн.: Исследования по русскому языку. СПб., 1895, т. I, с. 630). Наиболее вероятное место пересечения этих традиций - Симонов монастырь, где в 20-х гг. XVI в. жил Вассиан Патрикеев, в начале 20-х гг. - Максим Грек и какое-то время - волоколамские монахи Досифей Топорков и Иона Пушечников (Седельников А.Д. Досифей Топорков и Хронограф. - Известия АН СССР, 1929, УП серия, отд. гуманитарных наук, № 9, с. 760-763). Маркировочные знаки бумаги Волок.566 относятся к 10-20 гг. XVI в., но сборник не мог быть создан ранее 1523/24 г., поэтому датирuem кодекс серединой - второй половиной 20-х гг. XVI в.: "перчатка-1" - нет в альбомах; "герб" - Лихачев 1497-1499, 1520 г.; "перчатка-2" - сходен Briquet 11416, 1514 г.; "P" - сходен Piccard УП, 391, 1535 г.; "перчатка-3" - сходен Briquet 11404, 1507 г.
- 8 Сборник Унд.573 шит из тетрадей по 8 л., первоначально кодекс состоял из 60 тетрадей, но затем были утрачены первые 36 л., т.е. 4,5 тетради, присоединены л.374 и еще один, находившийся перед ним (ныне отсутствует), л.454 и не менее одного листа, находившегося перед ним (ныне утрачен), нет также 12 л. между л.431 и 432. Маркировочные знаки бумаги: "перчатка" - Лихачев 3147, 1562 г.; "ваза" - Лихачев 1885-1886, 1567 г.; "кувшин" - сходен Лихачев 3347, 1546 г., 1833, 1558 г.; "кораблик" - Лихачев 1896, 1567 г.; "сфера" - Лихачев 3161, 1558 г. Почерк основного писца, как кажется, подражает почерку волоколамского каллиграфа Варлаама Синицы (см. ГИМ, Солов. 941/831), а на л.105 основным почерком дана литорей, в которой читается имя "Варлаам". В ХУП в. сборник Унд.573 принадлежал иеромонаху Исае Бардаеву (запись на л.169).

В составе рукописи есть датированные статьи: 1550 г. (л.326), 1557 г. (л.321). Палеографические особенности сборника позволяют высказать предположение о его создании в скриптории Соловецкого монастыря.

- 9 Текст К опубликован: Казакова Н.А. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. - ТОДРЛ. М.- Л., 1961, т.17, с.195-196. Маркировочные знаки бумаги, на которой писал Гурий: "бегущий заяц" (л.91-94 и 92-93; знак другого типа на л.89-96) - нет в альбомах, но знаки тех же типов находим в других рукописях Гурия 20-х гг. XVI в.: Соф.1489, л.49-118; Кир.-Бел. 268/525, л.105-106, 169-307; Кир.-Бел.117/374, л.2-3; Соф.1468, л.41-56, 61-86, 107-110, 113-122. Вопреки мнению Т.В.Диановой и Б.М.Клосса, эта партия бумаги со знаком "бегущего зайца" не идентична бумаге московской партии - ГБЛ, Рогожск.38, Волок.659, Троицк.88; ГИМ, Епарх. 343 (ср.: Дианова Т.В., Клосс Б.М. Филигрань "бегущий заяц" и ее датировка. - Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977, с.69-70). Прочие знаки бумаги Соф.1451 с почерком Гурия: "P" готическая - л.88-97, 90-95, 98-112 - близок Pissard УП, I292, I521 г., идентичная бумага есть в другом сборнике Гурия Соф.1498, л.1-48 и др.; "кувшин" - л.113 - Briquet 12707, 1504 г.; бумага без филигранных с широкими расстояниями между понтозо - л.191-202; "P" - л.114, 147 - близок Pissard УП, I287, I516 г.; "перчатка" - л.122 и др. - близок Лихачев I439, I513 г., бумагу той же партии см. в Соф.1498, л.279 и др., Кир.-Бел.142/I219, л.266-272. Сборник Соф.1451 в его кирилло-белозерской части следует датировать не 1518-1524 гг., как считала Н.А.Казакова, а 1523 - июлем 1526 г. Время создания Соф.1451 устанавливается благодаря тесной связи этого кодекса с другой рукописью Гурия Тушина - Соф.1468, составленной между августом 1523 и июлем 1526 г. (здесь в летописце указан поход Василия III на казанских татар, состоявшийся в августе 1523 г., 8 июля 1526 г. Гурий Тушин умер).
- 10 Маркировочные знаки бумаги: Гераклитов 646,650, 1626-1630 гг., 335-342, 1631-1639 гг. Составитель Бел.55 дал своему сборнику имя "Крин", так называлась благовуханная трилиственная трава, о которой писал Максим Грек. "Крин" был составлен трудом некоего князя, царского воеводы в Пскове (л.3); предисловие к сборнику писал помощник составителя, "причастник святого труда его" (л.2). По черновому характеру письма предисловия можно заключить, что перед нами - оригинал или один из ближайших к автору-составителю "Крина" экземпляров, и вся книга, вместе с особой редакцией "Собрания", датируется 20-30-ми гг. XVII в. Косвенно подтверждает это предположение название сборника: традиция составления книг из разных источников под отвлеченно-литературным титульным заголовком вероятнее всего обязана влиянию печатной книги и связывается нами скорее с XVII столетием, чем с XVI (ср. разнообразные "Цветники" XVII-XIX вв.). Характерен состав Бел.55 - соединение "нестяжательской"

статьи Вассиана с ортодоксальными "стяжательскими" статьями ("о дании под место храму", л.269 об. и др.) - похоже, что для составителя "Крина" острые споры XVI в. отошли в прошлое. Косвенным подтверждением поздней датировки сборника служат также заключительные слова списка "Собрания": "Сего ради господь бог предаст иже всех под меч и на расхищение и в плен...", которые могут быть сопоставлены с апокалиптическими мотивами в публицистике Смутного времени. Казакова, основываясь на тексте приписки к посланию Курбского в Бел.55, временем создания протографа этого сборника считала 60-е гг.XVI в., так как о Курбском в приписке говорится в настоящем времени: "пишет" (Казакова, с.193). Однако этот аргумент не является решающим (об использовании самим Курбским глагольных форм настоящего времени при описании прошедших событий см.: Лурье Я.С. Идеологическая борьба в Русской публицистике конца XV - начала XVI века. М. - Л., 1960, с.104), не доказано также, что весь сборник "Крин" был составлен синхронно с припиской к посланию Курбского.

- 11 Происхождение рукописи неясно; в первой половине XVIII в. сборник бытовал в крестьянской среде (л.48, 48 об., 143, 148 об., 234).
- 12 "Собрание" по списку Т на л.III об.-II6; "Собрание по списку К - л.92 об.-94.
- 13 Павлов А.С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871, ч.I, с.72.
- 14 Казакова, с.190-219.
- 15 Моисеева Г.Н. О датировке "Собрания некоего старца" Вассиана Патрикеева. - ТОДРЛ. М. - Л., 1958, т.15, с.367-359.
- 16 Зимин А.А. Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства. - В кн.: Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974 (Ученые записки Казанского Гос.педагогического института, вып.121), с.91-92.
- 17 Плигузов А.И. Текстологическая история "Собрания некоего старца". - В кн.: Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982, с.5-16.
- 18 Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977, с.126-130; она же. Нестяжательство и русская православная церковь XIV-XVI вв. - В кн.: Религии мира. История и современность. Ежегодник 1983. М., 1983, с.100.
- 19 Сакулин П.Н. Проблема "творческой истории". - Известия АН СССР. Л., 1930, УП серия, отд. гуманитарных наук, № 3, с.161-162.
- 20 Пиксанов Н.К. Творческая история "Горя от ума". Л., 1928, с.347, 352 и др.
- 21 Моисеева Г.Н. О датировке "Собрания некоего старца", с.360.

- 24 Клосс Б.М. Никоновский свод, с.84-87. К названным здесь копиям с житийных сборников Нила следует добавить рукопись ГИМ, Гарссы 1400, конца 20-х - начала 30-х гг. XVI в.
- 25 Кизакова, с.203-205.
- 26 Плигузов А.И. Текстологическая история, с.9.
- 27 Там же, с.12.
- 28 Термин этот, которым обозначают ближайший протограф списка, подвергнувшегося значительной переработке и представляющего новый вид или новую редакцию произведения, был введен П.Маасом, см.: Боброва Е.И. Вопросы текстологии в современной итальянской науке. - ТОДРЛ. М. - Л., 1961, т.17, с.665.
- 29 См.: Чин пострижения и чин погребения иноков. СПб., 1878 (ОЛДП, вып.ХХIV), л.1 об.-77 об.
- 30 Кличевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с.462; Васильев В.П. История канонизации русских святых. М., 1893, с.186.
- 31 Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стлб. 156-160, 163-167; Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892, т.П, стлб. 332-335, 117-118.
- 32 Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XI вв.). СПб., 1906, с.93-100. В дополнение к спискам, обследованным Казаковой, просмотрены рукописи XV в.: ГБЛ, Троицк.190, 167, 186; Рум.406; ГИМ, Епарх.357, а также сборники, содержащие "Наказание" или отрывки этого сочинения и принадлежащие поздней "нестяжательской" традиции: ГПБ, Солов. 941/831 и ГИМ, Синод.738. Публикацию "Наказания" по сербскому списку конца XIV в. см.: Петровский М.П. Поучение, приписываемое Иллариону митр.Киевскому. - Известия и научные записки Казанского университета. Казань, 1865, т.1, вып.1, с.47-84 (здесь имеются пропуски: "сан в мире", с.65, 2 сн., которые, возможно, свидетельствуют о погрешностях издателя, а не об особенностях списка, который ныне утрачен).
- 33 Плигузов А.И. Текстологическая история, с.9-10.
- 34 Пиксанов Н.К. Творческая история "Горя от ума", с.59.
- 35 О распространении на Руси сочинений Никона см.: Hübch E. Nikon von Schwarzen Berge im Russland. - In.: Gesellschaft und Kultur Russland im Frühen Mittelalter. Halle (Saale), 1981, S.144-154 (на эту статью мое внимание обратила Н.А.Кобяк).
- 36 Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв. М., 1977, с.12-13.
- 37 Казакова, с.319-341.

- 36 Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984, с.53-81, см. также: Плигузов А.И. Василий Тучин: собеседник Максима Грека. - В кн.: Исследования по восточниковедению истории СССР XIII-XVIII вв. М., 1986, с.62-93. Текст послания Максима опубл.: Буланин Д.М. Переводы и послания, с.202.
- 37 ГБЛ, Пискарев 162, л.278-279.
- 38 Ягич И.В. Рассуждения вхнославянской и русской старины, с.630.
- 39 Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Казань, 1857, с.451-514.
- 40 См.: Журналы совета С.-Петербургской духовной академии за 1889/90 учебный год. СПб., 1895, с.324 (реферат Г.Левицкого); Смирнов С.И. Как служили миру подвижники Древней Руси? Сергиев Посад, 1903, с.43-49; Симицица Н.В. Максим Грек, с.119-122.
- 41 Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV-XV вв.). М., 1968, с.181; подробнее см.: Соколов П. Церковно-вещественное право в греко-римской империи. Новгород, 1896, с.172-175 и др.; Михаил, пером. Законодательство греко-византийских императоров о внешних правах и преимуществах церкви (от 313 до 565 года). Казань, 1901, с.48-49 и др.; Острогорский Г.А. К истории иммунитета в Византии. - Византийский Временник. М., 1958, вып.13; Charanis P. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire. - Dumbarton Oaks Papers, 1948, N 4; Levy E. West Roman Vulgar Law. Philadelphia, 1951, p.27 etc.
- 42 Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, с.425-449.
- 43 Роль наследия Никона Черногорца в формировании социальных взглядов русских публицистов XV-XVI вв. практически не изучена, первый очерк на эту тему см.: Novak E. Nikon von Schwarzen Berge. O Nikone см. также: Clercq C. Les textes juridiques dans les Pandectes de Nicon de la Montagne Noire, Venezia, 1942.
- 44 Казакова, с.286.
- 45 Там же, с.287.
- 46 Симицица Н.В. Максим Грек, с.128-130.
- 47 Буланин Д.М. Переводы и послания, с.198.
- 48 Павлов А.С. Исторический очерк, с.74-75; Симицица Н.В. Максим Грек, с.129.
- 49 Du Cange C. Glossarium ad Scriptores Mediae et Infimae Graecitatis... Lugdini, 1688, t.I, col. 1232-1233.
- 50 Успенский Ф.И., Бенешевич В.Н. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии VIII-XV веков. Л., 1927, с.1.XIII; Острогорский Г. Пронија. - Српска Академия Наук, посеба издав а. Београд, 1951, кн.176, с.20; Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений, с.209.

- 51 Казакова, с.291.
- 52 Просветитель, с.461-462.
- 53 Казакова, с.319-341.
- 54 Плигузов А.И. Противостояние митрополичьей и вассиановской кормчих накануне судебных заседаний 1531 года. - В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985, с.40-41; Розанов С.П. Время составления первоначальной редакции русского Хронографа. - Известия ОРЯС. Л., 1926, т.30, с.318; Седельников А.Д. Досифей Топорков, с.760-763; Смирнов И.М. Стнайский патерик в древне-славянском переводе. Сергиев Посад, 1917, с.181.
- 55 ГБЛ, Унд.27, л.81-120; ср.: Никольский И. Греческая кормчая книга (Пидалион). М., 1888, с.237.
- 56 См.: Плигузов А.И. Памятники раннего "нестяжательства" первой трети XVI века. Автореферат канд.дис. М., 1986. Здесь на с.9-10 дается краткий анализ первого сочинения Вассиана, положившего начало полемике с Иосифом Волоцким - "Тетрадки 1511-1512 гг.". До сих пор считалось, что эта полемика началась раньше - в 1504 или вскоре после 1507 г., и первый памятник полемики исследователи видели в "Ответе кирилловских старцев". Автор этих строк вступил в спор с историографической традицией, привел доказательства в пользу позднейшего возникновения "Ответа кирилловских старцев" и вынес на обсуждение опыт реконструкции несохранившейся "Тетрадки" Вассиана. Уже после того, как в апреле 1986 г. моя работа была завершена, сотрудник отдела рукописей ГБЛ Ю.В. Анхимюк сообщил о том, что ему удалось обнаружить неизвестное сочинение Вассиана Патрикеева (февраль 1967 г.). Сочинение это находится в сборнике сер.80-х гг. XVI в., поступившем в ГБЛ в 1975 г. в составе собрания А.П. Гранкова (ф.711, Пост. № 86/1 - 1975 г., л.227 об.-236 об.); описание собрания А.П. Гранкова не закончено, а само собрание со времени поступления и до сих пор закрыто для исследователей. Ю.В. Анхимюк познакомил меня с копией текста памятника и со своей неопубликованной статьей "Подемическое слово на Списание Иосифа - памятник анти-иосифлянской публицистики начала XVI века", где вновь обнаруженный трактат атрибутируется Вассиану Патрикееву и датируется 1512-1515 гг. Предварительный анализ показал, что новонайденный памятник и есть та самая вассианова "Тетрадка 1511-1512 гг.", и теперь у нас в руках прямое свидетельство начального этапа полемики между Иосифом и Вассианом - полемики о судьбах новоявленных кирилло-белозерских еретиков 1510-1511 гг. и о монашеском "обещании".

ОБ ИСТОЧНИКАХ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА ХУІ ВЕКА

В историографии Лицевого летописного свода (далее: ЛС) исследователи называют две летописи, новгородские известия которых предположительно использовались при его составлении. Это – Софийская П летопись¹ (далее: СП) и Новгородский свод 1539 года² (далее: НС). На первую указал А.Е.Пресняков³, на вторую – А.А.Зимин⁴. Затем в работах Б.М.Клосса⁵, А.А.Амосова⁷ и автора данной статьи НС вытеснил собой СП. Исследователями предполагалось альтернативное использование только одной из названных летописей для включения новгородских известий в состав ЛС. В основе же их построений лежал анализ Повести о болезни и смерти Василия Ш, входящей в так называемую Царственную книгу⁸, одна из заключительных частей ЛС.

Однако заимствования в ЛС, предположительно относящиеся к названным источникам, значительно шире: к ним следует отнести рассказ Шумиловского тома ЛС⁹ о "поезде" Иваша Ш в Новгород 1475–1476 гг.¹⁰ (под "поездом" в ХУІ в. понималась поездка, обязательно торжественно обставленная, в отличие от предприятия, связанного с военными действиями, "похода") и ряд новгородских известий¹¹, связанных в основном с деятельностью архиепископа Макария, будущего московского митрополита, предшествующих хронологически Повести о болезни и смерти Василия Ш.

СП уже длительное время находится в поле зрения исследователей, и ей посвящена большая историография¹². На интересующем нас временном отрезке – известия 1475–1476 гг. – ее текст совпадает с текстом Львовской летописи¹³ (далее: ЛЛ). В Типографской же летописи¹⁴, традиционно считающейся близкой к СП¹⁵, текст отличен от рассказа ЛС о "поезде" Ивана Ш в Новгород¹⁶ и потому, естественно, она не может рассматриваться в качестве источника. Как полагает И.С.Дурье, "торжественная статья о поездке в Новгород "миром" в 6984 г." СП и ЛЛ заимствована из Московского свода 1479 г.¹⁷

Мнения исследователей о ИС не однозначны: А.А.Шахматов полагал, что он является продолжением Ростовской летописи¹⁸, А.Н.Насонов, С.Н.Азбелев, Я.С.Лурье видели в нем продолжение общерусского (в различных вариантах) московского великокняжеского свода конца ХУ в.¹⁹ Для нас же принципиальным является то обстоятельство, что в ИС общерусская часть заканчивается известиями 1491 г.²⁰, но рассказа о "поезде" Ивана III в Новгород 1475-1476 гг. в ней нет.

Таким образом, остается предполагать вслед за А.Е.Пресниковым, что рассказ ИС о "поезде" Ивана III мог иметь протографом один из списков СН или ДЛ.

Лицевой свод Софийская П Львовская летопись

О поезде великого князя в Новгород. Месяца того же 22 день, в неделю...

О поезде великого князя в Великий Новгород. В лето 6984, октября в 22, в неделю...

О поезде великого князя в Великий Новгород. В лето 6984, сентября в 22...

...Кузма Яковлевъ съ товарищи съ жалобами на свою же братья на новгородцевъ...

...Кузма Яковль съ товарищи, съ жалобю на свою же братья на новгородцевъ...

...Кузма Яковль съ товарищи, з жалобю на свою же братию на новгородцевъ...

...Въ 14, во вторникъ, в Ожегахъ на Хориве сретилъ великого князя наместникъ его Семень Борисовъ...

...Въ 14, во вторникъ, въ Женахъ на Хирове сретилъ великого князя наместникъ его Семень Борисовъ...

...Въ 14, въ вторникъ, въ Женахъ на Хирове сретилъ великого князя наместникъ его Семень Борисовъ...

...сретили великого князя посадницы новгородстии: Василий Казимиръ

...сретили великого князя посадницы новгородстии Василей Казимерь, да

...сретили великого князя посадницы новгородстии Василей Казимиръ, да братъ его Яковъ...

с Иковомъ братом брат его Яковъ...
своимъ...

...Захария Овинъ, братъ его Кузма, зять его Иванъ Кузминъ, да сынъ Захариинъ Иоанинъ ²¹Захарья Овинъ, братъ его Кузма, зять его Иванъ Кузминъ, сынъ его Захарья и Иванъ ²²Захарья Овинъ, братъ его Кузма, зять его Иванъ Кузминъ, сынъ его Захария и Иоанъ ²³ ...
---	---	---

Однако уже само начало повествования убедительно показывает независимость текста ЛС от СП и ЛЛ, переписчики которых имели в своем распоряжении дефектный экземпляр протографа: здесь и неправильные топонимы ("Женах на Хирове") и непонимание написания собственных имен (сын Захария Овина Иван превратился в Захария, сына Ивана Кузмина).

При этом следует отметить, что ЛЛ называлась одним из источников Царственной книги²⁴. В представлении Б.М.Клосса ЛЛ является компиляцией из Свода 1518 года и Свода 1560 года (с 1533 г. следует за Летописцем начала царства²⁵, продолженным до 1560 г.)²⁶. Но летопись, условно называемая Летописцем начала царства, если и использовалась при составлении ЛС, то лишь при переработке его первоначального варианта²⁷. Для того же, чтобы вынести суждение о возможности использования именно ЛЛ в качестве протографа ЛС, сравним известия 1558-1560 гг. по текстам ЛЛ и ЛС.

Львовская летопись

Лицевой свод (Синодальный том)²⁸

...

...Месяца того же писалъ ко государю князь Михайло Петрович (Репнин - В.М.), что онъ немецкой городъ Толчъборъ на море взялъ.

...Месяца октября писали къ государю воеводы князь Михайло Петрович Репнинъ съ товарищи, что взяли Птивневель и людей в немъ поббли.

...Месяца октября писали воеводы князь Михайло Петровичъ да Семенъ Яцковъ, что взяли Киевель-городъ и людей в немъ многихъ немецкихъ поббли.

...съ маистромъ ссылаютца и приказивают, что въ Ърєеве воиньские люди не-многие, а все отпущены со княземъ Петромъ Ивановичемъ Щуйскимъ съ товарищи, а которые оставлены въ Ърєеве, и те истомны добре; и по ихъ ссылке маистръ и пришелъ...

...передъ собою посылалъ голловъ князя Микиту Одоевско-го да Игнатия Борисова сына Ълудова; и царевича не угонили: шолъ наспехъ, а на сокме на его мертвыхъ лошадей многи тысяща число превосходяше, такоже и верблудовъ множество. И сами нечестивии велию нужу подъяша...

...И царь и великий князь велелъ бояромъ князю Ърью Темкину и Алексею Гасманову итти изо Пскова къ Ърєеву...

...вылазили на него дети боярские конные изъ города и стрельцы, убили у маистра изъ пищалей и дети боярские, человекъ со сто, а стрельцовъ государевыхъ убили тритцать съ человекомъ да двухъ сотниковъ стрелецкихъ, а инне дети боярские и боярские люди далъ богъ все здорово...²⁹

...с маистромъ ссылаются, по ихъ ссылке маистръ и пришелъ: приказали, что люди воинския отпущены все съ воеводами и со князьми, съ Петромъ съ товарищи, а которые и есть и те истомны добре...

...передъ собою посылалъ голловъ князя Микиту князь Романа Одоевскаго да Игнатия Ълудова; и царевича не угонили, шель наспехъ и на сокме его неколко тысячь мертвыхъ лошадей и велблудовъ пометано; и нужу себе сотворили великую...

...И царь и великий князь велелъ бояромъ князю Ърью и Алексею итти къ Ърєеву...

...вылазили на него конные дети боярские и стрельцы, и убили у маистра стрелцы ис пищалей и дети боярские человекъ со сто; а стрельцовъ государевыхъ убили съ полтора раста человекъ, а инне дети боярские и боярские люди и стрельцы, далъ богъ, все здорово...³⁰

Из приведенного сопоставления со всей очевидностью следует, что отождествление ЛЛ с источником ЛС было бы ошибочным. К тому же непонятным кажется и использование ЛЛ для включения ее известий за 1558-1560 гг.³¹ в первом варианте официальной лицевой летописи, а затем повторное обращение к ней же для замены текста НЛ за 1535-1539 гг.

Пожалуй, можно полагать, что источником рассказа ЛС о "поезде" Ивана Ш не была и СП, но скорее всего - летопись, сходная с ними, но менее испорченная. Существует предположение о том, что ЛЛ и СП имеют общий протограф - Свод 1518 года³². А так как тексты рассказа о "поезде" Ивана Ш в Новгород 1475-1476 гг. в обеих этих летописях идентичны, то тем самым осложняется проблема поиска источника этой статьи ЛС.

Таким источником и мог стать Свод 1518 года (здесь следует подчеркнуть, что Архивский список СП, относящийся к первой трети XVI в., даже вызывает предположение о том, что именно он является оригиналом Свода 1518 года)³³. Однако изучение ЛЛ, датированной 60-ми гг. XVI в., показывает ее первичные по сравнению с СП чтения³⁴. Во всяком случае текст Свода 1518 года вполне мог быть доступным составителям ЛС, работавшим над своим грандиозным трудом в 70-80-е гг. XVI в.³⁵

Отметим также, что это была особая редакция Свода 1518 года, отличная от Уваровской, где текст известия о "поезде" Ивана Ш в Новгород, изложенного в краткой редакции³⁶, сходен с текстом Свода 1497 года³⁷.

Краткая редакция известия о "поезде" Ивана Ш опубликована и в составе Симеоновской летописи³⁸, во второй своей части близкой к Своду 1479 года и продолженной до 1494 г. Она наиболее полно представляет великокняжеское летописание 90-х гг. XV в.³⁹ И именно в этой летописи встречаются известия, которые, по признанию А.Е.Преснякова, выходят за пределы установленного им круга источников ЛС⁴⁰. Речь идет о двух фрагментах, относящихся к 1490-1491 гг. Это - перечисление имен мастеров, привезенных Дмитрием и Мануилом Раденими, и известие об отпущении "в свою землю" брата

Софии Палеолог — Андрея⁴¹. Первое из этих известий встречается и в Типографской летописи⁴². Сопоставление их текстов позволит утверждать, что известия о мастерах и об отпущении Андрея попали в ЛС не непосредственно из одной из названных летописей, где читаются их краткие редакции и иные транскрипции имен, а из другого источника.

Перечисление имен приведенных мастеров сохранилось и в так называемом Летописце Нармацкого⁴³, отражающем один из источников ЛС, но зачастую не в копии, а в свободном пересказе⁴⁴. Таким образом, можно предполагать, что данные известия, нашедшие широкое отражение в летописях, связанных с великокняжеской традицией конца XV в., должны были войти в Свод 1518 года, откуда и были заимствованы в ЛС. При этом следует особо подчеркнуть их более распространенную редакцию, точное написание имен, что свидетельствует о тщательном отборе источников, характерном для всего ЛС в целом.

х х х

Что касается новгородских известий 1532—1533 гг., то их текст, как предполагал еще А.Е.Пресняков, попал в ЛС из Новгородской IУ летописи по списку Дубровского⁴⁵ (или весьма близкого к ней свода)⁴⁶, сходной с Отрывком русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку⁴⁷. Обе летописи, по мнению специалистов, отражают ЛС, являющийся их протографом⁴⁸.

Эта группа известий новгородского происхождения (о поставлении Силуяна архимандритом в Юрьев монастырь, о пожаре в Новгороде, о "розмерении улиц и о решетках", о "решеточной стороне и о злых челоуецах", "о церкви иже в Колмоуе", "О мору в Коливани", "О немецком после и о миру с немци"⁴⁹; О поставлении Феодосия игуменом в Спасский монастырь, о крещении Лопи, о поставлении церковей — Успенской, Яковлевской и Иоанно-Предтеченской в Новгороде, "О мору во Пскове", о поставлении Никольской церкви "во владичне дворе", о постройке моста через Волхов⁵⁰; о солнечном затмении⁵¹; об освещении Благовещенской церкви в Новгороде, Троицкой в Колмоуе, Козьмы и Дамиана "в Кузнецях на Гзени", "О мору в

Великом Новгороде и о поставлении и о освящении церкви святого Марка", "Чидо святого Варлаама чидотворца, иже на Хутини, о свеще", "О амбоне, иже в Великом Новгороде", о засухе, о поставлении Сретенской церкви, о пожаре во Пскове, о представлении Александра Свирского⁵²⁾ полностью отсутствуют в СП и ЛЛ⁵³⁾.

В таком случае для выявления источника ЛС сопоставим его текст с текстами Новгородской IY летописи и Отрывка.

Лицевой свод	Новгородская IY летопись	Отрывок
...подъ заутренею, и погоре на Дослане улице...	...предъ заутренею, и погоре до Наслане улице...	...передъ заутренею, и погоре до Дослани улицы...
...и дьяковъ своихъ въ Новгородъ посла, Якова Шишкина и Офонасия Фуникова...	...и дьяковъ своихъ въ Новгородъ посла, Якова Тишкина и Офонасия Фуника...	...и дияковъ своихъ въ Новгородъ посла, Якова Шишкина и Офонасия Фуника...
...и свящаль самъ пресвященный Макарий велми чинно и честно, месяца марта въ 12 день...	...и свяща самъ архиепископъ Макарей велми чинно и честно, месяца марта въ 17 день...	...и свяща самъ архиепископъ Макарий велми чинно и честно, месяца марта въ 17 день...
...священъ святой Яковъ того же лета, месяца апреля въ 28 день на праздникъ святого Зачатия...	...священнъ святой Яковъ того же лета месяца апреля въ 28 день, на праздникъ святого Зачатия...	...священъ святой Яковъ того же лета месяца апреля въ 28 день, а другая священна въ осенахъ, месяца сентября въ 23 день, на праздникъ святого Зачатия...
...того же лета, месяца апреля въ 22 день...	...того же лета, месяца апреля въ 25 день...	...того же лета, месяца апреля въ 25 день...

...а во граде велика нужда бысть отъ смраду дымнаго и отъ курения, не ведуще людие, камо ходяще; а по озеромъ и по рекамъ плавающимъ велико сумнение бысть...⁵⁴.

...а во граде велика нужда бысть отъ смраду дымнаго, а по водамъ плавающимъ велико сумнение бысть...⁵⁵.

...а во граде велика нужда бысть отъ смраду дымнаго, а по водамъ плавающимъ велико сумнение бысть...⁵⁶.

Сопоставление текстов ЛС, Новгородской IY летописи по списку Дубровского и Отрывка по Воскресенскому Иерусалимскому списку показывает взаимную независимость этих фрагментов, с одной стороны, и общность их происхождения — с другой. Но повествование в ЛС несколько шире, названы иные, вероятно уточненные, даты, имена и фамилии, то есть его создатели пользовались совсем другим списком (допустима и частичная правка имен⁵⁷, дат⁵⁸ при подготовке источника для включения его известий в ЛС) НС.

х х х

Но есть ли возможность объединения всех рассмотренных новгородских известий в рамках одного источника? Положительный ответ на этот вопрос заложен исследованиями А.А. Шахматова, П.Н. Азбелева, Я.С. Лурье, Б.М. Клосса⁵⁹. Как уже отмечалось, Я.С. Лурье полагает, что торжественный рассказ о "поезде" Ивана III в Новгород заимствован в СП и ЛЛ из Московского свода 1479 года, к которому генетически восходит все великокняжеское летописание конца XV—начала XVI в., завершившееся созданием свода 1518 года.

И здесь следует подчеркнуть, что дальнейшее развитие свода 1518 года пошло несколькими путями. Он был привлечен при создании ИЛ и ЛЛ⁶⁰. Но не исключено также его использование и при составлении НС⁶¹. Во всяком случае его известные списки характерны фрагментарностью. Так, рассказ НС о "поезде" Ивана III в Новгород сохранил описание

декабрьско-февральских 1475-1476 гг. пиров Ивана III у новгородских бояр, где великому князю были принесены огромные по тем временам дары⁶². Поразительно в них и чрезвычайно краткое известие о походе Ивана III на Новгород в 1478 г.

А так как уже выдвинуты серьезные аргументы в пользу возможности существования тесной связи НС с великокняжеским летописанием вплоть до 1500 г.⁶³, то допустимо и предположение о существовании источника, в состав которого входили бы интересующие нас известия: Свод 1518 года, продолженный НС, являющийся по сути дела целостным памятником с постоянно пристальным вниманием к новгородским событиям и особенно к взаимоотношениям Новгорода с великими князьями.

Но как ни заманчива эта перспектива, для ее реализации необходима полная и убедительная реконструкция великокняжеского летописания рубежа XV и XVI вв. и надежное, обоснованное выделение из поздних летописей состава Свода 1518 года. Пока же у нас есть основания полагать, что рассмотренные в данной статье известия, относящиеся к событиям в Новгороде, заимствованы в НС непосредственно из Свода 1518 года и НС.

1 ПСРЛ. СПб., 1858, т.6.

2 По мнению С.А.Морозова, отразился в Новгородской IV летописи по списку Дубровского - ПСРЛ. Л., 1925-1929, т.4, ч.1, вып.2-3. См.: Морозов С.А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи. - В кн.: Теория и практика источникововедения и историографии отечественной истории. М., 1978, с.61-77.

3 Пресняков А.Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893, с.15; он же. Московская историческая энциклопедия XVI-го века. СПб., 1900 (Отдельный оттиск), с.41-49.

4 Зиллин А.А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972, с.390.

5 Морозов С.А. Летописные повести по истории России 30-70-х гг. XVI века. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1979, с.9-14.

6 Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980, с.209.

- 7 Амосов А.А. Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного. - В кн.: Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982, с.114.
- 8 ОР ГИМ, Син. № 149. Содержит известия 1533-1553 гг. Опубликовано в ПСРЛ. СПб., 1906, т.13, вторая половина. Фототипическое переиздание: М., 1965.
- 9 ОР ГИБ, Ф.1У.232. Содержит известия 1425, 1472-1533 гг. Опубликовано в ПСРЛ. СПб., 1901, т.12; 1904, т.13, первая половина.
- 10 ПСРЛ, т.12, с.159-166.
- 11 Там же, т.13, с.59-74.
- 12 Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. М., 1976, с.210-240.
- 13 ПСРЛ, СПб., 1910, т.20, ч.1.
- 14 Там же, Пг., 1921, т.24.
- 15 Я.С.Лурье отмечает сходство СП и Типографской летописи "начиная с 6991 г." (Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.212).
- 16 ПСРЛ, т.12, с.159-166; т.24, с.195.
- 17 Лурье Я.С. Общерусские летописи; с.233.
- 18 Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи. - ЧОИДР. М., 1904, кн.1, с.163-164, 171.
- 19 Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания. - Проблемы источниковедения. М., 1958, вып.6, с.270-274; Азбелев С.Н. Новгородские летописи XIII века. Новгород, 1960, с.21-27; Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.250-253.
- 20 Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.250-251.
- 21 ПСРЛ, т.12, с.159.
- 22 Там же, т.6, с.200.
- 23 Там же, т.20, с.313-314.
- 24 Скринников Р.Г. Загадка древнего автографа. - Вопросы истории. 1977, № 9, с.99.
- 25 Ранняя редакция (по определению А.А.Зиминой) опубликована в ПСРЛ. М., 1965, т.29. Поздняя - ПСРЛ, т.13, первая половина.
- 26 Клосс Б.М. Никоновский свод, с.200-201.
- 27 Шмидт С.О. К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного. - В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с.265-281; Морозов В.В. О составе так называемой Царственной книги (Син.149). - В кн.: Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979, с.74-87.

- 28 ОР ГИМ, Син. № 962. Содержит известия 1535-1567 гг. Опубликована в ПСРЛ, т.13.
- 29 ПСРЛ. СПб., 1914, т.20, вторая половина, с.600, 609, 616, 617.
- 30 Там же, т.13, с.312, 315, 321, 322.
- 31 Следует напомнить, что до настоящего времени основным источником ЛС считается ИЛ по списку Оболенского, продолженная - для известных 1558-1560 гг. - Летописцем начала царства в редакции 1560 г. (Клосс Б.М. Никоновский свод, с.209-214). Однако текстологический анализ показывает независимость Царственной книги и Синодального тома ЛС в известиях 1533-1558 гг. от списка Оболенского. Основным источником этой части ЛС было предложено назвать Сводом 1560 года (См.: Морозов В.В. Об одной забытой летописи (Свод 1560 года). - В кн.: Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982, с.25-33). Данное предложение поддержано А.А.Амосовым, полагающим, что список Оболенского мог быть непосредственным источником ЛС лишь до изложения событий 1520 г. Затем основным источником становится Свод 1560 г. (Амосов А.А. Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного (с.110-111).
- 32 Насов А.Н. Летописные памятники Тверского княжества. - Известия АН СССР. VII серия. Л., 1930, № 9, с.714-721; Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.223-228; Клосс Б.М. Никоновский свод, с.154.
- 33 Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.225.
- 34 Там же, с.226-228.
- 35 О датировании ЛС см.: Амосов А.А. Датировка и кодикологическая структура "Истории Грозного" в Лицевом летописном своде (заметки о бумаге так называемой Царственной книги). - В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982, вып.13, с.155-193; он же. Из истории создания Лицевого летописного свода (Организация работ по написанию рукописей). - В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983, сб.третий, с.212-227.
- 36 ПСРЛ. М.; Л., 1963, т.28, с.309. См. также: Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.232-233.
- 37 Там же, с.137.
- 38 ПСРЛ. СПб., 1913, т.18, с.251.
- 39 Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.241-245, 247-248.
- 40 Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия, с.44. См. также: Шахматов А.А. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. - ИРРЭС. СПб., 1900, т.5, кн.2, с.503-504.
- 41 ПСРЛ, т.12, с.222-223.

- 42 Там же, т.24, с.206.
- 43 Временник МОИДР. М., 1860, кн.5, ч. 2, с.5.
- 44 Морозов В.В. Об одной забытой летописи, с.25-29.
- 45 См.: Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.252-253.
- 46 Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия, с.41.
- 47 ПСРЛ. СПб., 1853, т.6. См. также: Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия, с.44.
- 48 Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.253.
- 49 Ср.: ПСРЛ, т.13, с.59-60; т.4, с.548-549; т.6, с.288-289.
- 50 Там же, т.13, с.62-64; т.4, с.549-550; т.6, с.289-290.
- 51 Ср.: Там же, т.18, с.68; т.4, с.552; т.6, с.291.
- 52 Ср.: Там же, т.13, с.72-74; т.4, с.550-552; т.6, с.290-291.
- 53 Хронологически они должны бы соответствовать: ПСРЛ, т.6, с.265-266; т.20, с.412-418.
- 54 ПСРЛ, т.13, с.59-60, 63-64, 73-74.
- 55 Там же, т.4, с.548, 550, 551.
- 56 Там же, т.6, с.288-289, 291.
- 57 Об этом см.: Альшиц Д.Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. - Труды ГИИ. Л., 1957, т.1 (4), с.124. Что касается Афанасия Фуника (См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVI вв. М., 1975, с.281), то вполне естественно изменение прозвища на фамилию его сына - Н.А.Фуникова, казначея и печатника Ивана Грозного.
- 58 На это обстоятельство обратил внимание С.О.Шмидт. На отличие дат НЛ и ЛС указывают и их публикаторы. См.: Шмидт С.О. К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного, с.269; ПСРЛ, т.13, с.30, 50, 80, 420 и др.: Морозов В.В. Об источниках Царственной книги (Летописец начала царства). - В кн.: Летописи и хроника. Сб. 1983 г. М., 1984.
- 59 См. прим. 18 и 19 наст.статья.
- 60 Шахматов А.А. Разбор сочинения И.А.Тихомирова "Обзорные летописные своды Руси северо-восточной". СПб., 1899, с.21, 41-48; Клосс Б.М. Никоновский свод, с.135, 152.
- 61 Так, Я.С.Лурье полагает, что НС восходит через Свод 1500 года и Московский свод 90-х гг. XV в. к Своду 1479 года. Такова же эволюция Свода 1479 года к СП и ЛЛ (Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.252, 256).
-
- 62 ПСРЛ, т.4, с.514-515.
- 63 Рассматривая взаимоотношения между летописями конца XV - начала XVI в. и между общерусскими летописями XVI-XV вв., Я.С.Лурье вполне определенно указывает на Свод 1500 года, восходящий к Своду 1479 г. и положенный в основу Свода 1518 года как на источник НС. (Лурье Я.С. Общерусские летописи, с.250, 252, 256).

НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ. ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Новый летописец – один из наиболее важных нарративных источников по истории России первой трети ХУП в. Он охватывает период с конца царствования Ивана Грозного до середины царствования Михаила Романова. Новый летописец был распространен в ХУП–ХУШ вв. в огромном количестве списков. Опубликованы три редакции памятника. В ХУШ в. Новый летописец был издан дважды. Первый раз М.М.Щербатовым¹, второй – в составе Никоновской летописи.² В 1853 г. М.А.Оболенский нашел и опубликовал еще одну редакцию Нового летописца, известную в историографии как редакция Оболенского.³ Наиболее широко использовалась исследователями та редакция Нового летописца, которая дошла в составе Троицкой редакции Никоновской летописи как дополнение к ней, наряду с "Повестью о честном житии" царя Федора Ивановича, написанной первым русским патриархом Иовом.⁴ Никоновская редакция, кроме упомянутого издания ХУШ в., была опубликована С.Ф.Платоновым и П.Г.Васенко по трем спискам.⁵ Данным изданием и пользуются в основном исследователи, хотя к настоящему времени оно уже устарело.

Новый летописец был давно известен историкам, изучающим ХУП в. Им пользовался В.Н.Татищев, положивший Новый летописец в основу изложения событий начала ХУП в. в "Истории Российской".⁶ Однако, несмотря на то, что почти все историки, в особенности изучающие Смуту, пользовались сведениями Нового летописца, источниковедческое исследование памятника долго не появлялось.

Первое в русской историографии специальное исследование, посвященное Новому летописцу, – это соответствующий раздел в работе С.Ф.Платонова "Древнерусские сказания и повести о Смутном времени: ХУП века как исторический источник".⁷ Поскольку труд С.Ф.Платонова носил характер общего обзора известных ему сочинений о Смуте, автор не мог остановиться на них в равной мере подробно. Так, С.Ф.Платонов

совершенно отказался от сличения списков Нового летописца, опираясь лишь на те из них, которые были опубликованы.⁸ Однако, несмотря на это и то обстоятельство, что памятник был до тех пор совершенно не изучен, автору удалось не только дать общую характеристику Нового летописца, которая принята современными исследователями, но и наметить тот круг основных проблем, вокруг которых будет сосредоточено внимание позднейших историков. С.Ф.Платонов считал первоначальным текст Нового летописца в Никоновской редакции. Летопись о многих мятежах, по мнению С.Ф.Платонова, сохранила неприкосновенной первоначальную редакцию памятника, но утратила несколько первых статей и имеет позднейшие приписки. Что касается редакции Оболенского, то ее исследователь считал позднейшей литературной переработкой, "стершей указания первоначальной редакции на автора и время составления".⁹

Основные выводы С.Ф.Платонова были подтверждены при дальнейшем исследовании Нового летописца: о сравнительно позднем времени составления (спустя много лет после Смуты), об официальном характере памятника, о близости его составителя к кругу патриарха Филарета. С.Ф.Платонов предположил, исследуя текст памятника, что его следует датировать приблизительно тем временем, на котором оканчиваются последние статьи, т.е. 1630 г. Он также обратил внимание на известную цельность повествования в Новом летописце, на единство выраженных в нем взглядов на события и лица Смуты, что предполагает труд одного автора и объясняет, почему Новый летописец нельзя считать летописью в строгом смысле слова.

Касаясь источников Нового летописца, С.Ф.Платонов отмечал, что в памятнике использованы официальные грамоты центрального правительства и местных властей, разрядные записи, ряд литературных источников. Сопоставляя различные части Нового летописца между собой, исследователь пришел к выводу, что существуют статьи, резко выделяющиеся из общего повествования и имеющие признаки отдельных сказаний. В соответствии с этим автор выделял в Новом летописце два типа

повествования – "литературно обработанные" повести и записи летописного характера. К первым С.Ф.Платонов призывал относиться с осторожностью.¹⁰

Общий анализ источников Нового летописца привел историка к выводу: "Новый летописец вышел из официальных кругов московского общества".¹¹ "Трудно себе представить, – продолжает далее автор, – чтобы какое-нибудь частное лицо могло собрать такой богатый материал, касающийся притом всех частей русской земли"; "чтобы описать Смуту так подробно... нужно было пользоваться центральными правительственными архивами".¹² Официальный характер Нового летописца и близость его составителей к кругу патриарха Филарета заставили исследователя сделать важное предположение: "не есть ли Новый летописец официальный свод данных, собранных для истории Смуты при патриаршем дворе?"¹³ Этим С.Ф.Платонов затронул до настоящего времени неясный и запутанный вопрос о патриаршем летописании первой половины ХУП в., вопрос, к которому обращаются и современные исследователи.¹⁴ Известны исторические труды митрополита Макария и патриарха Иова. В "Истории Российской" В.Н.Татищева имеется указание на существование "Истории о разорении русском", написанной монахом Иосифом, келейником патриарха Иова, или же самим Иовом.¹⁵ Есть глухие указания источников на то, что летописание велось и при дворе патриарха Гермогена. Так, С.Ф.Платонов указал на существование в одной из родословных книг начала ХУП в. текста о родословии великих князей литовских, представляющего, как определил исследователь, выписку из Воскресенской летописи и имеющего приписку: "Списано с Летописца святейшего патриарха Гермогена Московского".¹⁶ Известна также фраза из одной грамоты Гермогена: "И то чудо в летописцах записали мы".¹⁷ Опираясь на эти данные, С.Ф.Платонов предположил, что после Макария и Иова "последующие московские иерархи не пренебрегали летописным делом".¹⁸ Обратившись к тексту Нового летописца, историк не нашел в нем описания событий, упомянутых в указанной родословной книге и в грамоте Гермогена. Однако С.Ф.Платонов отметил, что на этом основании еще "нельзя заключать, что Гермогеновская летопись исчезла для нас совершенно бесследно. Мы можем только

утверждать, что она не дошла до нас в том виде, какой имела при Гермогене. Но легко может быть, что материал, собранный Гермогеном для истории Смуты, не пропал, а был сведен и переработан позднее, уже по смерти Гермогена. Не представляет ли собою Новый летописец именно такого свода данных, официально собранных при патриаршем дворе для истории смуты?"¹⁹ Но это предположение С.Ф.Платонова не получило развития в дальнейшем.

Исследование С.Ф.Платонова явилось важнейшим вкладом в изучение Нового летописца и не потеряло научной значимости до настоящего времени. После него долгое время не появлялось специальных работ, посвященных исследованию памятника, хотя В.С.Иконников впервые перечислил целый ряд неопубликованных списков Нового летописца и дал их краткие описания.²⁰

Особое внимание Новому летописцу было уделено в исследовании П.Г.Любомирова.²¹ Новый летописец является одним из основных источников по истории нижегородского ополчения. Исследователь критически подошел к тексту памятника. Он использовал Новый летописец, учитывая историю его создания и те разночтения, которые имеются в различных редакциях памятника.²² П.Г.Любомировым впервые сделано наблюдение, получившее развитие в работах последующих исследователей, о том, что редакция Оболенского может более верно передавать текст протографа, чем Никоновская редакция.

Дифференцированный подход к сообщениям источника помог исследователю выявить в его составе и уникальные сведения. В частности, текст Нового летописца представляет, по мнению исследователя, очень ценный материал, по которому можно установить участие в Ярославском Земском совете посадских людей.²³ Количество подобных примеров не трудно увеличить. Все сказанное выше о работе П.Г.Любомирова показывает, что она может служить образцом тонкого источниковедческого анализа.

Специальное исследование, посвященное Новому летописцу, в советской историографии появилось лишь в 1945 г. Характерной чертой исследования Л.В.Черепнина явилась опора на широкий круг источников ХУП в., как опубликованных

к тому времени, так и неопубликованных. Сам Л.В.Черепнин отмечал, что видит цель своей работы в том, чтобы остановиться на рассмотрении тех проблем, которые были слабо затронуты в исследовании С.Ф.Платонова.²⁴ Л.В.Черепнин произвел сличение значительного количества списков Нового летописца, хранящихся в Москве и Ленинграде. В результате он присоединился к точке зрения С.Ф.Платонова на Никоновскую редакцию Нового летописца как сохранившую первоначальный текст памятника.²⁵

Однако, в отличие от С.Ф.Платонова, исследователь уделит значительное внимание последующим редакциям Нового летописца. Л.В.Черепнин предположил, что Новый летописец, первоначально самостоятельное произведение, был в дальнейшем соединен со Степенной книгой. Время этого соединения исследователь связывал с деятельностью в 1657-1659 гг. Записного приказа. В дальнейшем, по мнению Л.В.Черепнина, памятник вновь выделился, и примером такого текста является Румянцевский список, сохранивший явные следы связи со Степенной.²⁶ Правда, Л.В.Черепнин ошибочно датировал этот список временем позднее 1673 г. на том основании, что в нем использован текст Строгановской летописи.²⁷

Особая глава в работе Л.В.Черепнина посвящена Летописи о многих мятежах. Исходя из гипотезы о соединении Нового летописца в 50-х гг. XVII в. со Степенной книгой, Л.В.Черепнин считал Летопись о многих мятежах переработкой, относящейся примерно ко времени этого соединения,²⁸ на основании упоминания в тексте этой редакции нового титула царя, введенного в сентябре 1655 г., использования Летописи о многих мятежах в Своде 1652 г., который Л.В.Черепнин датировал 1660-1662 гг.²⁹ Им был отмечен также церковный характер Летописи о многих мятежах на основании использования в ней "Книги о вере". В связи с этим исследователь считал, что данная редакция вышла из канцелярии патриарха Никона и датировал ее временем около 1658 г. Приблизительно к этому же времени (вторая половина XVII в.) относил Л.В.Черепнин и редакцию Оболенского.³⁰ Однако в его схеме осталось необъясненным одновременное появление сразу трех редакций памятника: Нового летописца со Степенной книгой, Летописи о многих мятежах и редакции Оболенского.

Кроме того, Л.В.Черепнин изучил продолжения Нового летописца до 1686 г., а также Архивный и Забелинский списки, продолжавшие события до 1679 г.³¹

Л.В.Черепнин принял выводы С.Ф.Платонова о том, что памятник вышел из кругов, близких к патриарху Филарету, и о датировке Нового летописца 1630 г.³² Последнее было убедительно аргументировано Л.В.Черепниным.³³

Но исследователь, помимо этого, открыл новое направление в изучении памятника. Он рассматривал историю создания Нового летописца как часть направления исторической мысли ХУП в. на создание сочинения, которое охватывало бы события русской истории предыдущего периода и доводило бы их до современного составителям царствования, выражая при этом официальную точку зрения правительства Романовых. При этом, по мнению Л.В.Черепнина, Новому летописцу предшествовал целый ряд других попыток выработать официальную концепцию Смуты ("История" Авраамия Палицына, рукопись Филарета, Иное сказание).³⁴ Таким образом, Новый летописец являлся определенным итогом историографических работ 20-х гг. ХУП в.

Такой подход открывал новые возможности в изучении памятника и, прежде всего, Л.В.Черепнин стремился рассматривать его на фоне конкретной социально-политической действительности 20-х гг. ХУП в. Стремясь показать злободневность появления Нового летописца именно в это время. Л.В.Черепнин использовал материалы следственных дел, содержащие данные о популярности идеи самозванчества в различных слоях населения в первые десятилетия правления Романовых. Однако в свете современных исследований нельзя принять вывод Л.В.Черепнина о том, что выпады Нового летописца против самозванцев "были вызваны в значительной мере опасением возможного повторения крестьянской войны".³⁵

Большой интерес представляет также разбор Л.В.Черепниным различных "непригожих речей", направленных против Романовых. Исследователь считал, что составление Нового летописца было в значительной мере продиктовано стремлением последних завоевать популярность, в том числе в низах

общества.³⁶ Думается, что сам тезис о непопулярности Романовых в первые десятилетия их правления нуждается в уточнении, тем более, что недавно были получены новые данные, свидетельствующие об активной поддержке казаками кандидатуры Михаила Романова на соборе 1613 г.³⁷

Стремясь проследить формирование в Новом летописце официальной концепции Смуты, Л.В.Черепнин рассмотрел "идеологию" памятника. Он справедливо охарактеризовал как "несколько упрощенные" те взгляды, по которым составитель памятника лишь пытался приписать все беды Руси божьему промыслу или козням дьявола.³⁸ Однако сам исследователь, на наш взгляд, явно преувеличивал, когда писал, что "автор "Нового летописца" в своем изложении событий конца XVI — начала XVII вв. выступает с целой исторической концепцией, в которой религиозное мировоззрение сочетается с определенной политической тенденцией" и что "политическое credo автора "Нового летописца" заключается в апологии абсолютизма".³⁹ По-видимому, в отношении Нового летописца правильнее говорить об определенной политической тенденции в освещении событий недавнего прошлого. Основные же идеологические установки взяты составителем памятника из летописей. В Новом летописце идет лишь их дальнейшая разработка применительно к событиям первой трети XVII в. По Л.В.Черепнину, составитель памятника видит основную причину Смуты в насильственном пресечении царской династии. Следствием династического кризиса становится массовое появление самозванцев, движение социальных низов и нашествие иноземных захватчиков. "В выработанной автором "Нового летописца" общей схеме развития событий эпохи Смуты периоды борьбы династической и борьбы социальной завершаются в третьей стадии "Смутного времени" национальным движением. Последнее автором рассматривается как движение за православие и православно-абсолютистский режим".⁴⁰ Данная схема, выработанная составителем Нового летописца, оказывается, по мнению Л.В.Черепнина, настолько живучей, что определяет подход к изучению событий начала XVII в. в дворянской и буржуазной историографии. Исследователь считает также, что "официальная версия, воспринятая

автором "Нового летописца", целиком довлеет над С.Платоновым при его попытках объяснения характера классовой борьбы конца XVI — начала XVII вв."⁴¹ Однако, стремясь определить воздействие концепции Нового летописца на дальнейшую историографию Смуты, Л.В.Черепнин, на наш взгляд, сам впадает в ошибку и, не сознавая этого, "навязывает" составителю Нового летописца концепцию Смуты, выработанную С.Ф.Платоновым, а именно теорию смены трех периодов (династического, социального и национального).⁴²

Наиболее значительным, на наш взгляд, вкладом в изучение Нового летописца является раздел в исследовании Л.В.Черепнина, посвященный источникам памятника. Если С.Ф.Платонов лишь наметил круг возможных источников Нового летописца, то Л.В.Черепнин провел значительную работу по их выявлению. Поскольку автор развивал идею постепенной выработки официальной концепции Смуты в историографии XVII в., для него особый интерес представляли официальные правительственные документы в качестве источников Нового летописца. Так, им убедительно было показано на основании совпадений текста и идеологической близости, что в нашем памятнике воспроизводится версия "Утвержденной грамоты" об избрании Михаила Федоровича,⁴³ а также материалы дипломатической переписки русского правительства.⁴⁴ Рассмотрение круга официальных источников Нового летописца привело Л.В.Черепнина к убеждению в том, что составитель памятника разрабатывал материалы правительственных архивов.

Данная мысль была высказана еще С.Ф.Платоновым.⁴⁵ В концепции Л.В.Черепнина она становится одним из важнейших моментов, так как позволяет сформулировать основной вывод автора о Новом летописце как результате совместной деятельности Патриаршего двора и Посольского приказа.⁴⁶ Последний, как отметил Л.В.Черепнин, в XVII в. был не только архивом дипломатическим, но "представлял собой государственный архив в самом широком смысле этого слова".⁴⁷ Точка зрения Л.В.Черепнина была принята исследователями, занимающимися XVII в. Позволим себе, однако, высказать некоторые замечания по этому поводу.

Из концепции Л.В.Черепнина остается не совсем ясным, как конкретно представлял себе исследователь "совместную деятельность" Патриаршего двора и Посольского приказа, да и само выражение кажется известной модернизацией для первой половины ХУП в. Отметим, что речь идет о дворе патриарха Филарета, отца Михаила Романова и фактического правителя государства. Л.В.Черепнин считал, что "в ХУI в. Посольский приказ делается причастным к официальной историографии, обслуживающей интересы русского царизма". Однако приведенный им факт наличия в архиве Посольского приказа выписок из летописных сводов и самих сводов кажется недостаточным для вывода о большой "историографической работе, производившейся в стенах приказа при ближайшем участии его дьяков и подьячих", поскольку эти документы могли храниться и для других целей, например, дипломатических. Тем более категоричным для первой половины ХУП в. кажется утверждение Л.В.Черепнина о том, что "работа над созданием исторических трудов совершенно естественно входила в число задач и обязанностей штата Посольского приказа".⁴⁸ у нас имеются данные об интенсивной историографической работе в стенах Посольского приказа для второй половины и конца ХУП в.⁴⁹ Однако этого, по-видимому, недостаточно, чтобы говорить о такой же точно ситуации и для первой трети столетия.

Очевидно, данная проблема требует дополнительной разработки. Не подлежит сомнению тот факт, что патриарх Филарет в значительной мере опирался на Посольский приказ. Более того, им были привлечены к работе талантливые дьяки, известные патриарху еще по их совместному пребыванию в Тушине, как это убедительно было показано С.Ф.Платоновым.⁵⁰ И в первой половине ХУП в., как и в ХУI в., в стенах приказов вырастали политические деятели, принимавшие, вероятно, участие в составлении летописных трудов. Однако концепция Л.В.Черепнина предполагает существование определенного "разделения труда" между патриаршим двором и Посольским приказом. По мнению исследователя, роль приказа свелась к подбору источников, к составлению выписок из документов делопроизводства, а "литературная обработка сырого архивного материала была

поручена кому-нибудь из близких к патриарху Филарету лиц, причем окончательный текст получил санкцию самого патриарха".⁵¹ Именно в этом обстоятельстве, по мнению Л.В.Черепнина, и заключается причина существования отмеченной С.Ф.Платоновым двойственности литературной манеры составителя Нового летописца.

На первый взгляд, точка зрения Л.В.Черепнина на составление Нового летописца развивает и уточняет гипотезу С.Ф.Платонова. По существу же - это иной, заметно отличный взгляд на историю создания памятника: С.Ф.Платонов сделал основной акцент на связь Нового летописца с патриаршим летописанием ХУП в. После выхода работы Л.В.Черепнина остались нерешенными следующие вопросы: 1) существовало ли патриаршее летописание как некая единая линия в летописании первой трети ХУП в. или же в это время сбор документов, материалов и даже во многом само составление исторических сочинений становится функцией приказов, как например, Посольского приказа, что по существу следует из работы Л.В.Черепнина? 2) являлось ли составление Нового летописца закономерным результатом летописной работы, которая велась при патриаршем дворе в течение длительного времени, или же появление памятника связано в большей степени с конкретной политической ситуацией 20-х гг. ХУП в. и личностью патриарха Филарета, той ролью, которую он играл во внутренней политике России?

Было бы крайне важно исследовать более конкретно, как осуществлялось составление официальных летописных трудов в первой половине ХУП в. и какую роль играл в этом штат Посольского приказа. По-видимому, данный вопрос невозможно решить только на материалах Нового летописца. Необходимо исследовать с этой точки зрения и другие произведения, об официальном характере которых нам известно.

Исследование Л.В.Черепнина остается пока единственной в советской историографии работой, где рассматривается Новый летописец в целом, все известные исследователю редакции, а составление памятника связывается с общим развитием исторической мысли ХУП в. И хотя отдельные моменты концепции Л.В.Черепнина в настоящее время нуждаются в уточнении, его

исследование наряду с работой С.Ф.Платонова является важнейшей вехой в изучении Нового летописца и имеет большое значение для его дальнейшего изучения, как благодаря наличию значительного количества новых фактических данных, так и из-за нового, более широкого и комплексного подхода к изучению русской историографии ХУП в.

После работы Л.В.Черепнина исследование памятника пошло по пути углубленного рассмотрения ряда сюжетов. Это касается как специальных источниковедческих статей, так и ценных наблюдений над памятником, содержащихся в трудах по общим вопросам русской истории ХУП в. Прежде всего следует назвать работу И.И.Смирнова "Восстание Болотникова". Поскольку в Новом летописце содержатся ценные, а зачастую и уникальные известия о классовой борьбе в период Смуты, исследователь внимательно отнесся к изучению текста памятника. Им были выявлены случаи тенденциозного изложения материала в тексте памятника.⁵² И.И.Смирнов сравнивал разные редакции Нового летописца. В ряде случаев оказалось, что редакция Оболенского и Летопись о многих матажах более верно передают текст протографа, чем Никоновская редакция Нового летописца.⁵³ Исследователь подчеркивал также схожесть сообщений памятника с разрядными документами.⁵⁴

Таким образом, наблюдения И.И.Смирнова над текстом Нового летописца подтверждают предположение Л.В.Черепнина о разрядных записях как одном из главных источников памятника. Кроме того, они представляют важность для изучения соотношения различных редакций Нового летописца.

Интересное замечание, касающееся Нового летописца, содержится в книге А.А.Зимины. По его мнению, летописец называется "новым" по отношению к "старому", т.е. к Никоновской летописи, продолжением которой он является в одной из своих редакций. А.А.Зимин исследовал списки сочинений И.С.Пересветова, и его интересовали списки Никоновской летописи с Новым летописцем, в четырех из которых они содержатся. Поскольку исследователь считал, что Никоновская редакция Нового летописца составлена в 1630 г.⁵⁵ (ссылаясь на Л.В.Черепнина, в работе которого Никоновская редакция памятника

определяется как первоначальная), для А.А.Зимина особый интерес представлял вывод о том, что в основу известий Нового летописца легли материалы Посольского приказа, так как именно в этом приказе хранились произведения Пересветова.⁵⁶

В.И.Корецким была выдвинута оригинальная гипотеза об использовании в Новом летописце в качестве основного источника "Истории о разорении русском" монаха Иосифа, памятника, имевшегося в распоряжении В.Н.Татищева, но сторевшего во время пожара в его имении уже после смерти историка. Труд Иосифа, которого В.Н.Татищев называл келейником патриарха Иова, и раньше привлекал внимание исследователей, которые в соответствии со ссылками на "Историю" самого В.Н.Татищева, видели в ней Новый летописец (С.Ф.Платонов) или "Временник" Ивана Тимофеева (М.Н.Тихомиров).⁵⁷ Этому памятнику было уделено внимание в исследовании Е.Н.Кушевой, которая проанализировала известные ей ссылки В.Н.Татищева на труд Иосифа.⁵⁸ Задача реконструкции текста исчезнувшего памятника крайне сложна. В данном случае вопрос связан с общей проблемой отношения к творческому наследию В.Н.Татищева, в частности к тем его источникам, о которых мы знаем лишь по ссылкам на них в "Истории Российской". Мы поддерживаем точку зрения Е.М.Добрушкина, считающего, что "к не подтвержденным источникам сведениям Татищева следует относиться так же, как принято подходить к еще не проверенному источнику".⁵⁹

В.И.Корецкий попытался восстановить сообщения "Истории", пользуясь текстами нескольких известных нам памятников: Мазуринского летописца, Нового летописца, Латухинской степенной книги, а также четвертой части "Истории Российской" В.Н.Татищева.⁶⁰ Для нашей темы наибольший интерес представляет статья В.И.Корецкого, посвященная анализу текста, опубликованного в VI т. "Истории Российской" под заглавием: "Выписка из истории с начала царства царя Федора Иоанновича по русскому исчислению от сотворения мира 7090, а от Христа 1582-го года, писанная в середине царства царя Алексея Михайловича, и к тому нечто из других присовокуплено".⁶¹ "Выписка" известна в двух вариантах: черновом и беловом. В ее основе

лежит Новый летописец, доведенный до 1613 г., по списку 60-х гг. XVII в., как это видно из заглавия.⁶² Но во втором варианте к этому тексту сделаны добавления из других источников. На анализе этих оригинальных известий "Выписки" В.Н.Татищева и построено исследование В.И.Корецкого.

Исследователь исходил из убеждения в том, что В.Н.Татищев, который оценивал "Историю" Иосифа выше других известных ему сочинений о Смуте,⁶³ должен был использовать ее в той части своего труда, которая касается непосредственно этого периода, то есть в "Выписке". Проанализировав текст последней, особенно те ее сообщения, которые являются уникальными и где В.Н.Татищев отходит от текста Нового летописца, и сопоставив его с известными ссылками В.Н.Татищева на "Историю" Иосифа, В.И.Корецкий пришел к выводу, что в "Выписке" историк использовал труд Иосифа, отдавая ему предпочтение в тех случаях, "когда речь шла о глубине, о проникновении в самую суть происходившего".⁶⁴ Однако этим В.И.Корецкий не ограничился. Параллельно рассматривая текст "Выписки" и Нового летописца, он сделал вывод, что и В.Н.Татищев, и составитель нашего памятника по-разному сократили один и тот же источник, а значит Новый летописец также использовал "Историю" Иосифа.⁶⁵ Именно этим обстоятельством объясняется, по мнению В.И.Корецкого, отмеченная С.Ф.Платоновым двойственность литературной манеры Нового летописца. "Литературно обработанные" рассказы исследователь считал "пространными заимствованиями из летописи Иосифа", а записи "летописного характера", по его мнению, представляют собой "либо предельно сокращенные известия той же летописи, либо извлечения из одного или нескольких кратких летописцев".⁶⁶ Следует сразу же отметить, что, к сожалению, исследователь никак не определил свое отношение к выводам Л.В.Черепнина об источниках Нового летописца, которые трудно согласуются с гипотезой самого В.И.Корецкого.

Попробуем рассмотреть основные аргументы В.И.Корецкого, учитывая важность для нашей темы тех выводов, к которым он приходит в данной статье. Описав, согласно Новому летописцу, смерть датского королевича Иоганна, жениха царицы Ксении,

В.Н.Татищев немного шире по-другому излагает тот же эпизод, начиная его словами: "Повествуется один гисторик русской та-ко".⁶⁷ Вот в этом-то "гисторике" исследователь и видит Иосифа. В основу такого отождествления положено сопоставление текста "Выписки" в этом месте с примечанием В.Н.Татищева к указу Бориса Годунова 1601 г. В "Выписке" под 1602 г. и со ссылкой на "единого гисторика русского" повествуется о том, что одновременно с известием о погребении королевича царь Борис получил письмо о появлении человека, который "называется царевичем Димитрием".⁶⁸ Это уникальное известие, из которого следует, что будущий Лжедмитрий I появляется в Польше уже в 1602 г. А в примечании к указу В.Н.Татищев характеризует его таким образом: "Сей закон о вольности по-прежнему крестьян учинил он противно прежднево своего разсуждения и определения о крестьянех и сусче в то время, как он о Лжедмитрии Отрепьеве ведомость получил. Тогда, будучи в превеликой робости, надеялся чрез сие вельможам и архиереям угодить, но вскоре, услыша больше в народе роптания, принужден пременить и не токмо крестьян, но и холопей невольными учинить, да все не помогло, паче же к большей его погибели, а государственному разорению причиною было. О чем монах Иосиф внятно описал".⁶⁹ Как видим, в примечании В.Н.Татищева также говорится о раннем появлении самозванца и, кроме того, присутствует ссылка на сочинение Иосифа. Таким образом, предположение В.И.Корецкого имеет под собой определенное основание. Однако, во-первых, и это отмечает сам исследователь, в "Выписке" не говорится о законодательстве Годунова и, во-вторых, что тоже замечает В.И.Корецкий, в комментарии говорится о получении Борисом Годуновым "ведомости" об Отрепьеве не в 1602 г., а "ошибочно" в 1601 г.⁷⁰ Кроме того, можно предположить, что последняя фраза из приведенного выше отрывка относится не ко всему тексту комментария со слов "сей закон", а лишь к предпоследней фразе о "государственном разорении", что может быть просто перефразом названия сочинения Иосифа.⁷¹

Более основательно выглядит сопоставление текста "Выписки", говорящего о связях Отрепьевых с Басмановыми, с

примечанием В.Н.Татищева к соборному приговору 1604 г. о сборе служилых людей для борьбы с Лжидмитрием, где упомянуто, что Отрепьев воспитывался в доме Басманова.⁷² В данном случае наблюдение В.И.Корецкого представляет большой интерес, однако одно оно еще не может свидетельствовать о том, что В.Н.Татищев использовал сочинение Иосифа на всем протяжении "Выписки", как предполагает исследователь.⁷³ Остаются необъясненным также факт использования В.Н.Татищевым в "Выписке" то единственного, то множественного числа: то "едия историк", то "другие скажут", "некоторые повествуют" и т.д.⁷⁴

Но даже вне зависимости от решения вопроса, использовал ли В.Н.Татищев "Историю" Иосифа в тексте "Выписки", более чем проблематичным является утверждение В.И.Корецкого об использовании труда Иосифа составителем Нового летописца в качестве основного источника. Во-первых, потому, что восхождение всего текста "Выписки" к "Истории" не является доказанным. И, во-вторых, сопоставление текстов дополнений к "Выписке" и Нового летописца не дает оснований для однозначного утверждения о заимствовании именно составителем последнего из "Истории", а не наоборот, если даже считать их генетически связанными друг с другом. В.И.Корецкий проводит сравнение текстов "Выписки", Нового летописца и Латухинской степенной, считая, что все наиболее яркие эпизоды и оригинальные трактовки идут от труда Иосифа, а все разночтения от того, как по-разному все эти сочинения сокращают свой источник. Однако сам исследователь признает, что ряд расхождений между "Выпиской" и Новым летописцем объясняется стремлением В.Н.Татищева осмыслить текст своего источника, хотя он и считает таковым "Историю" Иосифа.⁷⁵ Кроме того, он признает, что В.Н.Татищев переосмыслил и текст Нового летописца,⁷⁶ и что некоторые замечания в "Выписке" могут принадлежать самому историку.⁷⁷ Целый ряд оригинальных известий, которые В.И.Корецкий возводит к сочинению Иосифа, не поддается проверке.⁷⁸ Трудно до конца оценить их глубину и точность, которые, по мнению исследователя, являлись отличительными чертами "Истории". Ряд же других сюжетов,

как например, приведенный исследователем эпизод признания Богдана Бельского на исповеди в убийстве царей Ивана и Федора "по наущению Годунова", весьма напоминают слухи.⁷⁹ Между тем, В.И.Корецкий обращает особое внимание на это известие, считая, что оно "ведет в патриарший круг", так как в "Выписке" говорится, что духовник Бельского сообщает об услышанном патриарху Иову, а тот - Борису Годунову, что и влечет за собою опалу Бельского.⁸⁰ По мнению исследователя, "Иов, очевидно, рассказал об услышанном... своему келейнику, пользовавшемуся его доверием". Однако заключение В.И.Корецкого вызывает возражение, поскольку данный эпизод характеризует Иова как раз с отрицательной стороны.⁸¹ Вообще неясно, почему все характеристики, данные Иосифом со слов Иова, как считал исследователь, резко противоположны тем, которые даны в Житии царя Федора Ивановича, принадлежащем перу патриарха.

Вызывает возражение также некоторые приемы, которые применял В.И.Корецкий при исследовании своего источника. Так, им приводится фраза Нового летописца: "ото многих же чюдовских старцев слышав, яко в смехотворение глаголаше (Отрепьев, - В.В.) старцом, яко царь буду на Москве", и сообщение памятника о том, что Отрепьев "живяше у патриарха в Чюдове монастыре и многих людей вопрошаше о убиении царевича Дмитрея и проведаше накрепко".⁸² В одном из упомянутых "чюдовских старцев" исследователь видит Иосифа и делает вывод о личном знакомстве последнего с самозванцем.⁸³ Однако использование здесь текста Нового летописца не имеет смысла, поскольку сам факт заимствования последним из "Истории" по существу не доказан. Нам кажется также, что не имеет смысла, как это делалось В.И.Корецким, использовать для доказательств восхождения "Выписки" к "Истории" частое употребление В.Н.Татищевым сочетаний слов "разорение государства", "государство в крайнее разорение привели" и т.д.⁸⁴ как в силу того, что В.Н.Татищев излагал содержание источников современным ему языком, так и потому, что мы не знаем, каково было в сущности название труда Иосифа. В письме к Шумахеру историк писал о "Гистории, сочиненной монахом Иосифом, о

разорении российского",⁸⁵ а в "Предъизвещении" к "Истории Российской" характеризовал этот труд несколько иначе: "Иосиф, келейник Иова патриарха, или сам Иов некоторые дела одного ж государя последние 24 года описал, но весьма кратко, а по нем до избрания царя Михаила довольно пространно".⁸⁶ Некоторая путаница имен Иова и Иосифа в этом случае наводит на мысль, что название было дано самим В.Н.Татищевым.

Чрезмерно категоричным кажется также сделанный при помощи использования текста Нового летописца вывод В.И.Корецкого о том, что "в своей летописи Иосиф подробно рассказывал не только об убийстве царевича Дмитрия, но и о реакции на него в различных слоях русского общества и ответных репрессиях со стороны Бориса Годунова",⁸⁷ тем более, что Д.В.Черепнин показал, как сообщения Нового летописца о репрессиях времен Бориса Годунова восходят к материалам архива Посольского приказа.⁸⁸

Обратившись позднее к рассмотрению начальных известий Нового летописца о походе Ермака в Сибирь, В.И.Корецкий полагал, что и этот рассказ, поскольку он относится к "литературно обработанным" повестям в составе памятника, восходит к летописи Иосифа. Очень интересны наблюдения исследователя об одновременном пребывании в Москве М.И.Строганова и "ермаковых казаков" зимой 1586 г., а также о пострижении некоторых из этих казаков в Чудовом монастыре. Именно в этом свете В.И.Корецкий рассматривал известное упоминание Максима Строганова в тексте начальных статей Нового летописца. Возвращаясь к упомянутой выше фразе нашего памятника "от многих же чудовских старцов слышав...", исследователь увидел теперь в последних также бывших казаков Ермака, с которыми Иосиф таким образом имел личные связи и воспоминаниями которых пользовался при описании в своей "Истории" похода Ермака.⁸⁹ Данная точка зрения интересна, но неприемлема просто потому, что сибирские статьи Нового летописца тесным образом связаны со всем комплексом сибирских летописей и существует более обоснованная гипотеза, выдвинутая А.И.Андреевым и поддержанная Е.И.Дергачевой-Скоп и Г.Г.Скринниковым о восхождении текста начальных

статей Нового летописца к протографу "Краткого описания о Сибирской земле и о похождениях атамана Ермака", опубликованного в издании Сибирских летописей как Головинская редакция Есиповской летописи.⁹⁰

Исследования В.И.Корецкого связаны с проблематикой в изучении нового летописца, намеченной С.Ф.Платоновым, и представляют попытку обнаружения основного, главного источника памятника, вышедшего из среды, близкой к патриаршему двору начала XVII в. Но в 60-80 гг. продолжается также работа по изучению различных редакций и отдельных списков памятника. Основная заслуга здесь принадлежит И.А.Жаркову, который выдвинул важные положения, касающиеся истории составления как первоначальной, так и позднейших редакций Нового летописца, исследовал продолжения памятника.⁹¹ К сожалению, из-за отсутствия развернутой аргументации (в двух случаях мы имеем тезисы докладов) не всегда представляется возможность судить о степени достоверности некоторых наиболее интересных выводов исследователя. Основное расхождение с выводами Л.В.Черепнина у И.А.Жаркова следующее: исследователь считает, что соединение Нового летописца со Степенной книгой произошло не в 1657-1659 гг., а уже в 30-е гг. XVII в., то есть является изначальным; летописец назван "Новым" по отношению именно к Степенной книге.⁹² И.А.Жарков высказал предположение, что часть Нового летописца была написана уже в 1616 г. и что в его составлении принял участие С.И.Болховский.⁹³ Летопись о многих мятежах, по мнению И.А.Жаркова, была составлена в конце XVII - начале XVIII в. Автор ее в тексте свода 1652 г. заменил период с 1584 по 1630 г. Новым летописцем. Важную роль играет вывод И.А.Жаркова о светской направленности памятника, сделанный им на основании рассмотрения переработки в Летописи о многих мятежах предисловия к Служебнику 1655 г., и противоположный мнению Л.В.Черепнина о церковном характере памятника. Более того, исследователь полагает, что подобная переделка могла быть осуществлена только лишь после оставления Никоном патриаршего престола в 1658 г. Заказчиком же Летописи о многих мятежах мог быть В.Г.Меньшой-Ромодановский.⁹⁴

Не менее интересные наблюдения сделаны И.А.Жарковым и над текстом редакции Оболенского. Она, по мнению исследователя, была составлена под впечатлением восстания 1682 г. и содержит в силу этого особенное осуждение антифеодалных движений.⁹⁶ Именно поэтому все три известных списка редакции Оболенского находятся в сборнике вместе с "Созерцанием кратким" Сильвестра Медведева.

И.А.Жарков развил мысль о том, что поздние редакции Нового летописца, независимо от Никоновской редакции, восходят к протографу памятника и в ряде случаев более верно передают его.⁹⁶ В.Д.Назаров, исследовавший ту часть памятника, которая повествует о царствовании Лжедмитрия I, привел ряд примеров, показывающих первичные чтения Летописи о многих мятежах за указанный период.⁹⁷ Составитель редакции Оболенского, по мнению исследователя, имел в руках текст, близкий к авторскому, так как следует то за правильными чтениями в Летописи о многих мятежах, то за правильными чтениями в Никоновской редакции памятника.⁹⁸ В.Д.Назаров впервые выдвинул предположение об обстоятельствах составления последней. По его мнению, соединение Нового летописца с "Повестью о честном житии" Федора Ивановича и Никоновской летописью было произведено в книгописной палате Троице-Сергиева монастыря до февраля 1637 г. Именно в феврале этого года в Приказ Большого двора был затребован список Оболенского Никоновской летописи, легший в основу данной ее редакции. В.Д.Назаров отметил также, что по правительственной инициативе не могло быть составлено произведение, включающее Новый летописец и "Повесть о честном житии", дающие столь различную оценку событий 80-90-х гг. XVI в.

Обращаясь к анализу текста памятника, исследователь сделал вывод об использовании автором Нового летописца в рассматриваемом разделе своих личных воспоминаний или же воспоминаний лиц, имевших отношение к созданию памятника. Одним из оснований для подобного заключения явилось замеченное исследователем отсутствие точных дат после смерти царя Федора.⁹⁹ Давая устоявшуюся характеристику личности самозванца и его правления, автор Нового летописца, по мнению В.Д.Назарова,

следует за Авраамием Палицыным в стремлении переложить вину за появление Лжедмитрия на все население и прежде всего на "начальных людей", в силу чего рассказ о правлении Лжедмитрия I "почти начисто лишен публицистических обличений Самозванца".¹⁰⁰

Значительный вклад в изучение Нового летописца в последнее время был сделан Б.М.Клоссом. Он исследовал Троицкую редакцию Никоновской летописи, куда входят Новый летописец и "Повесть о честном житии". Б.М.Клосс присоединился к точке зрения В.Д.Назарова о неофициальном характере этого свода, считая, что он был составлен в Троице-Сергиевом монастыре. Именно поэтому данную редакцию Никоновской летописи исследователь и называет Троицкой и датирует ее временем около 1637 г., так же как и В.Д.Назаров.¹⁰¹ Важное значение для дальнейшего изучения Нового летописца имеет также обнаружение Б.М.Клоссом списка памятника, наиболее близкого из всех известных к протографу. Этот список, находящийся в ГБЛ в собр.Ундольского, № 754, совпадает с целым рядом лучших чтений, присутствующих в Летописи о многих мятежах, по сравнению с Никоновской редакцией Нового летописца. По мнению Б.М.Клосса, он "представляет собой копию того оригинала, который был привезен в Троице-Сергиев монастырь и был использован при составлении Троицкой редакции Никоновской летописи".¹⁰²

Сделаем в заключение некоторые выводы. Памятнику посвящены два серьезных исследования С.Ф.Платонова и Л.В.Черепнина, ставивших задачу рассмотрения как общих, так и более частных вопросов. С.Ф.Платонов и Л.В.Черепнин явились авторами общих гипотез относительно обстоятельств возникновения Нового летописца, его источников, взаимоотношения различных редакций памятника. В схему Л.В.Черепнина, в основном принятую советскими исследователями, в 60-80-е гг., когда изучение Нового летописца значительно продвинулось, были внесены коррективы. В основном они касались взаимоотношения различных редакций памятника и связаны с именами И.А.Жаркова, В.Д.Назарова, Б.М.Клосса. То направление в изучении Нового летописца, которое было задано С.Ф.Платоновым, и делало больший акцент на выяснение связи памятника

с предшествующим патриаршим летописанием, получило неожиданное и интересное, хотя и спорное по выводам развитие в работах В.И.Корецкого.

Обнаружение новых списков и редакций Нового летописца и появление работ В.И.Корецкого, дающих совершенно новое освещение вопросу об источниках памятника, привели к тому, что в настоящее время не существует однозначности в определении происхождения памятника и его редакций, которая наблюдалась после выхода работы Л.В.Черепнина. Упомянутые вопросы нуждаются в дополнительном изучении и, возможно, переосмыслении. Назрела необходимость сравнительного изучения всех известных к настоящему времени списков памятника. Совершенно особую роль при этом приобретает список Нового летописца, упомянутый Б.М.Клоссом.

Необходимо и дальше изучать связи Нового летописца с другими памятниками современной ему эпохи, особенно в связи с активизацией изучения многих из них, например, "История" Авраамия Палицына.

Наконец необходимо более глубоко, чем это делалось до сих пор, исследовать обстоятельства возникновения Нового летописца, саму эпоху 20-х гг. XVII в., изучение которой тесно связано с рассмотрением деятельности одного из крупнейших политиков своего времени - патриарха Филарета. Требуется выяснения также степень участия в составлении памятника дьяков Посольского приказа и, с другой стороны, выяснение круга лиц, входящих в окружение Филарета, которые, возможно, участвовали в этой работе.

-
- 1 Летопись о многих мятежах. СПб., 1771, с.1-386; Изд.2-е. М., 1778, с.5-367.
 - 2 Русская летопись по Никонову списку. Изданная под смотрением имп.Академии наук. СПб., 1792, ч.8, с.1-256.
 - 3 Новый летописец и при нем дополнения и предисловие д.ч.к. М.А.Оболенского. - Временник Моск.общества истории и древностей Российских, кн.17, 1858; отд.II, с.1-IV. 1-212; то же: Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского. М., 1858, с.1-IV, 1-190. М.А.Оболенский считал найденный им список

самым древним на основании наличия в нем начала и конца, которые отсутствовали в других списках, и более ясной, по его мнению, манеры изложения (см.: Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, с.1-3). Однако эта точка зрения не получила распространения.

- 4 См.: Кюсс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980, с.272-274.
- 5 ПСРЛ, СПб., 1910, т.ХIV, с.23-125.
- 6 Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1968, т.УI, с.281-384.
- 7 Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1888; 2-е изд. СПб., 1913. Далее идут ссылки на 2-е изд.
- 8 С.Ф.Платонов так объясняет это обстоятельство: "Трудно перечислить все списки этого памятника: они находятся во всех наших древлехранилищах. Мы лично не могли принять на себя громадный труд их сличения и ограничились своим занятием одними напечатанными текстами в той уверенности, что одно из печатных изданий счастливо воспроизвело первоначальный текст памятника (Ник. лет.уш)". (Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести, с.310-311).
- 9 Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести, с.311.
- 10 Там же, с.332-335.
- 11 Там же, с.339.
- 12 Там же, с.340.
- 13 Там же, с.338.
- 14 См.: Корецкий В.И. "История Иосифа о разорении русском". - Летописный источник В.Н.Татищева. - В кн.: ВИЛ, Л., 1973, т.5, с.251-285; Солодкин Я.Г. По поводу "Истории о разорении русском" Иова-Иосифа. - В кн.: ТОДРЛ, Л., 1979, т.23, с.437-440.
- 15 О ссылке В.Н.Татищева на сочинение Иосифа см.: Корецкий В.И. Мазурияский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени. - В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с.284-289.
- 16 Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести, с.248. Список той же родословной книги с интересующей нас фразой недавно был обнаружен Я.Г.Солодкиным (см.Солодкин Я.Г. По поводу "Истории о разорении русском" Иова - Иосифа, с.440).
- 17 ААЭ, т.2, № 169.
- 18 Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести, с.314.
- 19 Там же, с.316.
- 20 Иконников В.С. Опыт русской историографии. СПб., 1903, т.2, кн.2, с.1243-1248.
- 21 Любимов П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611-1612 гг. М., 1959, с.5-233.

- 22 Там же, с.60-61, 68-69, 141-148.
- 23 Там же, с.134-135.
- 24 Черепнин Л.В. "Смута" и историография XVII в. - В кн.: Исторические записки. М., 1945, т. XIV, с.82. Л.В. Черепнин считал, что в исследовании С.Ф.Платонова "страшница, посвященные "Новому летописцу", являются наиболее бледными". (Там же, с.82).
- 25 Там же, с. 82
- 26 Там же, с.107-110.
- 27 Там же, с.109. Л.В.Черепнин опирался на выводы А.М.Ставрович (см.: Ставрович А.М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись. - В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922, с.185). Данная точка зрения на датировку Строгановской летописи в дальнейшем была поддержана А.И. Андреевым (см.: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. - М.-Л., 1960, вып. I, с.207-223). Но в настоящее время она пересмотрена. На основании анализа филиграней наиболее раннего списка Строгановская летопись датируется 30-ми гг. XVII в. (см.: Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982, т. I, с.55).
- 28 Черепнин Л.В. "Смута" и историография XVII в., с.110-114.
- 29 Новейший исследователь Свода 1652 г. А.В.Лаврентьев датирует его первую редакцию 1652-1656 гг. (см.: Лаврентьев А.В. Свод 1652 г. - памятник русского летописания XVII в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1984, с.5).
- 30 Черепнин Л.В. "Смута" и историография XVII в., с.114-116.
- 31 Там же, с.116-123.
- 32 Там же, с.82.
- 33 Там же, с.92.
- 34 Там же, с.100-102. Точка зрения об официальном характере "Истории" Авраамия Палицына подтверждается новейшими исследованиями (см.: Солодкин Я.Г. О датировке начальных глав "Истории" Авраамия Палицына. - ТОДРЛ, Л., 1977, с.302-304). Об официальном характере Иного сказания см.: Кутанов В.И., Корецкий В.И., Станиславский А.Л. "Повесть како отомсти" - памятник ранней публицистики Смутного времени. - ТОДРЛ, Л., 1974, т. XXIII, с.232-240.
- 35 Черепнин Л.В. "Смута" и историография XVII в., с.104. Так, в работе Б.А.Успенского убедительно показано, что самозванчество как культурное явление далеко не всегда связано с социальными движениями (см.: Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен. - В кн.: Художественный язык средневековья. М., 1982, с.201-217). Поэтому сама по себе популярность идеи самозванчества в 20-30-е гг. XVII в. еще не является свидетельством того, что внутренняя обстановка этого периода была чревата повторением крестьянской войны.

- 36 Черепнин Л.В. "Смута" и историография ХУП в., с.104-107.
- 37 Повесть о Земском соборе 1613 года. (Публикацию подготовил к печати А.Л.Станиславский и Б.Н.Морозов). - Вопросы истории, 1985, № 5, с.89-96. Как нам кажется, правильнее говорить лишь о стремлении составителей Нового летописца к укреплению авторитета самодержавной власти после Смуты.
- 38 Л.В.Черепнин имел в виду высказывания С.Ф.Платонова и А.И.Яковлева. См.: Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести, с.319; Яковлев А.И. "Гезумное молчание". (Причины смуты по взглядам русских современников ее). - М., 1909, с.664.
- 39 Черепнин Л.В. "Смута" и историография ХУП в., с.83.
- 40 Там же, с.84.
- 41 Там же, с.127-128.
- 42 Платонов С.Ф. Очерки истории Смуты в Московском государстве ХУП-ХУП веков. М., 1937, с.143. На наш взгляд, дело обстоит не совсем так. В Новом летописце действительно выделяется несколько "этапов" Смуты в соответствии с новыми карами, возводимыми на людей "за грехи". Первоначально "препедрий же бог погубити род христианский и не хотай", но, видя людские прегрешения, пресекает "царский корень". Поскольку, несмотря на это, "ми же грешнии оие наказание божие ни во что же вменихом, поипаче к своим к злим делам уклонихомся", бог "наведе грех ради наших сугубая всех бед" самозванство. Он "позволяет" провести избрание Василия Шуйского, что приводит к еще худшим последствиям. Появляется Болотников ("богу же поущаему, а врагу действуему"). Когда чаша наказаний переполняется, снисходит божие "благословение", заключающееся в даровании "природного" государя Михаила Романова. Таким образом, в основе всей схемы Смуты по Новому летописцу лежит теория "истинного" и "ложного" государя. Как справедливо заметил Л.В.Черепнин, теория самодержавия (но не абсолютизма! - В.В.) в Новом летописце "мотивируется прежде всего божественным предопределением: "бог не токмо царство, но и власть, кому хочет, тому дает" (см.: Черепнин Л.В. "Смута" и историография ХУП в., с.83).
- 43 Черепнин Л.В. "Смута" и историография ХУП в., с.86-87.
- 44 Там же, с.87-91. Л.В.Черепнин произвел анализ ряда документов: грамоты, посланной 10 марта 1613 г. боярским правительством Сигизмунду, наказа князю И.В.Воротынскому 1615 г. и др. При этом выяснился целый ряд соответствий текста этих документов и Нового летописца: в описании избрания на царство Михаила Федоровича, поведения поляков в Москве, обвинения в измене Салтыкова, Андрюнова, Мосальского, обвинения поляков в разграблении казны, в притеснении послов под Смоленском, в обманном увозе туда Василия Шуйского и т.д.

- 45 Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести, с.327-329.
- 46 Черепнин Л.В. "Смута" и историография XVII в., с.96-97.
- 47 Там же, с.91.
- 48 Там же, с.91.
- 49 Кудрявцев И.М. "Издательская" деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). - В кн.: Книга. Исследования и материалы. М., 1963, сб.УШ, с.179-244.
- 50 Платонов С.Ф. Московское правительство при первых Романовых. СПб., 1906, с.35-37, 47-53.
- 51 Черепнин Л.В. "Смута" и историография XVIII в., с.96.
- 52 Смирнов И.И. Восстание Болотникова. Л., 1951, с.79, 150-153, 156-157, 214-216.
- 53 Там же, с.213-216, 369-370.
- 54 Там же, с.77, 175-179, 363, 374-375.
- 55 Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. М., 1975, с.338-346.
- 56 Там же, с.249.
- 57 Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести, с.312-313; Тихомиров И.Н. О русских источниках "Истории Российской". - В кн.: Татищев В.Н. История Российская, т.1, с.42.
- 58 Кушева Е.Н. К истории холопства в конце XVI - начале XVII века. - Исторические записки. М., 1945, т.ХУ, с.76-78.
- 59 Добрушкин Е.М. О методике изучения "татищевских известий". - В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1977, с.79.
- 60 См.: Корецкий В.И. Мазуринский летописец конца XVII в., с.282-290; его же "История Иосифа о разорении русском", с.251-286; его же "К вопросу об источниках Латухинской степенной книги". - В сб.: Летописи и хроника. М., 1975, с.338-346.
- 61 Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1966, т.У1, с.281-389.
- 62 Корецкий В.И. "История Иосифа о разорении русском", с.252.
- 63 Корецкий В.И. Мазуринский летописец конца XVII в., с.284-285, 289.
- 64 Корецкий В.И. "История Иосифа о разорении русском", с.285.
- 65 Там же, с.253-254. Здесь исследователь развивает мысль, высказанную впервые в статье о Мазуринском летописце (см.: Корецкий В.И. Мазуринский летописец конца XVII в., с.289).

- 66 Там же, с.285.
- 67 Татищев В.Н. История Российская, т.УІ, с.290.
- 68 Там же, с.289-290.
- 69 Корецкий В.И. "История Иосифа о разорении русском", с.255.
- 70 Там же.
- 71 Это обстоятельство уже было отмечено Е.Н.Кушевой (см.: Кушева Е.Н. К истории холопства, с.80-81). И хотя В.И.Корецкий отмечал, что Е.Н.Кушева не была знакома с четвертой редакцией Свода законов В.Н.Татищева, на наш взгляд, ее замечание справедливо также и по отношению к процитированному выше тексту (см.: Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975, с.42-43).
- 72 Корецкий В.И. "История Иосифа о разорении русском", с.257-258.
- 73 Там же, с.283.
- 74 Там же, с.253.
- 75 Там же, с.258.
- 76 Там же, с.261.
- 77 Там же, с.262.
- 78 Там же.
- 79 Именно как служи, будоражившие московский посад, упомянуто это известие в Новом летописце (см.: ПСРЛ, т.ХІУ, с.35. См. также: Черепнин Л.В. "Смута" и историография ХУП века, с.94).
- 80 Корецкий В.И. "История Иосифа о разорении русском", с.275.
- 81 Это обстоятельство было уже отмечено В.Д.Назаровым, который указал также на "текстологически не объясненные случаи", когда и Новый летописец, и "Выписка" по-разному, но оба правильно передают одно и то же сообщение, взятое, по мнению В.И.Корецкого, из "Истории" Иосифа. В целом В.Д.Назаров считает, что исследование В.И.Корецкого "представляет большой интерес и впервые... ставит весь этот сложный комплекс проблем на солидную базу текстологических изысканий и широких фактологических сопоставлений". При этом В.Д.Назаров справедливо указывает на неправильность в методическом отношении использования при текстологических сравнениях текста только Никоновской редакции Нового летописца, так как поздние редакции в ряде случаев более правильно передают его текст (см.: Назаров В.Д. "Новый летописец" как источник по истории царствования Лжедмитрия I. - В кн.: Летописи и хроники. М., 1974, с.300-302). В подтверждение последней мысли приведем пример. В.И.Корецкий сравнивал текст, повествующий о расследовании Угличского дела по Новому летописцу и Латухинской степенной.

Новый летописец упоминает о раскаянии и "плаче" у гроба Дмитрия Василия Шуйского, а Латухинская степенная называет вместо него Андрея Клешина, что соотносится с предыдущим текстом. В.И.Корецкий на этом основании отмечает, что составитель Нового летописца "неправильно понял Иосифа и искажил текст" (см.: Корецкий В.И. "История Иосифа о разорении русском", с.277). Однако в тексте редакции Оболенского Нового летописца также назван Андрей Клешин (см.: Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, с.33).

- 82 ПСРЛ, т. XIV, с.59.
- 83 Корецкий В.И. "История Иосифа о разорении русском", с.259.
- 84 Там же, с.279, 280.
- 85 Корецкий В.И. Мазуринский летописец конца XVII в., с.284.
- 86 Там же, с.284-285.
- 87 Корецкий В.И. "История Иосифа о разорении русском", с.276-277. В.И.Корецкий возводит сообщение о неудачной попытке склонить к убийству царевича Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова также к "Истории" Иосифа. Однако более убедительна точка зрения Е.А.Белова, который считал, что этот эпизод был сочинен и внесен в Новый летописец для придания достоверности рассказу в момент его составления, то есть гораздо позднее. Причем выбор имен объяснялся, по-видимому, тем обстоятельством, что Загряжские и Чепчуговы пользовались покровительством патриарха Филарета (см.: Белов Е.А. О смерти царевича Дмитрия. - ЖАНП, 1873, август, с.277-287, 289).
- 88 Черепнин Л.В. "Смута" и историография XVII в., с.92-94.
- 89 Корецкий В.И. "Ермаковы казаки" в Москве и Новый летописец. - В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Новосибирск, 1981, вып. I, с.11-14.
- 90 Сибирские летописи. СПб., 1907, с.307-311. См.: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I, с.243; Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965, с.139-142; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982, с.13.
- 91 Жарков И.А. Из каких кругов вышла "Летопись о многих мятежах". - В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967, с.232-243; его же: Продолжения Нового летописца. Тезисы доклада. - В кн.: Тезисы докладов на совещании молодых специалистов. Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.). Л., 1967, с.19; его же: "Новый летописец". Тезисы доклада. - В кн.: Тезисы докладов научной конференции молодых ученых МГУ. М., 1968, с.269-270; его же: "Новый

- летописец" по списку Оболенского. - В кн.: Летописи и хроники. Памяти А.Н.Насонова. М., 1974, с.293-299; его же. Три продолжения "Нового летописца". - В кн.: Летописи и хроники. М., 1981, с.190-196.
- 92 Жарков И.А. Продолжения Нового летописца, с.19.
- 93 Жарков И.А. "Новый летописец", с.270.
- 94 Жарков И.А. Из каких кругов вышла "Летопись о многих мятежах", с.242-243.
- 95 Жарков И.А. "Новый летописец" по списку Оболенского, с.296-298; его же. Новый летописец, с.266-270.
- 96 Жарков И.А. "Новый летописец", с.269; Назаров В.Д. "Новый летописец" как источник по истории царствования Лжедмитрия I, с.304-305.
- 97 Назаров В.Д. "Новый летописец" как источник по истории царствования Лжедмитрия I, с.306-307.
- 98 Там же, с.305-306.
- 99 Там же, с.308-309.
- 100 Там же, с.309-310.
- 101 Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков, с.237.
- 102 Там же, с.290.

А.В.Демкин

"РОСПИСИ КАРАБЛЕМ" ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ КУПЦОВ,
СОСТАВЛЕННЫЕ В АРХАНГЕЛЬСКЕ В 1658 Г.

В ХУП в. первостепенную роль в торговле России с Западной Европой играл Архангельск. Изучение архангельской торговли ХУП в. сильно осложняется из-за отсутствия в научном обороте таможенных книг – важнейшего массового источника. Исследователи определяют объемы внешней торговли через Архангельск, основываясь на отдельных свидетельствах отечественных источников и сообщениях иностранцев, прежде всего де Родеса и Кильбургера. Имеется обширная литература по этому вопросу. В работе Э.Д.Рухмановой были подведены итоги изучения архангельской торговли ХУП в.¹

Ввиду состояния источников по рассматриваемой теме, вовлечение в научный оборот новых свидетельств об архангельской торговле ХУП в. представляется важным и актуальным. Тем более это относится к массовым источникам, которые могут быть подвергнуты статистической обработке. Таким источником являются "Росписи караблем и заморским торговым немцам, и корабельщиком, и кормщиком, и сколько деловных людей, и наряду, и заморских товаров", составленные в Архангельске в 1658 г.

Росписи составлялись в архангельской таможене и передавались в приказную избу. Здесь с них делались списки. К спискам прилагались сопроводительные документы, отписки, от имени архангельского воеводы кн.Петра Прозоровского и дьяка Ильи Кирилова. Отписки и списки с росписей отправлялись с гонцом в Москву, в Новгородскую четь. Подлинные росписи, очевидно, хранились в приказной избе в Архангельске. Списки с росписей, о которых и пойдет речь, для удобства мы будем называть росписями.

Росписи 1658 г. хранятся в ЦГАДА, в фонде Приказных дел старых лет (ф.141). Их всего 6. Из воеводских отписок следует, что они охватывают весь период навигации. В публикуемом источнике мы приводим все 6 заголовков росписей. Более ранние росписи нами не обнаружены.

Росписи кораблям представляют собой обычные для делопроизводства того времени столбцы. По склейкам они скреплялись архангельским дьяком Ивией Кириловым. Написаны они одним почерком на бумаге, имеющей филигрань "шут" типа I3I2 по альбому А.А.Гераклитова.² В настоящее время росписи находятся в деле Новгородской чети о сборе таможенных пошлин в Архангельске.³

В росписях содержится информация о прибывших в Архангельск кораблях, их командах, названы фамилии торговых иноземцев, их приказчиков, к которым приходили корабли, указаны количество и номенклатура заморских товаров. В 1658 г. корабли в Архангельск приходили с 21 июня по 23 сентября. Всего пришло 80 кораблей.⁴ Из них 62 из Нидерландов, 4 из Англии, 3 из Бремена, 10 из Гамбурга и 1 из Любека. В одной из отписок кн. П. Прозоровского и дьяка И. Кирилова в Новгородскую четь указано, что, наряду с торговыми, к городу приходили два "воинских" корабля для охраны торговых. О принадлежности их к какой-либо стране ничего не сказано.⁵

Одни торговые корабли имели на борту пушки, другие их не имели. Корабли из Нидерландов, Бремена, Гамбурга и Любека, очевидно, были однотипными. Их команды насчитывали 12-17 человек. Тоннаж кораблей из Англии был, по-видимому, большим, поскольку численность их команд была 27-30 человек. В Архангельск пришел также один крупный нидерландский корабль. Можно предположить, что его тоннаж превышал тоннаж английского корабля, т.к. команда насчитывала 62 человека. Судя по росписям кораблей, наличие, либо отсутствие на борту артиллерии не влияло на численность команды. Грузоподъемность судна нидерландского типа, приходившего в Архангельск, была, в среднем, 120 ластов, или почти 140 тонн.⁶

28 кораблей прибыли без груза. Из них 12 пришли "к городу по рожь, что продана из государевы казни", 15 прибыли "наймватца у иноземцев вести за море русские товары" и 1 крупный нидерландский корабль с командой в 62 человека, вооруженный 30 пушками, пришел, чтобы взять на борт "черную армянскую икру, что продана из государевы казни". Из остальных 52 кораблей большинство пришло к Архангельску полупустыми.

Однако нет никакого сомнения в том, что в обратный рейс из Архангельска в Западную Европу все эти корабли ушли полностью загруженными. Вряд ли и купцы-арендаторы, и купцы-собственники кораблей могли себе позволить посылать и в обратный рейс недогруженные суда.

Привезенные из Западной Европы товары относились к традиционным статьям импорта. Это сукна, ткани, вина, сельди, предметы роскоши, металлы и металлические изделия, химикаты, краски, бумага. В 1658 г., в разгар войны России с Речью Посполитой, в Архангельск почти не привозится оружие: всего 100 пар пистолей и 300 мушкетов.⁷ Вместе с тем, ввозится стратегическое сырье: "горячая сера", железо, свинец. Среди владельцев товаров были хорошо известные в России нидерландская компания де Фогелара-Кленка, нидерландцы Питер де ла Далле, Вернер Мюллер, англичанин Томас Гебдон и др.

В тексте росписей есть небольшие лакуны: л.91 (14 знаков), л.146 (5 знаков), л.147 (8 знаков).

-
- 1 Рухманова Э.Д. Архангельская торговля России (XУП в.). - В кн.: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980.
 - 2 Гераклитов А.А. Филигранные XУП века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, с.193.
 - 3 ЦГАДА, ф.141, оп.3, 1658 г., д.34.
 - 4 Такая же цифра приведена в работе А.Измюмова. - Измюмов А. Размеры русской торговли XУП века через Архангельск в связи с необследованными архивными источниками. - Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, 1912, № 6.
 - 5 ЦГАДА, ф.141, оп.3, 1658 г., д.34, л.153.
 - 6 Бааш Э. История экономического развития Голландии в XУI-XУП вв. М., 1949, с.160-161. В одном ласте было 72 пуда. - Камешцева Е.И. Устигов Н.В. Русская метрология. М., 1975, с.142; Рухманова Э.Д. Архангельская торговля..., с.148.
 - 7 ЦГАДА, ф.141, оп.3, 1658 г., д.34, л.133.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(л.85) Роспись караблем и заморским торговим немцам, и карабельщиком, и кормщиком, и сколько деловых людей, и наряду, и заморских товаров.

Июня в 21 день пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к Архангельскому городу карабль галанские земли от города Амстрадама к галанцом к Еремею Фантройну, да к Володимеру Иванову. Карабельщик на карабле Лаврус Крелес, кормщик Ян Квин, деловых сар 8 человек, наряду 5 пицалей болших. И галанца Еремея Фантройна прикащик галанец Олфер Вахроме-ев явил на том карабле из-за моря присылки заморских товаров: 2 кипы сукон немецких, 9 бочек полубереминных белого французского, 2 бочки шляп немецких. (л.86) На том же карабле галанец Володимер Иванов явил к себе присылки заморсково товару 150 бочек рыб сельдей.

Пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к Архангельскому городу карабль галанские земли от города Амстрадама к галанцу Якову Яковлеву Фандергульсту. Карабельщик на том карабле Меле Мелесенс, кормщик Вилим Якобсенс Стент, деловых сар 10 человек, наряду 6 пицалей болших. И галанца Якова Яковлева Фандергульста прикащик галанец Винен Андреев явил на том карабле присылки заморских товаров: 350 бочек рыб сельдей, 15 бочек полуберемящих вина красного церковного. На том же карабле галанец Петр Мартынов Дай явил к себе присылки заморсково товару 300 оборов немецких. На том же карабле галанец Марк Онтонов явил к себе присылки заморсково товару 120 косячков бумазинов. (л.87) Пришли с моря Двинским Березовским устьем к Архангельскому городу два карабли галанские земли от города Амстрадама галанских гостей Марка Девогеларя да Кондратья Клинова. А на тех караблех пришел прикащик их галанец Вахрамей Иванов. Карабельщики на караблех галанцы Корнил Якобсенс, Дирик Андреянсенс. Кормщики Андреян Якобсенс, Клас Лыгин. Деловых сар на обеих караблех 21 человек, наряд 6 пицалей болших. И галанских

гостей Марка Девогеларя, Кондратя Клинкова прикащик Вахрамей Иванов явил на тех караблех заморских товаров: 1000 бобров немецких, 20 половинок сукон анбурских, 30 пуд кости слоновой, 50 пуд меди красные в полицах, 20 пуд меди красные в котлах, 80 бочек ягод винных, 40 бочек ягод изиму кафинского, 3 пуда гребеня слонового, 80 пуд масла спикинардова*, 33 пуда масла деревянного, 100 пуд купоросу, 120 пуд квасцов, 150 пуд серы горячей, 6 пуд ртути, (л.88) 80 пуд сандалу синево поленчатого, 1500 пуд сандалу красного корянного, 850 бочек рыб сельдей.

На тех же караблех галанца Вахрамея Петрова Меллера прикащик галанец Вилим Корнилов явил к себе присылки заморских товаров: 300 бобров немецких, 10 бочек береманных лимонов, 18 пуд кости слоновой, 21 бочка камня литого декуев и коралков, 250 бочек рыб сельдей.

Да про государев обиход к пороховому мастеру Давиду Бахре 40 бочек серы горячей.

На тех же караблех галанца Мартина Ардиноса прикащик галанец Родион Елизаров явил к себе присылки заморского товару: на 300 рублей москотилного товару, 400 ефимков любских. На том же карабле галанца Давыда Микулаева человек, галанец Еремей Тимофеев бес товару.

(л.91) Роспись караблем и заморским торговым немцом, и карабелщикам, и кормщикам, и сколько деловых людей, и наряду, и заморских товаров.

Июня в 25 день пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к Архангелскому городу карабль галанские земли от города Амстрадама галанца Мартына Ардиноса к приказшику Родиону Елизарову. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Ян Виллисенс, кормщик Индрик Якобсенс, 9 человек деловых, наряду 2 пшалаи.

Июня в 28 день пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанский к нему ж Родиону. А на том карабле/пришли

* скипидарного

галанци: карабе/льщик/ [..]/тис, кормщик Арм Арки [..],
14 человек делових, /наряду...пиц/алей. (л.92)

И галанец Родион Елизаров явил с тех караблей к себе присылки заморских товаров: 130 бочек рыб сельдей, 17 бочек беремянных романей, 16 бочек полуберемянных вина французского, 20 бочек сери горячей, 10 косячков стамедов. На тех же караблех галанец Мари Онтонов явил к себе присылки 60 косячков бумазинов. На тех же караблех галанца Кондратя Клинова приказщик Вахромей Иванов явил к себе присылки: 20 половинок сукон анбурских, 400 бобров и ярцов, 10 бочек беремянных лимонов.

Пришел с моря Двинским Березовским устьем к Архангельскому городу карабль галанские земли от города Амстрадама к галанцу Петру Мартинову Даю. А на нем пришли галанци: карабельщик Корнил Клаусенс, кормщик Клас Симпсенс, 14 человек делових, наряду нет. (л.93) И галанец Петр Дай явил с того карабля к себе присылки заморских товаров: 16 бочек полуберемянных вина французского, 300 бобров и ярцов, 10 бочек краски крутику и мяжкие, 494 бочки рыб сельдей, 20 бочек квасцов. На том же карабле галанец Вилим Корнилов явил к себе присылки: 300 бобров и ярцов, 3 бочки краски мяжкие, 1000 ефимков любских. На том же карабле галанца Кондратя Клинова прикащик Вахромей Иванов явил к себе присылки 800 бобров и ярцов. На том же карабле галанца Кашпира Традела купор Ондрей Иванов явил к себе присылки: 200 бочек ягод винных, кипу сукон полукармазинов, на 150 рублей москотилного товару.

Июня в 30 день пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к Архангельскому городу карабль галанские земли от города Амстрадама (л.94) галанцов Ортемья Звенигребел да Данила Артмана к прикащику к Ондрею Иванову. А на том карабле пришли галанци: карабельщик Ганко Иверс, кормщик Ивер Иверс, 10 человек делових, наряду нет.

Пришел с моря Двинским Березовским устьем к городу ж карабль галанской к нему ж Ондрею. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Питер Фредрикс, кормщик Питер Янсенс, 10 человек деловых, наряду 4 пицали. И галанец Ондрей Иванов явил с тех караблев к себе присылки заморских товаров: 596 бочек рыб сельдей, 960 бобров и ярцов, 100 литр золота и серебра пряденого, 90 половинок сукон литчин, 650 стоп бумаги писчей. (л.95) На тех же караблех пришел галанец Петр Елизаров, явил: 5 бочек полуберемянных вина фрянцуского, 2 бочки укусу ренсково, 50000 игол, 60 бобров и ярцов, 70 шляп, на 30 рублей москотилного товару. На тех же караблех галанца Исака Яковлева приказщик Олфер Еремеев явил к себе присылки: 20 бочек белил, 30 бочек серы горячей, 10 бочек квасцов, 4 бочки купоросу, 12 кип сацдалу красново долново. На тех же караблех галанец Вьлим Корнилов явил к себе присылки заморских товаров: 150 бочек рыб сельдей, 20 бочек белил, 3 бочки одекуев, кипу сукон анбурских. Да государева зелейного мастера Давида Бахра 76 бочек серы горячей.

Пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к городу карабль галанской к галанцу к Михаилу Онтонову. А на том карабле (л.96) пришли галанцы: карабельщик Ян Якобсенс, кормщик Клас Питерс, 11 человек деловых, наряду 6 пицалей. И галанца Михаила Онтонова брат Ян явил к себе присылки: ящик бумазинов, бочка бобров и ярцов, 100000 игол, 40 бочек масла деревянного. На том же карабле галанец Володимер Иванов явил к себе присылки 160 бобров и ярцов. На том же карабле пришел галанец Микулай Обрамов, явил: куль пшена сорочинсково, 2 бочки полуберемянных вина фрянцуского, 2 бочки ягод изкуму кафинского икропенного, 2 бочки оливов и капору, бочка ягод коринки, на 100 рублей москотилного товару. На том же карабле галанца Кстра Обрамова приказщик Иван Петров явил к себе присылки заморских товаров бочку бобров немецких. (л.97)

Июля в 3 день пришел с моря Двинским Березовским устьем и стал, недошед Архангельского города, за Моисеев остров каравль галанской земли от города Амстрадама галанцов Ортемья Ортемьева да Данила Иванова к приказщику к Ондрею Иванову. А на том каравле пришли галанци: каравельщик Ирок Ренинс, кормщик Алкис Фолкис, 12 человек деловых, наряду нет. И галанец Ондрей Иванов явил с того каравля к себе присылки заморского товару 110 ластов соли. На том же каравле пришел галанец Матфей Вахромеев, явил: 10000 бобров и ярысв, 150 бочек рыб сельдей, 100 бочек ягод винных, 2000 бѣимков любских, 4 бочки квасцов, 4 бочки сери горячей, 3 бочки ладану, 40 половинок сукон полукармазинов, 40 половинок сукон анбурских, 4 бочки крутику и мяхкие, 3 кули перцу черного, 600 стоп бумага писчей. (л.98)

Пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к Архангельскому городу каравль галанские земли от города Амстрадама галанца Кстра Обрабова к приказщику к Ивану Петрову. А на том каравле пришли галанци: каравельщик Камстен Янсенс Бакар, кормщик Наул Питерсенс, 9 человек деловых, наряду нет. И галанец Иван Петров явил к себе присылки 240 бочек рыб сельдей. На том же каравле галанец Марк Онтонов явил к себе присылки: кипу сукон анбурских, 5 бочек квасцов, 31 бочку сери горячей.

(л.106) Роспись каравлем и заморским торговым немцом и каравельщикам, и кормщикам, и сколько деловых людей, и наряду, и заморских товаров.

Июля в 18 день пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к Архангельскому городу каравль галанские земли от города Амстрадама галанца Коңдратъя Клинкова к приказщику к Вахромей Иванову. А на том каравле пришли галанци: каравельщик Ялерексеѣан Баринс, кормщик Дирик Питерс, 14 человек деловых, наряду нет.

Июля в 19 день пришел с моря тем же устьем к городу карабль галанской к Вахромею ж Иванову. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Диди Клас, кормщик Якоб Янсен, 14 человек деловых, наряду 12 пицалей. И галанец Вахромей Иванов явил на тех караблех к себе присылки: 50 литр золота и серебра пряденого, 10 косячков отласов гладких (л.107), 10 косячков полавочников, 7 пуд гвоздики, 850 бобров и ярцов, 600 пуд сандалу красного корянново, 2000 ефимков любских. На тех же караблех галанец Петр Дай явил к себе присылки: 25 бочек серы горячей, 80 костей слоновых. На тех же караблех галанец Родион Елизаров явил к себе присылки: 12 половинок сукон анбурских, 600 бобров и ярцов.

Июля в 21 день пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской к нему ж Вахромею. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Клас Корнилис, кормщик Ян Роборс, 11 человек деловых, наряду 2 пицали. И Вахромей Иванов на том карабле заморских никаких товаров не сказал. А пришел тот карабль по хлебной запас, по рож, что сторговали оне из государевы казны.

Пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской к Вахромею ж. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик (л.108) Ерен Янсен, кормщик Ян Янсен, 12 человек деловых, наряду нет. И галанец Вахромей Иванов явил на том карабле к себе присылки: 400 бочек рыб сельдей, 5 колоколов медных, 2 пуда меди шумихи, 100 косячков бумазей, 300 пуд сандалу красного корянново, 500 бобров и ярцов.

Пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Жак Янсен, кормщик Гедрик Якобсен, 11 человек деловых, наряду нет. И карабельщик Жак на том карабле заморских товаров не сказал. А пришел де он к городу наймоватца у иноземцов вести за море русские товары.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанской от города Амстрадама галанца Мартина Ардиноса к приказщику ж Родиону Елизарьеву. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Гендрик Вилимсен, кормщик Илибран Дириксен, 10 человек деловых, наряду нет (л.109). И галанец Родион Елизарьев явил к себе присылки: 10 половинок сукон аглинских, 130 бочек рыб сельдей, 116 полиц меди красные, на 150 рублей москотилного товару.

Пришел с моря тем же устьем к городу карабль галанской от города Амстрадама галанца Еремея Фантроина к приказщику к Олферу Вахромееву. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Якоб Дириксен, кормщик Питер Винтер, 12 человек деловых, наряду 3 пищали.

Июля в 22 день пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской от города Амстрадама к нему ж Олферу. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Карт Янсенс, кормщик Питер Класен, 12 человек деловых, наряду нет. И галанец Олфер Вахромеев явил к себе присылки: 9 бочек полуберемянных вина французского, 20 половинок сукон кармазинов, 20 половинок сукон полукармазинов. (л.110)

Июля в 22 день пришел с моря Двинским Березовским устьем к Архангельскому городу карабль галанские земли от города Астрадама. А на том карабле пришли галанцы: торговой иноземец и карабельщик Лаврентий Петров, кормщик Индрия Мартинс, 13 человек деловых, наряду нет. И галанец Лаврентий Петров явил заморсково товару: 200 золотых, 300 бочек рыб сельдей.

Июля в 23 день пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской земли галанца Ортемья Ортемьева к приказщику к Ондрею Иванову. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Томас Корнхлис, кормщик Вилим Броус, 14 человек деловых, наряду нет. И галанец Сндрей Иванов явил на том карабле к себе присылки: 70 ластов соли, 5 кип бумаги

писчей. На том же карабле галанца Петра Деладала приказщик Иван Григорьев явил к себе присылки: бочку бобров и ярцов, 150 бочек рыб сельдей. На том же карабле пришел галанец Обрам Иванов сын Машов, явил (л. III) 24 бочки полуберемянных укосу ренсково, 8 бочек полуберемянных вина французского, 130 бобров, на 300 рублей москотилново товару.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанской. А на нем пришли галанцы: торговый иноземец Олфер Петров сын Пронк, карабельщик Питер Сименс, кормщик Ян Сименс, 12 человек деловых, наряду нет. И галанец Олфер Пронк явил 450 бочек рыб сельдей. На том же карабле галанец Онанья Родионов явил к себе присылки 200 пуд железа свейского прутowego,

Июля в 24 день пришел с моря Двинским Цудожемским устьем к Архангельскому городу карабль галанские земли от города Амстрадама галанца Ивана Керкова к приказчику к Ондрею Ондреву. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Якоб Гойкерс, кормщик Ян Иверс, 12 человек деловых, наряду нет. И галанец Ондрей Ондреев явил к себе присылки 4200 ефимков любских. (л. II2)

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль от города Бремена. А на том карабле пришли бременцы: торговой иноземец Иван Иванов, карабельщик Индрик Дириксен, кормщик Ян Дириксен, 10 человек деловых, наряду нет. И бременец Иван Иванов явил с тово карабля вобще з бременцом с Фрянсом Ивановым Пралом 10 фунт судов серебряных.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанский от города Амстрадама. А на том карабле пришли галанцы: торговой иноземец Иван Фрянсов сын Бордин, карабельщик Вилим Реннс, кормщик Мартинс Дириксен, 10 человек деловых, наряду нет. И галанец Иван Бордин явил: 500 бочек рыб сельдей, 10 бочек белил, 4 бочки серы горячей. На том же карабле пришли галанец Исак Григорьев сын Фос, явил: 17 бочек полуберемянных вина красного церковного, 20 бочек полуберемянных вина белого французского, 4 бочки беремянных романей,

6 бочек полуберемянных укусу ренского, II половинок сукон немецких, на 200 рублей москотилного товару, 900 шляп ветчанных, 100000 игол (л. II3), 14 фунт цвету мушкатного, 30 фунт гвоздики, 6 пуд пшена сорочинсково.

Июля в 26 день пришел с моря тем же устьем и стал, недошед Архангельсково города, за Мосеев остров карабль от Анбурха города. А на том карабле пришли анбурцы: торговой иноземец Обрам Обрамов сын Павлус, карабельщик Индрик Рорс, кормщик Питер Инус, 12 человек деловых, наряду 8 пищалей. И анбурец Обрам Павлус явил: 4 бочки краски крутику, 2 кипы сукон лятчин.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанской. А на том карабле пришли галанцы: торговой иноземец и карабельщик Сибран Иверсен, кормщик Герет Еленсенс, 8 человек деловых, наряду 2 пищали. И карабельщик Сибран Иверсен на том карабле заморских товаров никаких и ефимков не сказал. А пришел де он к городу наймоватца у иноземцев вести за море русские товары. (л. II4)

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль от города Бремена. А на том карабле пришли бременцы: торговой иноземец и карабельщик Гемелка Титин, кормщик Гарман Тилман, II человек деловых, наряду нет. И бременец Емелка Титин явил на покупку 1000 ефимков любских.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль бременской к бременцу ко Фрянсу Пралу. А на том карабле пришли бременцы: карабельщик Гендрик Люборсе, кормщик Гарман Гарманс, 8 человек деловых, наряду 2 пищали. И карабельщик Гендрик Люборсе явил вобче с Фрянсом Пралом 1000 ефимков любских.

(л.124) Роспись караблем и заморским торговым немцом, и карабельщикам, и кормщикам и сколько деловых людей, и наряду, и заморских товаров.

Августа в 4 день пришел с моря Двинским Березовским устьем и стал, недошед Архангельского города, за Мосеев остров карабль галанские земли от города Амстрадама. А на нем пришли галанцы: торговой инозец Роман Авелев, карабельщик Ян Барнас, кормщик Якоб Тонисенс, 12 человек деловых, наряду нет. И галанец Роман Авелев явил заморских товаров: 15 половинок сукон кармазинов, 25 половинок сукон полукармазинов, 100 кубшинов масла спикинардова*, 2 бочки краски бакану, 7 бочек фиников, 2 бочки белил, 6 бочек масла деревянного, 15 бочек полуберемянных вина церковного, бочка меди зеленые в тазах, 1000 ефимков любских. (л.125)

Пришел с моря тем же устьем к Архангельскому городу карабль галанской. А на нем пришли галанцы: торговый иноземец Ульян Самойлов, карабельщик Ян Янсен, кормщик Келес Улисенс, 14 человек деловых, наряду 8 пицалей. И галанец Ульян Самойлов явил: 10 половинок сукон кармазинов, 25 половинок сукон полукармазинов, 25 половинок сукон албурских, 100 прутов железа свейского, 150 пуд сандалу красново, 15 ларей скляниц зеленых, 2 кипы бумаги писчей, 4 бочки краски крутику и мяжкие, 100 пуд сандалу цветново, 50 пуд ягод винных, 40 бочек полуберемянных вина церковного, 14 бочек беремянных романей, 500 бобров и ярцов.

Августа в 5 день пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской. А на нем пришли галанцы: торговой иноземец Григорей Григорьев, карабельщик Албер Янсен, кормщик Клас Янсен, 12 человек деловых, наряду 5 пицалей. И галанец Григорий Григорьев явил: 50 аршин бархату гладково, 100 аршин камки амстрадамской, 100 аршин зуфей шолковых, 3 кипы сукон аглинских (л.126), 2 бочки краски мяжкие, 100 пуд сандалу красного коряниново, 600 литр мишуры белой и красной, 7 кулей

* скипадарного.

перца черново, 10 половинок сукон кармазинов, 5 бочек белил, бочку сахару головного, 10 бочек ладану, бочка гвоздики, 300 пуд сандалу цветного, 2 бочки меди зеленые в тазах, 10 бочек масла деревянного, 5 бочек сери горячей, 2 бочки бобров и ящов, 400 косячков бумазей.

Пришел с моря тем же устьем и, недошед Архангельского города, стал за Мосеев остров карабль галанской. А на нем пришли галанцы: карабельщик Якоб Питерсен, кормщик Якоб Екберс, 12 человек деловых, наряду нет. И карабельщик Якоб на том карабле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришел де он к городу по рожь, что продана из государевы казны.

Пришел с моря тем же устьем и, недошед Архангельского города, стал за Мосеев остров карабль атлинские земли от города Лундонта. А на нем пришли агличаня: торговый иноземец Ульян Рыцарев Лидер, карабельщик и кормщик Томас Андрис, 28 человек деловых, наряду 16 пицалей (л. 127). И агличанин Ульян Лидер явил: 6 кип сукон атлинских, кинку стамедов, 2 кипки еренков, бочку судов оловянных. На том ж карабле пришел агличанин Рыдор Рыдорев Брюки, явил: 6 кип сукон атлинских, 6 кип сукон кострышев, 2 кипы сукон еренков, кипу стамедов.

Августа в 6 день пришел с моря тем же устьем и, недошед Архангельского города, стал за Мосеев остров карабль галанской. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Корнил Шибш, кормщик Ян Ильбранс, 14 человек деловых, наряду 6 пицалей. И карабельщик Корнил на том карабле заморских товаров и ефимков не сказал. А пришел де он к городу наймоватца у иноземцов вести за море русские товары.

Пришел с моря тем же устьем и, недошед города, стал за Мосеев остров карабль галанской галанца Конкратья Едлинкина к приказщику к Мартыну Бихлинку. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Ян Корнилес, кормщик Корнилес Якобсен, 11 человек деловых, наряду 5 пицалей. И галанец Мартын Бихлинок явил:

70 литр золота и серебра пряденого, 4 косяка отласов гладких, 100 аршин камки куфтеры, 50 аршин бархату гладково, 200 аршин камок амстрадамских (л.128), 10 половинок сукон кармазинов, 300 стоп бумаги писчей, 100 косячков бумазей, 300 бобров и ярдов, 10 пуд меди паздери, 6 бочек краски сурику, 5 бочек красцов, 10 пуд киноваря, 2000 ефимков любских.

Пришел с моря тем же устьем и стал, недошед города, за Мосеев остров каравль аглинской. А на нем пришли агличанин: торговый иноземец Крье Крьев Мидлимор, каравельщик Томас Утьфин, кормщик Елес Алексес, 28 человек делових, 24 пищали. И агличанин Крье Мидлимор явил: 10 кип сукон аглинских, 2 бочки слова бладново, 3 бочки слова прutowого, 3 кипы сукон еренков, 30 бочек береминных романей, 2 кипки бумазей, 2 бочки краски крутику, 2 бочки краски голубца, 200 литр мшауры белой и красной. На том же каравле пришел агличанин Ульян Ульянов Флечер, явил: 8 кип сукон аглинских, 6 кип сукон еренков, 3 кипы стамедов, 120 косячков бумазей (л.129)

Августа в 7 день пришел с моря тем же устьем к Архангельскому городу каравль от города Анбурха. А на нем пришли анбурци: торговый иноземец Иван Петров Пльсов, каравельщик Рик Манерес, кормщик Корнил Янсено, 16 человек делових, наряду 5 пищалей.

Августа в 8 день пришел с моря тем же устьем к городу ж каравль анбурской к Ивану ж Пльсову. А на том каравле пришли анбурци: каравельщик Данил Данило, кормщик Джан Клас, 16 человек делових, наряду 12 пищалей. И анбурец Иван Пльсов явил на тех каравлах: на 300 рублей жемчугу, 120 литр золота и серебра пряденого, 5 палукосяков отласов гладких, 12 косяков тафт виницельских, 20 половинок сукон палукармазинов, 150 половинок сукон анбурских, 200 половинок сукон лятчин, 5 бочек красцов, 10 бочек железа белого, 7 бочек краски крутику и мяхие, 10 калокалов медних, 50 палин

меди красные, (л.130), 700 литр мишуры белой и красной, 3 ящика игол, 25 зубов кости слоновой, 2 бочки береманных масла деревянного, 150 кротои ягод изкму крошенного, 25 бочек изкму кафинского, бочка ладану, бочка сахару головного.

Пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль анбурский. А на нем пришли анбурцы: торговой иноземец Христофор Микулаев, карабельщик Питер Арманс, кормщик Мартин Андрис, 20 человек деловых, наряду 8 пицалей. И анбурец Христофор Микулаев явил: на 500 рублей жемчугу и перстней золотых и судов серебряных, 10 половинок сукон кармазинов и полушарлатов, 10 половинок сукон серых, 50 половинок сукон аглинских, 5 бочек ягод изкму крошенного, 4 бочки краски крутику, 10 колоколов медных, 10 бочек железа белого, ящик корицы, 10 бочек береманных романеи, бочку сахару головного, 3 кипы сандалу красного, 10 пуд ладану, 30 половинок сукон лятчин, 2 кули кардамону, на 100 рублей москотилного товару. (л.131)

Пришел с моря тем же устьем и стал, недошед города, за Мосеев остров карабль аглинский. А на нем пришли агличаня: торговой иноземец Роман Рыцарев Гловер, карабельщик и кормщик Корбат Юренс, 30 человек деловых, наряду 16 пицалей. И агличанин Роман Гловер явил: 4 кипы сукон аглинских, 5 кип да 5 половинок сукон кострышев. На том же карабле пришел агличанин Гаврило Иванов Уарт, явил: 6 кип сукон аглинских, 4 кипы сукон кострышев, 2 бочки ножей, бочка судов словянных. На том же карабле агличанин Иван Иванов Долбел явил к себе присылки: 12 кип сукон аглинских, 2 кипки яренков, кипу стамедов, бочку олова блядного.

Пришел с моря тем же устьем и, недошед города, стал за Мосеев остров карабль от города Анбурха. А на нем пришли анбурцы: торговой иноземец Филип Иванов Ферпортен, карабельщик Данил Страйман, кормщик Ян Нек, 10 человек деловых, наряду 4 пицали. (л.132) И анбурец Филип Ферпортен явил: на 100 рублей жемчугу, 200 литр золота и серебра пряденного, 10 фунт

кружев золотных, на 1200 рублей отласов и камок и иных локотных товаров, 40 половинок сукон кармазинов и полукармазинов, 10 кил сукон артинских, 30 половинок сукон анбурских, 25 половинок сукон лятчин, 25 пуд ладану, 20 бочек жѣлѣза белого, 20 пуд меди зеленне в котлах, 15 пуд меди волоченне, 20 бочек ягод извѣсту кафимского, 15 бочек ягод извѣсту крошеного, 2 пуда корици, 2 бочки ягод кориинки, 50 пуд меди краснае в толстых и в тонких полицах, 2 ядика сахару леденцу, 50 косячков бумазей, 4 паникацила медных, 300 литр мишури белой и красной, 2 пуда сахаров зеренчатых, 4 бочки полуберемяннаго масла деревяннаго, 6 бочек краски крутику.

Августа в 9 день пришел с моря тем же устьем к Архангельскому городу карась галанской. А на том карабле пришли галанци: карабельщик Якоб Неникс, кормщик Питер Питеро, 6 человек деловых, наряду нет. (л.133) И карабельщик Якоб на том карабле заморских нѣзакых товаров и ефивков не сказав. А пришел це он к городу наймоватца у иноземцев вѣсть за море русские товары.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карась анбурский. А на том карабле пришли анбурци: торговой иноземец Кондратей Микулаев сын Тетен, карабельщик Обрам Дириксенс, кормщик Корнил Инсенс, 10 человек деловых, наряду 2 пидали. И анбурец Кондратей Тетен явил: на 200 рублей жемчугу, 50 литр золота и серебра праденного, 300 аршин тафт виницѣйских, 20 половинок сукон кармазинов, 10 половинок сукон полукармазинов, 50 половинок сукон анбурских, 80 половинок сукон лятчин, 10 бочек краски крутику, 500 литр мишури белой и красной, 100 пар писталей, 300 мушкетов, на 50 рублей роморок скляничных, 150 пуд сандалу краснаго корнянаго, 30 бочек беремянных романае, 15 бочек полуберемянных вина французского, 2 бочки беремянных реискаго примого, 15 бочек жѣлѣза белого, (л.134) ядик стекл зеркальных, 5 бочек ладану, 10 бочек ягод извѣсту кафимского, 300 пуд свинцу.

Пришел с моря Двинским Березовским устьем и, недошед города, стал за Мосеев остров карабль аглинской. А на нем пришли агличаня: торговой иноземец Юрье Юрьев сын Креветов, карабельщик Рыдор Патрич, кормщик Рыдор Орд, 27 человек деловых, наряду 16 пищалей. И агличанин Юрье Креветов явил: 20 кип сукон аглинских, 6 кип сукон кострышев, кипа сукон стамедов, 300 пуд свинцу, на 200 рублей москотилново товару. На том же карабле агличанин Иван Ульянов Купор явил к себе присылки: 30 кип сукон аглинских, 5 кип сукон кострышев, 2 кипки стамедов, 600 литр мишуры белой и красной, 2 кипки сукон яренков, 143 бобра и ярцов, 120 косячков бу-мазей, 2 бочки краски крутика. (л.135)

Августа в 10 день пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к Архангельскому городу карабль галанские земли от города Амстрадама галанца Кондратья Клинкова к приказщику, к Мартыну Быхлинку. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Нюс Избранс, кормщик Вилим Янсенс, 10 человек деловых, на-ряду нет.

Пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской к нему ж Мартыну. А на том карабле пришли галанцы: карабель-щик Данил Питерсенс, кормщик Арис Питерсенс, 12 человек де-ловых, наряду нет. И карабельщики Нюс Избрано, Данил Питер-сенс на тех караблех заморских никаких товаров и ефимков не сказали. А пришли де оне к городу по рожь, что продана из государевы казны.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль анбурской. А на нем пришли анбурцы: карабельщик Ян Квинсенс, кормщик Корнил Янсенс, 15 человек деловых, наряду 5 пищалей. (л.136) И карабельщик Ян Квинсенс на том карабле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришел де он к городу наймо-ватца у иноземцов весть за море русские товары.

Пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской к галанцу к Якову Яковлеву Вандергульстру. А на том карабле

пришли галанцы: карабельщик Юстр Геренсен, кормщик Кре Мартьянсен, 15 человек деловых, наряду 8 пицалей. И галанец Яков Вандергульстр явил к себе присылки: 20 половинок сукон кармазинов, 15 половинок сукон полукармазинов, 300 стоп бумаги писчей, 15 бочек полубереманных вина французского, 12 пуд сахаров зеренчатых, 1000 ефимков любских.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанской. А на нем пришли галанцы: торговой иноземец Кашпир Еремеев Трател, карабельщик Об Тволт, кормщик Гендрик Янсен, 14 человек деловых, наряду нет. (л.137) И галанец Кашпир Трател явил: 100 литр золота и серебра пряденого, 150 аршин бархатов ритых, 500 аршин камок итальянских, 15 косяков отласов гладких, 200 аршин отласов амстрадамских травчатых, 200 аршин камок амстрадамских, 10 половинок сукон кармазинов, 15 половинок сукон полукармазинов, 10 бочек краски крутику, 8 косяков обьярей шолковых широких, 20 пуд белил, 15 пуд кости слоновой, 20 пуд ягод изкму кафимского, 8 пуд инберя в патоке, 6 кулей перца, 50 пуд меди красные в тонких полицах, 50 пуд меди красные прutowые.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанской. А на нем пришли галанцы: торговой иноземец Олфер Иванов сын Летен, карабельщик Вилим Корнисенс, кормщик Лаврус Павлус, 12 человек деловых, наряду 8 пицалей. И галанец Олфер Летен явил: 500 золотых, (л.138) 1000 ефимков любских, 15 половинок сукон кармазинов, 100 дюжин кружек оловянных, 200 бобров и ярцов, 4 бочки ладану, 2 бочки краски крутику, 200 бочек рыб сельдей, 5 кип бумаги писчей, 2 бочки квасцов, 3 бочки серы горячей, 50 кувшинов масла скипинардова.*

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанской. А на нем пришли галанцы: торговой иноземец Кондратей Рысконс, карабельщик Ян Янсенс, кормщик Симен Класенс, 14 человек деловых, наряду 2 пицали. И галанец Кондратей Рысконс

* скипидарного.

явил: 3 косяка алтабасу, 10 косячков бархатели, 10 косячков аффей, 15 половинок сукон кармазинов, 10 половинок сукон полукармазинов, 20 половинок сукон анбурских, 2 бочки краски крутику, 30 бочек ягод изъму крошенного, 50 бочек ягод винных, 10 бочек ягод изъму кафимского, 10 косячков камкасеи, (л. 139) 7 ящиков олова прутowego атлинского, на 200 рублей москотилного товару, 1500 ефимков любских.

Пришел с моря Двинским Березовским устьем карабль гальянской и стал, недошед города, за Мосеев остров галанца Кондратя Клиноква к прикащику к Мартыну Быхлинику. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Симон Якоб, кормщик Дирик Дириксенс, 12 человек деловых, наряду нет. И галанец Мартын Быхлиник на том карабле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришел де тот карабль по рожь, что продана из государевы казны.

Того же дни пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской. А на нем пришли галанцы: карабельщик Иверт Гержид, кормщик Ян Корнилесенс, 13 человек деловых, наряду нет. И карабельщик Иверт на том карабле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришел де он к городу наймоватца у иноземцов весть за море русские товары. (л. 140)

Пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к городу карабль анбурской. А на том карабле пришли анбурцы: торговой иноземец Вилим Иванов сын Фолфелден, карабельщик Ян Портен, кормщик Якоб Якобсенс, 14 человек деловых, наряду нет. И анбурец Вилим Фолфелден явил: 50 литр золота и серебра пряденного, 20 косяков тафт винищейских, 10 половинок сукон кармазинов, 15 половинок сукон полукармазинов, 5 бочек краски крутику, 3 бочки ладану капи, 15 бочек железа белого, 5 бочек береманных романей.

(л.143) Роспись караблем и заморским торговым немцом, и карабельщиком, и кормщиком, и сколько деловых людей, и наряду, и заморских товаров.

Августа в 19 день пришел с моря Двинским Березовским устьем к Архангельскому городу карабль галанские земли от города Амстрадама, галансково гостя Марка Дифогляра к приказшику к Мартину Маркову. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Якоб Смит, кормщик Албарт Доус, 12 человек деловых, наряду нет.

Пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской к нему ж, Мартину. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Ель Броус, кормщик Якоб Парисенс, 12 человек деловых, наряду нет. (л.144)

Августа в 21 день пришел с моря тем же устьем и, недошед города, стал за Мосеев остров карабль галанской к Мартину ж Маркову. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Рейнс Икманс, кормщик Корнил Якобсенс, 14 человек деловых, наряду 4 пищали.

Августа в 22 день пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к Архангельскому городу карабль галанской к нему ж Мартину. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Арек Корниленс, кормщик Лендерт Янсенс, 13 человек деловых, наряду 10 пищалей.

Августа в 23 день пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанской к Мартину Маркову. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Индрик Доус, кормщик Корнил Якобсен, 9 человек деловых, наряду нет.

Пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской к нему ж Мартину. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Клас Класенс, кормщик Якоб Класенс, 9 человек деловых, наряду нет. (л.145) И галанец Мартин Марков на тех караблех

заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришли де карабли по рожь, что продана им из государевы казны.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль анбурской к анбурцу Филипу Ферпортену. А на том карабле пришли анбурцы: карабельщик Гарман Дуцен, кормщик Якоб Дилин, 15 человек деловых, наряду нет. И анбурец Филип Ферпортен на том карабле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А был де тот карабль в Кольском остроге на рыбном промыслу и рыбою не нагрузился, потому и пришел к городу наймоватца у иноземцов весть за море русские товары.

Пришел с моря тем же устьем к городу карабль галанский. А на нем пришли галанцы: торговой иноземец Роман Фрянсов, карабельщик Титен Титинс, кормщик Дирик Деревс, 14 человек деловых, наряду нет. (л.146) И галанец Роман Фрянсов явил с тово карабля: 60 колоколов медных, 200 стоп бумаги писчей.

Пришел с моря тем же устьем к городу карабль галанской к галанцу к Юстру Блюмрту. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Клас Корнилис, кормщик Герт Никлас, 13 человек деловых, наряду нет. И галанец Юстр Блюморт явил к себе присылки 180 [бочек] рыб сельдей.

Пришел с моря Двинским Березовским устьем к Архангельскому городу карабль галанской земли от города Амстрадама к галанцу Исаку Яковлеву. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Питер Сиверс, кормщик Клас Янс, 14 человек деловых, наряду нст. И галанец Исак Яковлев на том карабле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришел де тот карабль к нему, Исаку, для клади русских товаров.

Пришел с моря тем же устьем к городу карабль галанской к галанцу, к Вахромею Петрову сыну Мелдеру. А на том карабле пришли галанцы: (л.147) карабельщик Андринс Генбрант, кормщик Ян Гелевсенс, 14 человек деловых лкдей, наряду нет. И галанец Вахромей Мелдер явил к себе присылки: 10 бочек

ладану, бочку муки ладанной, кипу бумаги писчей.

Пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской к галанцу, к Петру Деладалу. А на том [корабле] пришли галанцы: карабельщик Сивер Сиверс, кормщик Галав Елтис, II человек деловых, наряду нет.

Пришел с моря тем же устьем к городу карабль галанской к нему же, Петру. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Рык Ойкорс, кормщик Ян Борман, I3 человек деловых, наряду нет. И галанец Петр Деладал явил к себе присылки: 23 сундука скляниц зеленых, 60 погребцов [с] склянницами, 2 кипы сукон полукармазинов.

Пришел с моря тем же устьем к городу карабль галанской к галанцу к Ондрею Логинову Граввину. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Ин Драг, кормщик Вилим Питерсен, I2 человек деловых, наряду нет. (л. I48) И галанец Ондрей Граввин на том карабле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришел де тот карабль к нему, Ондрею, для клади русских товаров.

Пришел с моря тем же устьем к городу карабль от города Анбурха. А на том карабле пришли анбурцы: карабельщик Якоб Избранс, кормщик Питер Класенс, I2 человек деловых, наряду нет. И карабельщик Якоб на том карабле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришел де он к городу наймоватца у иноземцов весть за море русские товары.

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанской к галанцу, к Петру Мартынову Даю. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Гладер, кормщик Ям Фанасен, II человек деловых, наряду нет. (л. I49) И галанец Петр Дай явил к себе присылки: 20 бочек ягод винных, 3 ящика меди в паникадилех, I0 бочек железа белово, 25 литр золота пряденово,

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль от города Любка. А на нем пришел любчанина гостя Ягана Фангорна приказщик Еремей Фоглар, карабельщик Андрис Натен, кормщик Индрик Рудульф, 12 человек деловых, наряду 4 пищали. И любчанин Еремей Фоглар явил: 50 половинок сукон лятчин, 11 колоколов медных, 28 бочек рыб сельдей.

Августа в 24 день пришел с моря тем же устьем к городу ж карабль галанской к анбурцу к Филипу Ферпортену. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Ян Спин, кормщик Якоб Макерес, 23 человека деловых, наряду 18 пищалей. (л.150)

Пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанской к нему же, Филипу. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Ондреян Андреянсен, кормщик Выбра Янсенс, 22 человека деловых, наряду 16 пищалей. И анбурец Филип Ферпортен на тех караблех заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришли де те карабли к нему, Филипу, для клади русских товаров.

Августа в 25 день пришел с моря Двинским Березовским устьем и стал, недошед города, за Мосеев остров карабль галанской. Карабельщик Корнилис Класенс, кормщик Клас Янсен, 37 человек деловых, наряду 24 пищали. И карабельщик Корнилис на том карабле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришел де к городу наймоватца у иноземцов весть за море русские товары.

Августа в 27 день пришел с моря тем же устьем к городу же карабль галанской к галанцу, к Обраму Вансперцу. А на том карабле пришли галанцы: карабельщик Питер Сейкос, кормщик Андри Питерс, 20 человек деловых, наряду 15 пищалей. И галанец Обрам Ван Асперн на том карабле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришел де (л.151) тот карабль к нему, Обраму, для клади русских товаров.

167 году, сентября в 2 день пришел с моря Двинским Березовским устьем и стал, недошед города, за Мосеев остров каравль галанской к агличанину, к Томасу Гебдону. А на каравле пришли галанцы: каравельщик Ян Винкар, кормщик Антонис Корнилис, 60 человек деловых, наряду 30 пицалей. И каравельщик Ян Винкар на том каравле заморских никаких товаров и ефимков не сказал. А пришел де он к городу по черную арменскую икру, что продана из государевы казны.

(л.154) Роспись каравлем и заморским торговым немцам и каравельщикам, и кормщиком, и сколько деловых людей, и наряду, и заморских товаров.

Сентября в 14 день пришел с моря Двинским Березовским устьем к Архангельскому городу каравль галанские земли от города Амстрадама к галанцу, к Мартыну Быхлинку. А на том каравле пришли галанцы: каравельщик Корнилис Якобсен, кормщик Арьян Якобсенс, 10 человек деловых, наряду 6 пицалей. И галанец Мартын Быхлинк на том каравле заморских никаких товаров не сказал. А пришел де тот каравль к нему, Мартыну, весть от города за море русские товары.

Сентября в 23 день пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к Архангельскому городу каравль галанской к галанцу, к Юстру Обрамову сыну Блжмарту. А на том каравле пришли галанцы: каравельщик Симан Янсен, кормщик Корнилис Раборт, 10 человек деловых, наряду 7 пицалей. (л.155) И галанец Юстр Блжморт явил с тово каравля к себе присылки 100 бочек рыб сельдей.

А. П. Богданов

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ "СОЗЕРЦАНИЯ КРАТКОГО ЛЕТ
7190, 91 И 92, В НИХ ЖЕ ЧТО СОДЕЯСЯ ВО ГРАЖДАНСТВЕ"

Сочинение, озаглавленное в наиболее аутентичной рукописи как "Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве",¹ известно в 6 списках, представляющих пространную и сокращенную редакции.² Появление первой из них датируется концом 1687 – началом 1689 г. Сокращенная редакция не является авторской, возникновение ее относится, вероятно, уже к ХУШ в.³ По жанровой принадлежности пространную редакцию (в дальнейшем речь идет только о ней и общем тексте произведения обеих редакций) следует определить как историческую повесть, сходную с повестями в других крупных сочинениях последней четверти ХУП столетия. "Созерцание" завершает собою летописное повествование по русской истории, включающее редакцию Нового летописца по списку Оболенского, сделанную, по-видимому, тем же автором-составителем в 80-х годах ХУП в., на основе списка, близкого к авторскому тексту первой трети ХУП в.⁴ Среди современных летописных повестей "Созерцание" выделяется не только подробностью, точностью, документированностью повествования, но и большей развитостью, в рамках жанра, элементов монографической историографии, которые в той или иной мере присутствуют в большинстве московских летописей предпетровского времени. Благодаря этим особенностям, "Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92" является одним из наиболее значительных памятников русской исторической литературы конца ХУП в. и относится к числу важнейших источников по политической истории России этого переломного периода. Освещая события, предшествовавшие вспышке массового недовольства в Москве и ход самого восстания 1682 г., автор "Созерцания" сообщает немалое число уникальных сведений. В своей работе он опирался на обширный комплекс официальных документов, обильно цитируя их; при этом большинство из них не известно до настоящего времени

в подлинниках. Чрезвычайно интересны оценки, даваемые автором отдельным событиям и лицам, его личные наблюдения и замечания. Неудивительно, что это сочинение вызывало и продолжает вызывать большой интерес у историков и источниковедов. Тем не менее кардинальный вопрос источниковедческого анализа — об авторстве "Созерцания" — остается до настоящего времени спорным; его решение требует специальной аргументации, которую мы предлагаем в настоящей статье.

Не останавливаясь на обозрении всей историографии вопроса,⁵ выделим главные направления в его решении. Вплоть до второй половины XIX в. определяющее влияние на специалистов имело высказывание В.Н.Татищева, который назвал автором "Созерцания" Сильвестра Медведева, не указав источника своих сведений; весьма вероятно, что в данном случае он исходил из рассказов старших современников. Н.Г.Устрялов ввел в научный оборот отрывок из "Розыскного дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках", который должен был, по мнению автора, пролить свет на происхождение "Созерцания". Осенью 1689 г. на допросе под пыткой Сильвестр Медведев говорил, помимо прочего, следующее: "...а с Федкою де Шакловитым говаривал. И была у них написана книга летописная, начета с 90-го году, с правления великия государыни, и что было с того году. И та де книга у него, Сенки, в полате; а писана та книга с писма Карионова, а чернил тое книгу он, Сенка, а переписывал для чисту Ивашко".

Следует подчеркнуть, что в черновой записи пыточных речей фиксировались далеко не все слова допрашиваемого, а лишь те, которые вызвали интерес следователя, и в той форме, которая была удобна писцу. Поэтому мы не можем утверждать, что смысл сказанного передан точно. При перебелении пыточных речей они в интересах следствия подвергались редакционной обработке и уточнению. В беловом варианте речь Медведева звучала так: "... и была у него написана..., а переписывал для чисту дьячек Ивашко." Наконец, в соответствующем месте статейного списка, в котором сжато излагался ход следствия, интересующее нас показание выглядит следующим образом:

"А с пытки он, Сенка, говорил прежние свои речи, что он с Федкою Шаковитим говаривал тайно о рацеех; и была де у него написана книга летописная, начета с 90-го году, о правлении великия государыни, и что было с того году; и та де книга у него, Сенки, в полатке".⁶

Приведенные тексты розыскного дела послужили основой расхождения мнений в вопросе об авторе "Созерцания". Н.Г.Устрялов не придавал особого значения упоминанию о Карионе, считая, что, поскольку сочинение "писано жарким приверженцем Софьи и одним из близких к ней людей, имевшим в своих руках акты, не всякому доступные, притом грамотеем умным, начитанным и искусным, каков был Медведев", то он и является автором.⁷ Однако С.М.Соловьев, также обращавшийся к подлиннику розыскных дел, истолковал текст пыточной речи в том смысле, что "Созерцание" написано и л и Медведевым, и л и Карионом Истоминым (последний был тогда наиболее известным литератором конца ХУП в. с именем "Карион"). Сам же С.М.Соловьев пользовался "Созерцанием" как сочинением Медведева, исходя из убеждения, что автор искажал события в угоду царевне Софье.⁸

Рукопись розыскных дел (до издания их А.Труворовым в 1884 г.) использовали затем Н.Я.Аристов, выступивший в роли апологета Медведева как автора "Созерцания" и приверженца царевны Софьи, и М.П.Погодин, также считавший автором Сильвестра и клеймивший его как пособника "злодеев" и "недобро-совестного" историка. Вслед за тем Е.Ф.Шмурло, исследовав историю изучения "Созерцания" и четыре списка сочинения, пришел к выводу, что речи Сильвестра Медведева с пытки подтверждают высказанное Татищевым мнение об авторстве этого сочинения настолько, что оно "не может подлежать сомнению".⁹

Оспорить вывод Е.Ф.Шмурло попытался С.Н.Брайловский, занимавшийся в то время выявлением сочинений Кариона Истомина. Согласно его мнению, главным доказательством принадлежности сочинения перу Медведева является приведенная выше запись пыточных речей, а толковать ее следует в том смысле, что "упомянутое летописное сочинение писано с книги, написанной Карионом Истоминым, а исправлял ту книгу (написанную

К.Истоминным) он, Сенка, а переписывал набело дьячек Ивашка". При этом Медведев не внес, якобы, существенных изменений в текст, а Истомин, напротив, "с любовью продолжал работу над своим историческим трудом, дополняя различными подробностями раз написанное", чем и объясняется расхождение текста по разным спискам. Именно Карюон, в отличие от Медведева, был близок к патриарху, а эта близость будто бы обнаруживается в тексте. Последнее замечание Брайловского, — о том, что изложение и язык сочинения нехарактерны для Медведева, — равно как и прочие, не подтверждено специальным исследованием.¹⁰

В ответ на работу С.Н.Брайловского А.А.Прозоровский заметил, что выражения "письмо Карюоново" и "письмо Карюона Истомина" не тождественны, и указал еще по крайней мере пять ученых "Карюонов", живших в это время.¹¹ Сильный аргумент против такого отождествления А.А.Прозоровский получил, исследовав все упоминания о Карюоне Истомине в тексте розыскных дел. Как выяснилось, употребление имени хорошо известного следователем К.Истоминим непременно сопровождалось точными атрибутирующими признаками: "печатного книжного дела справщик иеродиакон Карюон" (так называл Истомина и Медведев), "старец Карюон", "справщик Карюон Истомин" и т.п.¹² Изучение приемов работы следственной комиссии 1689—1690 гг. позволяет мне считать наиболее вероятным предположение, что если беловик виточных речей Медведева не содержит точного указания на личность упомянутого "Карюона", то Карюона либо не было в живых, либо Сильвестр не имел возможности назвать его точнее.¹³ В соответствии с этим обстоятельством находится мысль А.А.Прозоровского, что под "Карюоном" разумелся автор "весьма распространенной исторической хроники", переделанной и дополненной в 1558 г. Меланхтоном.¹⁴ Хроника эта была хорошо известна в России, в частности, на нее часто ссылается Дмитрий Ростовский (Туптало) в своей "Летописи". По наблюдениям Прозоровского, Медведев заимствовал из хроники Карюона для введения в "Созерцание" содержание и общий характер обоснования пользы историографии, а также многие конкретные примеры и аргументы. Заслуживает внимания

мнение Прозоровского о том, что, указывая на идейную связь своего сочинения с хроникой Кариона, Сильвестр давал понять, что "Созерцание" представляет собою историческое, а не публицистическое сочинение. Отсутствие же дальнейших вопросов со стороны следствия и документов по изъятию и экспертизе "книги летописной" может служить подтверждением тому, что комиссия 1689 г. была удовлетворена этим объяснением.

В дальнейшем А.А.Прозоровский высказал предположение, что введение к "Созерцанию краткому" местами представляет собой даже дословный перевод "введения" к хронике Кариона. Однако автор не подкрепил это утверждение текстологическими аргументами, а С.Н.Брайловский в очередной работе взялся опровергнуть его путем выборочного сопоставления "Созерцания" с иным изданием Меланхтона (Берн, 1501), не содержащим указанных Прозоровским текстов.¹⁵

После полемики между С.Н.Брайловским и А.А.Прозоровским споры по поводу авторства "Созерцания" на долгое время прекратились.¹⁶ Общепринятой оказалась точка зрения Прозоровского, подтвердившего первое высказывание В.Н.Татищева.

В настоящее время пересмотреть результаты полемики попытался М.Я.Волков. Основываясь на своем представлении о соотношении редакций "Созерцания", он проанализировал содержание краткой редакции как "первоначальной, авторской", относящейся к периоду регентства царевны Софьи, и пришел к выводу, что целью автора в повествовании о событиях 1681-1683 гг. было осуждение неких реформ и охранение "старых порядков". Хотя нововведения, осуждаемые в "Созерцании" (в любой его редакции), относятся к царствованию Федора Алексеевича, по мнению исследователя (к сожалению, оставшемуся неаргументированным), автор имел в виду и правление Софьи Алексеевны. "Это, — пишет М.Я.Волков, — придало сочинению характер выступления против попыток правительства Софьи — В.В.Голицына осуществить нововведения" (о которых нам ничего не сказано — А.Б.), что, в свою очередь, указывает на "близость памятника к патриарху".¹⁷

Эту оценку мы не могли бы принять даже в том случае, если бы краткая редакция не была в действительности сокращенной.

Из осуждаемых в "Созерцании" нововведений в период царствования Федора только "обращение к иностранному опыту и распространение иноземных обычаев", хотя и не было собственно нововведением, действительно осуждалось патриархом. В то же время "возврат к созыву земских соборов" был поддержан и патриархом Иоакимом, когда в апреле 1682 г. правительство с его участием пыталось обосновать наречение Петра на царство решением земского собора. Что касается осуждения новых "ближних предстателей", то если Языковы, Лихачевы, Апраксины и другие, которых имеет в виду автор, в 1681-1682 гг. были в какой-то степени соперниками патриарха на пути к власти, то в гораздо большей мере они были противниками Софьи. Наконец направленность сочинения якобы против деятельности Софьи никак не вяжется с теми похвалами ей, которые сохранились в тексте краткой редакции: она оценивается значительно выше патриарха. Обе редакции прославляют также и В.В.Голицына.

Стремясь, тем не менее, доказать близость автора краткой редакции к патриарху Иоакиму, исследователь утверждает, что документы, обильно использованные в сочинении, взятые из гипотетического "архива патриарха" (описи патриарших рукописей, сделанные в XVII в., их синодальные реестры и научные описания состава рукописей, принадлежавших патриарху Иоакиму, не приняты во внимание). Весь ряд приведенных утверждений используется для того, чтобы подтвердить версию С.Н.Брайловского, будто упоминавшийся в показаниях Медведева "Карион" действительно Карион Истомина, который и написал "Созерцание краткое". Рассмотрев затем сокращения и изменения пространной редакции как результат "вставок" в сокращенную, сделанных в 1687-1689 гг., М.Я.Волков получил картину "редактирования" сочинения, осуществленного, по его мнению, Сильвестром Медведевым, причем "без ведома и согласия автора" (напомню, что Истомин был свойственником Медведева - А.Б.).

Даже если оставить в стороне недоказанность выводов, основанных на рассмотрении смысла сокращений и поновлений текста, сделанных в XVII в., в качестве вставок и корректур, произведенных в 80-х гг. XVII в., то результаты самого смыслового анализа опровергают сделанные из них выводы. Так,

Медведев, который в 1887-89 гг. принимал активное участие в подготовке коронации царевны Софьи, при "редактировании" текста стремился, по мнению М.Я. Волкова, на конкретных примерах ее заслуг в "утишении" восстания 1682 г. показать "богоизбранность" царевны на царство. В то же время он, якобы, "снижает в глазах читателя остроту и злободневность" событий московского восстания! К тому же исследователь признает, что и выражавший мнение патриарха Истомина утверждал, будто "Софья избрана самим богом". Будучи сторонником Софьи, Медведев "смягчает" оценки действий восставших, ее врага И.М. Языкова, "исключает" критику земских соборов (главный из которых был инспирирован патриархом и привел на трон Петра) и "сохраняет" "почти все осуждения перемен и нововведений, определявшие направленность сочинения Кириона Истомина" и нацеленная, как считает М.Я. Волков, против правительства Софья - Голыцина!¹⁸

Атрибуируя "Созерцание краткое" Кириону Истомину, современный историк обходит вниманием широко известной и прекрасно сохранившийся авторский архив знаменитого литератора конца ХУП в. Между тем, практически все крупные сочинения этого литератора имеются в беловых автографах, а процесс его творчества детально раскрывается многочисленными черновиками, в которых нет и следа работы над "Созерцанием". Архив Истомина дает нам исчерпывающее представление о взглядах, круге интересов и связях выдающегося русского поэта и просветителя. Но сочинения Кириона, как и большинства других публицистов "предпетровского времени", не отражают комплекса идей и литературных приемов, характерных для "Созерцания", какую бы редакцию этого сочинения мы не считали первичной. Работа М.Я. Волкова справедливо подчеркнула спорность вопроса об авторстве "Созерцания краткого", но не разрешила его. Анализ происхождения этого крупного исторического памятника, очевидно, не может опираться на произвольные общие представления, требует привлечения и тщательной проверки новых данных, сопоставления конкретных источников.

Прежде всего обратим внимание на первую часть показаний Сильвестра Медведева, не вызвавшую специального интереса

исследователей: "...а с Федкою де Шакловитыа говаривал. И была у них написана книга летописная...". В Беловике пыточных речей сказано, что книга написана "у него", Медведева, но остается фактом, что составление летописной книги было каким-то образом связано со встречами Медведева и Шакловитого и их беседами. Разговор об этих беседах продолжался на протяжении всего следствия над Медведевым. Уже на первом допросе 24 сентября 1689 г. Сильвестр сказал, что "к Федке приезживал и в полатке с ним тайно говаривал о рацеех (текстах к политическим гравюрам - А.Б.)". На допросе 30 сентября Медведев опять рассказывает о разговорах с Шакловитым, уже у себя в келье. К этому времени были составлены и вопросные статьи, в которых, в частности, говорилось: "Сказал он, Селиверстко, что с Федкою Шакловитым у себя в келье и у него в дому говаривал тайно о рацеех, - и он, Селиверстко, совершенно о рацеех говаривал, чли о иных каких злих умыслех?" В тот же день Медведев с пытки сказал, "... что де он с Федкою у себя в келье и у него говаривал тайно, и то де он с ним, Федкою, говаривал о рацеех". Вслед за тем допрашиваемый добавил, что разговор шел еще и о "книге летописной", которую они (или он, по Беловой редакции текста) написали. В связи с контактами между Медведевым и Шакловитым факт создания "Созерцания краткого" упомянут и в статейном списке.¹⁹ Очевидно, что с точки зрения анализа содержания повести факт сотрудничества Медведева с лидером наиболее радикальной про-софийской группировки имеет первостепенное значение, однако его, как и атрибуцию текста перу Сильвестра, следует проверить.

Для прояснения вопроса обратим внимание на источники текста. Практически все исследователи отмечают, что автор "Созерцания" был допущен к государственной документации. Этого нельзя сказать ни о Медведеве, ни об Истомино, даже если согласиться с умозрительным заключением М.Я. Волкова, что автор "имел доступ к архиву патриарха и опубликовал в своем сочинении большое число документов, имевшихся в этом архиве (царские грамоты, речь патриарха при венчании на царство Петра, его же послание в Троице-Сергиев монастырь, донос И.А. Хованского и др.)".²⁰ В тексте "Созерцания краткого"

приведены следующие документы:²¹

- I. 27 апреля 1682 г. Объявительная грамота о наречении на престол царевича Петра Алексеевича. (с.43-46). В ней, в частности, имеется речь патриарха, которую Болгов считает отдельным документом.
2. 30 апреля. Сказка у наказания стрельцкому полковнику Семену Грозинину. (с.49-51, № 2).
- III. 19 мая. "Разрядная запись" о регентстве царевны Софьи Алексеевны (с.65-67).
4. Не ранее 6 июня. Малованная грамота московским стрельцам, солдатам, гостям, посадским людям и ямщикам (с.69-75, № 21).
- V. 2 сентября. Изветное письмо о князьях Хованских (с.98-99, № 67).
6. 6-10 сентября. Грамота о сборе ратных людей (с.100-106, № 69).
7. 13 сентября. Сказка о смертной казни князьям Хованским (с.106-111, № 86).
8. 25 сентября. Грамота патриарха Иоакима из Москвы к царям в Троице-Сергиев монастырь об отправлении к ним суздальского митрополита Илариона и проч. (с.120-122, № 112).
9. 25 сентября. Сказка московских стрельцов, солдат, пушкарей и др. о верности государям (с.128-129, № 111).
10. 28 сентября, Царская грамота из Троице-Сергиева монастыря к патриарху Иоакиму с указом об объявлении восстановшим условий прощения (с.131-134, № 122).
- II. 29 сентября. Царская грамота из Троице-Сергиева монастыря к патриарху Иоакиму с извещением о принятии книги "Увета духовного" (с.130-131).
12. 1 октября. Челобитная о прощении стрельцов Стремяного полка Н.Д.Глебова (с.134-136, № 132).
13. 2 октября. Грамота патриарха Иоакима из Москвы к царям в Троице-Сергиев монастырь о переговорах с восстановшим (с.136-138, № 134).

14. 5 октября. Царская грамота из Троице-Сергиева монастыря к патриарху Иоакиму с указанием объявить статьи о прощении служивым выборного полка Р.Мданова (с.139-141, № 146).
15. 3 октября. Статьи с условиями перемирия между восставшими и правительством (с.141-151, № 63).
16. 10 октября. Грамота патриарха Иоакима из Москвы к царям в Троице-Сергиев монастырь с сообщением о принятии восставшими статей о прощении (с.151-154, № 152).
17. 13 октября. Царская грамота из Троице-Сергиева монастыря патриарху Иоакиму с похвалой за его действия в связи с принятием восставшими статей о прощении (с.155-158, № 156).
18. 25 октября. Указы стольникам, полковникам, стряпчим, дворянам московским, жильцам, людям боярским и надворной пехоте о соблюдении порядка в столице (с.159-163, № 171).
19. 28 октября. Челобитная стрельцов полка Л.Ермолова об уничтожении памятного столба на Красной площади в честь событий восстания 15-17 мая (с.163-164, № 172).
20. Не позднее 10 октября. Жалованная грамота садаматам выборного полка Р.Мданова (с.166-172, № 153).
21. Не позднее 23 декабря. Указ стрельцам полка П.Бохина о запрещении стоять на караулах в царском дворе (с.173-176, № 189).
22. 28 декабря. Указ стрельцам полка П.Бохина о разрешении стоять на караулах в царском дворе (с.177-178, № 190).
23. 30 декабря. Докладная выписка в Стрелецком приказе об удалении из Москвы ненадежных стрельцов (с.180-192, № 205).
24. 30 декабря. Приговор Боярской думы по докладной выписке из Стрелецкого приказа (с.192-193, № 206).
25. 7 января 1683 г. Тайная грамота в Севск окольничему и воеводе Л.Р.Неплюеву об отчислении из полков опасных для правительства стрельцов (с.194).
26. 7 января 1683 г. Статьи, посланные в Севск воеводе Л.Р.Неплюеву о разборке стрелецких полков (с.195-197).

Документы, помещенные в списке под номерами 1, 15 и 18 идут из Разрядного приказа, в записях которого сохранились их черновые отпуски. Там же, по уверению автора, имелась запись отпуска документа № 3, о котором в "Созерцании" говорится, что он скопирован с "писания в Разряде в записной того года книге". Документ № 24 скреплен подписью думного дьяка этого приказа Василия Семенова. В компетенцию Разрядного приказа непосредственно входило составление документа № 6. Так же маловероятно, чтобы документы № 21, 22, 23, 25 и 26 были изготовлены где-либо, кроме Стрелецкого приказа, хотя докладная выписка (№ 23) в беловике отложилась вместе с № 24 в Разрядном приказе, откуда и была добыта автором "Созерцания".

Статьи от 3 октября, составленные в Разряде в условиях царского похода, сопровождались царскими грамотами в Москву,²² часть которых приведена в "Созерцании" (№№ 10, 11, 14, 17). В тех же разрядных записях, где помещены черновые отпуски "статей" и царских грамот, записаны и ответные грамоты из Москвы, в том числе грамоты от патриарха Иоакима, за исключением тех, которые помещены в "Созерцании" (№№ 13, 16). Следовательно, мы имеем основания считать, что и документы №№ 13 и 16 были изъяты из архива Разряда. В этом случае сюда следует отнести и № 8. Наконец, в этой переписке имеется сказка восставших о верности правительству от 25 сентября (№ 9) и челобитная стрельцов от 1 октября, присланная в царский походный разряд, которые должны были отразиться в разрядных записях, а их подлинники — отложиться в архиве приказа.

Малованные грамоты №№ 4 и 20 утверждались Боярской думой и запечатлелись в записях Разряда. Грамота № 20 была скреплена думными дьяками Разрядного, Сибирского и Посольского приказов и, кроме того, послана в стрелецкий полк, а грамота № 4 была еще и отпечатана в Верхней типографии.²⁴ Столь же неясно, откуда автор "Созерцания" позаимствовал документы №№ 2 и 19, которые могли быть составлены как в Разрядном, так и в Стрелецком приказах (архив которого не сохранился), и акты №№ 5 и 7, происхождение которых зависело от того, была ли

создана следственная комиссия по делу Хованских, или осуждение их было произведено "в рабочем порядке" и задокументировано в походном Разряде. Наиболее вероятно происхождение этих документов из Разрядного приказа, в котором собирались записи походных Разрядов.

Помимо процитированных в тексте целиком, автор "Созерцания" использовал и другие документы.²⁵ Из архива Разрядного приказа взяты материалы о "соборах" 1681-1682 гг. по военным делам и отмене местничества.²⁶ В статьях, предшествующих описанию событий восстания 1682 г., рассказано о мероприятиях царя Федора Алексеевича по реабилитации Николая и расширению состава русских митрополий.²⁷ Касающиеся церковных дел документы имелись у патриарха, однако, поскольку решения принадлежали царю, автор мог не обращаться к Иоакиму, а получить тексты в Разряде. Переписка между патриархом и царями вполне могла иметься у Иоакима (точнее, у писавших для него лиц, одним из которых был с марта 1682 г. Кирион Истомин). Однако предположение, что автор "Созерцания" брал их именно у патриарха, требует допущения, что по каким-то причинам он не пожелал получить всех документов в Разрядном и Стрелецком приказах, обратившись дополнительно к патриаршим бумагам. Кроме того, в этом случае остается неясно, почему из Разрядного архива одновременно исчезли именно эти документы, тексты которых полностью приведены в "Созерцании".

Итак, источниковой базой для создания "книги летописной" послужили документы в основном из Разрядного, а с конца 1683 г. — и из Стрелецкого приказа. Известен только один человек, равно знакомый с теми и другими документами. Это — Федор Леонтьевич Шахловитный, являвшийся с 8 марта 1676 г. по конец осени 1682 г. думным дьяком Разрядного приказа, а с 10 декабря того же года переведенный думным дьяком в Стрелецкий приказ.²⁸ Следует заключить, что именно всесильный Ф. Л. Шахловитный взял лично или дал указание о выдаче документов для "Созерцания краткого".

Анализ происхождения документальных источников сочинения позволит не только подтвердить, но и наполнить реальным

содержанием фразу Медведева о его совместной работе с Шапловитым. Если хотя бы замисел "Созерцания" обсуждался во время бесед Шапловитого с Сильвестром, мы должны предположить, что, как и при создании политических гравюр, автору были даны указания относительно идейной направленности произведения.²⁹ Медведев, как и в истории с гравирами, мог быть не только автором, но и редактором книги. Но даже если допустить, что автором повести являлся некий "Карион" (распространенное монашеское имя), то влияние его личных взглядов на содержание историко-публицистического сочинения нельзя считать значительным. Тем более не следует полагать, что он мог выразить в своем сочинении взгляды какой-либо политической группировки, противной Шапловитому, которому принадлежал замисел и определение документальной основы "Созерцания", и Медведеву, если тот выступал редактором, а не являлся автором.

Единство политических взглядов автора "Созерцания" и Ф.Л.Шапловитого, выступавшего во второй половине 80-х годов ХУП в. главой группы наиболее активных сторонников царевны Софьи, мы можем не только логически констатировать, но и подтвердить фактами. Так, в "Созерцании" утверждается, что Софья Алексеевна была назначена регентшей при малолетних царях решением Боярской думы от 29 мая 1682 г. по челобитью "всяких чинов всенародного множества людей".³⁰ Это решение Думы имело первостепенное значение для обоснования законности власти царевны. Однако ни один из пишущих современников, кроме автора "Созерцания краткого", "избрания" царевны не видел и, что гораздо важнее, о нем не слышал. Связывать приход Софьи к власти с московским восстанием 1682 г. начинают впоследствии в петровской историографии в целях "обличения" царевны.³¹ Столь единодушное молчание современников заставляет задаться вопросом: имело ли место само избрание?

При описании событий 29 мая в "Созерцании" сообщается, что царевна Софья в качестве регентши обязалась принимать участие в заседаниях Боярской думы, выслушивать доклады о всех государственных делах и "во всяких делах во указах со имени братьев своих... писати имя свое, великой государини...".³²

Обладание такого рода привилегиями должно было отразиться в делопроизводственной документации государственных учреждений: документах "в доклад" Боярской думе, на которых обязательно ставилась помета о сообщении царям и зачитании боярам, записях в Разряде об указах и приговорах, наконец, во всех исходящих документах московских приказов.

Обследование материалов бывшего Посольского приказа с целью разрешения вопроса о власти царевны Софьи было произведено уже в конце XVIII в. Сотрудники МАКИЦ установили тогда, что Софья Алексеевна не писалась в государственных документах вплоть до октября 1682 г., когда ее имя впервые появляется на документах "в доклад". Только с 1685 г. имя царевны стали вносить в царский титул на некоторых документах, отправляемых за границу (в статейные списки и т.п.), и лишь с июня 1686 г. титул Софьи появляется во всех внутренних документах.³³

Эти наблюдения можно уточнить по материалам Разрядного приказа за 1682 г. В сохранившихся отпусках исходящих документов имя царевны не появлялось. Отсутствует оно и на документах "в доклад". В книге Разрядного приказа за 20 августа - 3 октября 1682 г., записи в которой производились в ходе событий (здесь помещены черновые отпуски грамот),³⁴ под 17 сентября имеются данные об указе Ивана, Петра "и сестрих великих государей благородной царевны и великой княжны Софьи Алексеевны" с боярским приговором о казни И.А. и А.И. Хованских.³⁵ Затем подобная запись с сокращенной титулатурой царевны появляется в сообщении об указе царей и Боярской думы от 3 октября, причем в соответствующих исходящих документах имя Софьи отсутствует.³⁶ Только 25 октября царевна вновь упомянута в именном указе,³⁷ и после того, как показывают и материалы Посольского приказа, ее имя начинает писаться на многих документах "в доклад" и записях об указах. Таким образом, хотя летом 1682 г. царевна Софья играла важную роль в государственных делах (как это следует, например, из переписки государственных деятелей³⁸), ее влияние приобретает формальные признаки лишь осенью, главным образом с октября этого года.

Необходимо, однако, проверить предположение, что, получив 29 мая формальное право на власть, Софья Алексеевна не успела его реализовать и была оттеснена набравшими силу к середине лета "старыми" боярами, так что осенью 1682 г. ей пришлось заново утверждать свои права. Документы свидетельствуют, что в конце мая — июне 1682 г. царевна Софья не имела первенства в формальной структуре верховной власти. В тексте присяги царям и членам царского дома из "соборного акта" 26 мая первой после царей названа царица Н.К.Нарышкина, затем царица М.М.Апраксина и царевны по возрасту (Софья, как и положено, на пятом месте); то же соотношение и в "акте" 27 апреля.³⁹ Если тексты этих актов отражают прежде всего борьбу за власть "в верхах", то значительно большего доверия заслуживает текст подлинной крестоцеловальной книги, по которой 23—25 июня "к вере приводил в соборной и апостольской церкви стояльник и воевода Никита Максимович Телегин грацких и уездных всяких чипов людей".

Текст присяги приведен здесь не в сокращенной, как в актах, а в пространной редакции, соответствующей формуляру крестоцеловальной записи.⁴⁰ При перечислении адресатов крестоцелования указываются цари, царицы и четыре старших царевны. Софья была пятой по возрасту среди царевен и в присягу не попала. Только когда присягавшие обязывались бороться со "скопом, заговором и всяким злым умислом" на царский дом (ср. Уложение 1649 г., гл. II и др.), перечисляются все члены царской семьи, все царевны, в том числе и Софья Алексеевна.

Лишь однажды, в приведенной С.М.Соловьевым ризрядной записи под 16 июня, царевны (но не сама Софья) были упомянуты перед царицей: "Ходили великие государи и государыни царевны в Ново-Девич монастырь пешком и государыня царица". Неясно, о какой из цариц идет речь и означает ли запись предпочтение царевен царице.⁴¹ Напомним, что даже в извете на Хованских, поданном самой царевне Софье в начале сентября, ее имя стоит после имени Н.К.Нарышкиной.⁴² Даже такой проникательный придворный панегирист, как Карион Истомина, не мог осенью 1682 г. угадать быстрый взлет Софьи ча

вершину власти,⁴³ а Сильвестр Медведев, выступавший последовательным сторонником Софьи, летом этого года не отметил наличия у нее формальных признаков правительницы, хотя и признавал ее влияние на дела управления государством.⁴⁴

Для описания "избрания" Софьи правительницей 21 мая автор "Созерцания", по его словам, пользовался записной книжкой Разрядного приказа за 1682 г.⁴⁵ Приведенный им текст тождествен последней части второй (поздней) редакции акта об "избрании" Ивана, Петра и царевни, составленной значительно позже событий, когда правительство Софьи-Галициной-Шакловитого прочно утвердилось у власти. Этот документ должен был заменить собой "соборные акты", объяснявшие воцарение сначала одного Петра (27 апреля), затем Ивана (23 и 26 мая), а затем якобы двух царей одновременно.⁴⁶ Анализ приказных черновиков, давший возможность изучить процесс поисков и переделок формулы воцарения,⁴⁷ и сопоставление актов с современными повествовательными источниками,⁴⁸ позволяют утверждать, что и первые акты, а тем более позднейший документ отражают не реально происходившие события, а ту или иную версию в интересах различных группировок господствующего сословия, одержавших победу на очередной стадии политической борьбы в верхах. Приведенная в "Созерцании" редакция акта отлична от предыдущей тем, что, помимо "избрания" Ивана и Петра, описывает еще столь же мифическое "избрание" царевны Софьи. Понятно, что эта версия могла появиться лишь тогда, когда позиции царевны в правительстве были уже достаточно крепки, когда Софья получила те привилегии, право на которые обосновывалось в "Созерцании", т.е. с лета 1686 г.

В создании составленного по всем правилам, но вместе с тем фиктивного документа не трудно разглядеть многоопытную длань Ф.Л.Шакловитого. Автор "Созерцания", свидетель событий 1682 г. в Москве, знал о подложности документа, который использовал. Чтобы сделать сообщение об "избрании" Софьи более убедительным, он пошел на новое лжесвидетельство, утверждая, что стрельцы замешляли передать власть царевне еще до составления ими челобитной о наречении на царство Ивана, — за счет этого ему удалось еще раз подчеркнуть

"всенародность" требования о передаче власти царской сестре.⁴⁹ Более того, все сочинение было построено вокруг подложного акта о назначении Софьи регентшей. Это говорит о глубокой связи авторского замысла "Созерцания" с намерениями человека, предоставившего документальные материалы о событиях 1681-1683 гг.

"Всенародное избрание" Софьи Алексеевны является центральным сюжетным пунктом "Созерцания". Предшествующие события и рассуждения обосновывают благотворность передачи власти царевне. Последующие события в изложении их автором доказывают спасительность такой меры. В этом пункте скрещиваются три главные сюжетные линии произведения: размышления о личности правителя, об основах взаимоотношений правительства с подданными и об оценке действий восставших.

Начало всем этим рассуждениям положено во введении, где говорится о непреходящем значении историописания, благодаря которому "всяк богосотворенный человек прияв ведение, что когда содеяся благо или зло и каким обычаем и случаем оно произведется действие", становится способен "ведети" "человеческое естество" и поступать правильно в своей жизни. Все, что известно человеку о событиях прошлого, сохранено благодаря тому, что в свое время "людem писменным уведомяся". И великие мира сего несуте пытаются скрывать свое злодейство, ибо все "неправды писанием возвестятся".

Примеры, которые автор приводит в подтверждение этого положения, служат как бы завязкой его повествования о событиях в Москве. Библейские тексты говорят о том, что гибель ожидала Авимелеха, сотворившего зло над братьями своими и незаконно захватившего престол. Гибель неизбежно ждала Ровоама, который "презрев совет людей старих и ведящих разум и послуша младых совоспитанцев своих неискусных совещания". Погибли и судьи израильские, отвергнувшие совет не допускать иностранцев к управлению, "чтобы своих иностранных обычаев и поступков в народ не вводили ни в одеждах, ни в ястии и питии, не в судех гражданских". В "Созерцании" утверждается мысль, что "кто достоин в жизни сей ради разума и доброго его нрава какого сана и чина, - да будет достоин". Важное

значение имеет и другое положение: "не поноси человеку, обрацающемуся от греха", - повторяет автор; но историк обязан правдиво описать и хорошее, и дурное, не боясь гнева тех, кто хотел бы скрыть зло: "И аще господь восхотел писанию сему бити, и никто отвергнути оное смеет".⁵⁰

Рассказанные во введении притчи разворачиваются в цельное историческое повествование о политических событиях в России. Повествуя об отмене местничества, автор обосновывает очень важный для него тезис, что "в жизни сей кого бог почитит, благословит и одарит разумом, того и люди должны сущь почитати и богу в том не прекословити".⁵¹ После рассказа о сожжении разрядных книг с местническими делами, автор вновь возвращается к истории принятия решения об отмене местничества и обильно цитирует "соборные" документы, подчеркивая роль кн. В.В.Голицына,⁵² всеильного "канцлера" периода регентства.⁵³

Идея получения власти по внутреннему достоинству человека, которая проводится во введении и первом разделе "Созерцания", целиком обращена к личности Софьи Алексеевны. Автор вполне уважительно говорит о действиях всех членов царского дома (в том числе царицы Н.К.Нарышкиной), патриарха и вельмож, но Софья несравненно выделена среди действующих лиц своей "божественной избранностью". Уже первое появление ее на политической авансцене в разгар майских событий предваряется отступлением - рассуждением о милосердии бога, дающего государствам избавление через избранных своих: так спасли царства Девора и Юдифь, Эсфирь и Пульхерия греческая, "так и zde, в такое бедственное и митежное время, по благоволению своему правитель всеа вселенныя...воздвиги ...благородную и премудрую милосердную великую государыню царевну и великую князю Софию Алексеевну, ей же даде чюдный смнсл и суждение, яже тщание в девственной чистоте... непрестанно творящи... к сродному господства своего российскому народу человеколюбием склонившися, велий труд...подъяша...".⁵⁴

И во время "раскольниковьего бунта" патриарх Иоаким уже "не помшляя жив бити, не ведая того, яко десница вышняго благоволила его верною и избранною своею благоверною великою

государыней царевною Софиею Алексеевною от того конечного бедства и напрасныя смерти свободити...".⁵⁵ И в другом месте автор говорит: "Яко же бо прежде вышняго благодать на свою божественную славу и на общую православных ползу и церкви своея святыя на защищение благоволи благоверную в.г.ц. Софию Алексеевну избрати, тако благоволи оною, яко своею избранною, и действовати".⁵⁶

Обратим внимание на качества, которые, по мнению автора, свидетельствуют о "богоизбранности" царевны, призванной спасти Российское государство и церковь. Среди них более всех выделена "премудрость", ассоциировавшаяся с именем царевны. Именно "благоразумным своим и мудрым приветом" уговорила Софья стрельцов. "Премудрой государыне" вручили, якобы, восставшие власть. "В великом их государстве, — по словам автора, говорили они, — долженствует ко всякому устройению многое правление. А ея, великую государыню, благоволила божия премудрость упремудрити паче инех". Поэтому, "кроме ее, правити Российское царствие никому невозможно". "Благодатию духа святаго упремудренная" Софья сумела раскрыть заговор раскольников. "Имеюще от вышняго промысла дар премудрости", она подавила это движение. "И аще бы убо господь бог не упремудрил в.г.ц. Софии Алексеевны", то погибли бы не только патриарх со властями, "но и вси бы освященного чина быша смерти преданы".⁵⁷

Качества "мудрости" или "премудрости" вместе с иконографическими канонами св.Софии-Мудрости и Софии-Премудрости Слова божиего использовали для прославления царевны буквально все искусенные панегиристы периода регентства, в том числе Карион Истомина и Карион Киевский.⁵⁸ Эта аналогия была очевидна: имя царевны по-гречески означало "мудрость". Однако известен лишь один автор, последовательно развивавший в своих сочинениях нестандартную систему сопоставлений, связанных с этим качеством, — это Сильвестр Медведев.

В отличие от других панегиристов, которые привлекали для создания своих сочинений готовые богословские каноны, Медведев уже летом 1682 г. разработал оригинальную систему аналогий, основанную на библейских прецедентах получения "богодуховенным" лицом преимущественного права на власть перед

земными правителями. Канон Софии-Премудрости был использован Сильвестром лишь как вспомогательное средство – переходный мостик от имени Софии к интересовавшим его ветхозаветным текстам, после чего он сразу же оставляет отождествление Софии с Софией и переходит к разработке темы "обители", которую бог творит в избранных своих, в данном случае – в царевне.⁵⁹

В похвальной рацее качества "разума" и "совета" толковались Медведевым как свидетельства посещения Софии Алексеевны богом, который "хранит ее от всякого зла", "пути управляет" и т.п. В "Созерцании" мы читаем о том, что бог царевне "даде чудный смысл и суждение", что она "благодатию духа святого упремудренная".⁶⁰ Эта мысль проходит через все творчество Медведева 80-х годов. "Сама ты богом самым умудрена, // Премудростью свыше предпочтенна", – пишет Сильвестр в стихотворном "Вручении привилегии на Академию", поднесенном Софье 24 января 1685 г. через посредство Ф.Л.Шакловитого.⁶¹ Этой мыслью открывается и похвальное стихотворение, помещенное на заказанном Шакловитым гравированном портрете царевны в 1689 г.: "Мудростию от бога свыше наполненна...".⁶²

Система аргументов использована в похвальной рацее 1682 г. для обоснования тезиса, что бог у царевны "совет совещает; не яко тии, иже по пророку: помысливше совети, их же не возмогоша составити..." (Ис 8, 10). Именно такой результат толкования темы "премудрости" мы видим в "Созерцании", где это положение наполнено реальным историческим содержанием. В "книге летописной" все действия царевны приносят успех, в то время как другие действующие лица в подавляющем большинстве случаев терпят поражение ("Замышляйте замыслы, но они рушатся, говорите слово, но оно не состоится" и т.п. – указывается по этому поводу в рацее – Ис 7, 7).

Важными, с точки зрения Медведева, качествами царевны Софии, которым он уделял большое внимание как в рацее, так и в других сочинениях, являлись "мужество" (или "крепость"), "милость", "девство" и "благочестие". Так же и в "Созерцании" значительная часть похвал царевне связана с этими

качествами.⁶³ Они входили в состав "седми даров духа свя-
таго" и использовались в сочинениях многих панегиристов,
но у Медведева выделены особо. Например, для описания кра-
сот Софьиной "милостини" в рацее были подобраны красочные
сравнения из текстов Златоуста, Вульгаты и Септуагинты,
вместе представляющие это качество в образе голубя. Каждая
деталь этого образа символизировала, по мысли автора, опре-
деленные надежды Русского государства, воплощенные в царев-
не.⁶⁴ Этот оригинальный образ использован в тексте "Созер-
цания" во всех деталях, с той лишь разницей, что здесь в
нем воплощается не одно из качеств царевны, а личность са-
мой Софьи, называемой "небесопаривой горлицей российской".⁶⁵

В числе признаков, позволяющих атрибутировать "Созерца-
ние краткое" Сильвестру Медведеву, можно назвать и особое,
основанное на собственной системе образов, к ней обращение:
"Благородная и благоверная, богом возлюбленная, премудрая и
милосердная в.г.ц. и в.кн. Софья Алексеевна",⁶⁶ и другие
черты панегирического творчества автора. Но главным являет-
ся, безусловно, общее идейное и (что более убедительно) об-
разное единство "Созерцания" и других его сочинений, посвя-
щенных Софье. Так, Медведев является единственным автором,
который последовательно стремился связать качества прави-
тельницы с реальной политической борьбой в России. Если в
похвальной рацее эта связь была выражена с помощью свое-
образного "эзопова языка" барочной аллегорической символи-
ки, а в последующих стихотворных сочинениях отмечена как
нечто общеизвестное, то в "Созерцании" каждый политический
успех царевны объяснен, помимо провиденциальной поддержки,
ее "мудростью", либо "мужеством", либо "милостью" и так да-
лее.

Говоря о закономерности политического возвышения царевны
Софьи, Медведев в "Созерцании кратком", так же как и в дру-
гих своих сочинениях, исходит не из абстрактной богослов-
ской схемы, а из имеющих конкретное политическое содержание
представлений о взаимоотношении верховной власти с поддан-
ными. В рацее 1682 г. и "Созерцании" она обозначена в виде
антитезы. Приведа во введении к "Созерцанию" примеры

гибельного для государства поведения правителей, Сильвестр далее развивает эту тему на примере правительства Языковых-Лихачевых-Апраксиных, пришедших к власти к началу 1682 г. Новые "ближние предстатели" царя Федора "вымышляли ими мнение разумно сами, а не многих людей советом и, презирая искусных, мудрых и в старости сущих людей, всякия новыя дела в государстве... покусишася вводить". "Но всуе труж-даются, - говорит о таких автор в раце, - ибо... никогда рачением пристрастий мирских не удоволяются..., мыще себе свет быти - тма суть".⁶⁷ По мнению Сильвестра, действия этих правителей послужили непосредственной причиной народного восстания.

Анализируя деятельность "неправого" правительства, Сильвестр выделил ряд губительных для государства предприятий.⁶⁸ Сюда относится положение, "егда честные люди и в государстве заслуженные от чинов великих и честных откинены, а мелкие люди бывають подвыщенные".⁶⁹ Крайне опасно также, "егда убо царский сигклитик между собою о селах и о достоинствах каких или о корыстях бранятся, - тогда за таковою их нелюбовию и междособием государство от смуты неволно есть". В-третьих, "не приносит доброго конца в государстве", когда начинают необдуманно и скоропалительно вводить иностранные обычаи в званиях, чинах, судах, одеждах и пище, либо пускать иноземцев "в совет государственных дел". Наконец, по мнению Медведева, государство не может существовать без справедливого суда: невозможно "имать мирствовать многое множество людей, на возмиев в судах правосудства; и естли того не будет, то от таковых правде устраняющихся дел, яко во иных прежде государствах велия изменения быша (автор намекает, видимо, на английскую революцию⁷⁰), тако и zde конечное некое изменение в государстве быти имать".

По мнению автора, в 1681-1682 гг. господь "отъял мудрых правителей и сострадателей человеком благих". В "Созерцании" говорится, что тяжелая болезнь помешала царю Федору, "который бы ради своего мудраго разсмотрительства и великого милосердия... народное бедство всячески бы возмогл успокоити".

Медведев противопоставляет два принципа управления. Один из них состоит в том, чтобы людей "страхом единым в покорении имети". Результатом его применения является невозможность для народа найти спасение от "налогов начальничских и неправедных судов", а это — первая причина восстания. "О, неразумных бедственного совета! — восклицает Сильвестр. — Яко неправедным народ паче хошут удержати страхом, нежели праведною любовию, забывше мудрых совет, иже глаголют: бойся того, иже тебя боится!"⁷¹

Автор "Созерцания" показывает, как политика запугивания, проводимая Иваном Языковым и другими, привела к всеобщему возмущению. Тогда служилые по прибору "во всех полках тайно начаша мыслити, како б того бедства избити". Когда в результате дворцового переворота на престол был посажен 10-летний Петр, стрельцы и солдаты сделали вывод, что если уж при царе Федоре, "иже име леты доволны и разум совершен и бе милосерд, .. Иоанн Языков и инии бояря и приказные люди" безнаказанно творили неисчислимы неправды и издевались над народом, то при Петре, "иже млад сын и Российскаго царствия на управление не доволен", нет надежды на восстановление справедливости. "Вемы, — говорили восставшие, — яко не лучшее нам бедным восхошут сотворити, но наипаче потщатся во всем на нас величайшее ярмо неволи возложити; зане не имея над собою доволнаго ради царских юных лет правителя и от их неправды воздержателя, яко волки имут нас, бедных овец, по своей воли во свое насыщение и утешение пожирати. И того ради, — заключает автор, — лучше избравше смерть, нежели бедственный живот, по своему общему совету, начало своего з боляры поступка положиша".⁷²

Альтернативой жесткому курсу, порождающему восстания, автор считает правление мудрое, справедливое и милосердное. Эта мысль, разрабатывавшаяся Медведевым в похвальной рапее 1682 г., проводится уже во введении к "Созерцанию", в рассказе о выборе царя Ровоама. Тот последовал совету глушцов, заявив подданным: "Понеле отец мой на вы ярем тяжек наложил, и аз приложу к ярму вашему; отец мой наказа вы ранами, и аз накажу вы расточением". И погиб. Мудрецы же советовали ему: "Аще в нынешний день будеши раб людям сим и поработаеши

им, и глаголеши им словеса блага, и будут ти раби по вся дни".⁷³

Царевна Софья, по описанию Сильвестра, почти буквально следует спасительному совету проявить милость и щедрость к подданным, "поработать" им, когда "оних служивых от бога дарованными мудрыми и благоуветливыми словеси уговаривающе на кийждо день" и, "видевше... их неукротителство, чтоб они усмирились, пожаловала государскою их милостию — всем служивым... по десяти рублей человеку". Затем царевна вновь уговаривает восставших "благоразумнем своим и мудрым приветом", "похваляет" их, обещая впредь "милость", вновь "обнадеживает" "государскою их милостию", "умиленно и с плачем" просит у восставших помощи. Она проявляет "милость" по отношению к пришедшим с повинной стрельцам и милостиво щедра к собравшимся против них по указу царей дворянам.⁷⁴

Рассказ о борьбе Софьи с восставшими Медведев резюмирует следующим образом: "София Алексеевна... во дни полезными и благопотребными в царском сигклите вещанми и к служивым милосердными привети и сладкоглаголивыми к ним увещанми... зело потрудися", проявив мудрость и милостивое красноречие. Этими мирными средствами она добилась победы, "видяще изменение десницы господни от междоусобного... волнения... в мирное, и любезное, и нераздорливое житие и благопокорное пребывание"(здесь и далее разрядка моя.— А.Б.).⁷⁵

Противопоставление политических курсов выражено, таким образом, достаточно ярко: правительство Языковых—Лихачевых—Апраксиных доводит дело до восстания, а правительство царевны Софьи это восстание не подавляет даже, но "утишает". Летом 1682 г. в похвальной рапее эта антитеза послужила Медведеву исходным пунктом для создания аллегорий, прославляющих царевну и более того — утверждающих ее право на верховную власть. В "Созерцании кратком" противопоставление "правой" и "неправой" (жесткой, несправедливой) власти развернуто в назидательно-историческое повествование, в котором роль Софьи как субъекта мудрого и милосердного правления обоснована не только богословскими средствами, но и историческим путем, на примере событий восстания 1682 г. в Москве.

Указанный характер рассуждений Сильвестра о принципах управления подданными подтверждается приводимыми в "книге летописной" оценками действий восставших. При плохом правлении возмущение подданных справедливо. Поэтому в первой части описания событий 1682 г., когда речь идет о правлении Языковых и их с ними, автор сочувственно говорит о "невинных стрельцах", "лутчих людях", "не возмогающих терпети" "от великого полковников своих тяжелоносия" и ожидающих "за праведное свое челобитье несправедного наказания". Восставшие — это "бедные овцы", "огнь ярости" и "гнев свирепства" которых "воспалились" исключительно по вине правителей. Более того, восставшие подвигнуты самим богом, желающим покарать несправедливых политиков. Поэтому даже при описании зверских расправ над боярами 15 мая Медведев зовет восставших одновременно и "звери неукротимыя", "злии мужи", — и "глупий люди, досаду являющие".⁷⁶

Но вот на политическую авансцену выходит Софья, представляющая, в глазах автора, противоположное направление внутренней политики, и оценка действий восставших кардинально меняется. Они подают челобитную, "глупости и неразумия полную". Восставшим "ради их в то время дерзости все позволено". "Видяще служивых дерзость во всем и смущение", поднимают голову раскольники. Восставший "простой народ" — это "люди злые", "невежи мятущиеся", научаемые дьяволом, "разсвирепевшие к смущению", которые "безумством своим" "государям зелную доуку творят". Любопытно, что в период активных действий Софьи, даже полковник, который, по сказанным ранее словам самого Сильвестра, стрельцам "обиды великия и наказания страшныя чинил, а иных жесточью своею нехристианскою до смерти помучил", вызывает сочувствие автора, а восставшие, по требованию которых он был казнен, обвиняются в жестокости!

Восставшие "гневом, крове желателным, возъярившеся", составили "злой совет", "злокозненные вымысли...злых человек", "злоумышление", "подыск", "все к болшей злобе". Дела их есть государственная измена, "воровство" "безумных товарищев", "злоба грешных", "велия ярость", "дерзновение и свирепство", неразумное дерзновение и злоба..., доука и досада....

наглость опасная", "гневная ярость и жестота", "ярость и безумство".⁷⁷

Очевидно, что не только желание прославить Софию толкнуло Медведева в сочинениях 80-х годов на размышления о взаимоотношениях верховной власти с народом. В противном случае он, как и другие панегиристы, ограничился бы лестными, но пустыми аналогиями из священного писания и древней истории. Размышления Сильвестра с лета 1682 г. вращались вокруг идеального правления, способного "удержати народ" от самостоятельных выступлений. Символом такого правления он избрал политическую деятельность Софии, в то время как другие авторы хвалили царевну, используя качества "мудрости", "правосудия" и прочее как риторические тропы, не придавая им предметного значения.

Мощное восстание в Москве, вызвавшее откляки во многих городах и уездах страны, само по себе было достаточной причиной размышлений Сильвестра. Но, думается, он сам уточняет эту причину в тексте "Созерцания". После того, как пало правительство, стоявшее у власти до 15 мая 1682 г., "тогда бо поистине бысть ослабление рук у всех людей, — пишет он, — мало бо не вси и приказные судилища опустеша безлюдством". Поведение восставших в этот момент глубоко потрясло законоспасского иеромонаха: они, по его словам, "тщяхуся безумчии и глупии государством управляти, не ведуще, яко, по словеси льбомудрых, буйх и в разуме непостоянных (людей) совет никогда же состоится". Именно в этот критический момент, буквально со следующей строки сочинения, в действие вступает царевна Софья Алексеевна.⁷⁸

Далее Медведев с особым ожесточением повторяет о намерении восставших перебить бояр и дворян и управиться в государстве без них. "Служивые, — утверждает он, — безумством своим хотели правительство стяжати, рассуждать же право не возмогли". О том, какое значение Медведев придает попыткам восставших подчинить себе государственный аппарат, свидетельствует его сообщение о размышлениях стрельцов и солдат, предшествовавших их решению заключить перемирие с правительством: "Видевше же она, что на

их руку не успевает ничто же, а в поход к государем в Троицкой монастырь из всех городов, со всех стран всяких чинов люди, конные и пешие, идут непрестанно, и собралось войско великое, и о их злобе начала быти во всем государстве молва великая, что странное дело (аще и поущение гнева от господа бысть за грехи человеческия, но всякое дело возимеет конец) невегласом — мужиком владети или началствовати людьми разумными и величайшим господам и самодержцам всего многонародного государства указывати или противу их царского величества стояти упорно".⁷⁹ Таким образом, Медведевым намечена особая возможность решения конфликта между властью и подданными — победа "невегласов мужиков" — которая делает в его глазах особенно актуальной "разумную" политику, способную сохранить существующий государственный и социальный строй.

Разобравшись в основных взглядах автора "Созерцания", мы можем уяснить себе смысл задачи, которую он поставил перед собой во введении. "Аз, — пишет Сильвестр, — видех во дни моя при мне бывшая дела во гражданстве человекоев, их же впредь ради ведения не токмо себе, но и иным вссхотех писанием оставити вежество. Ибо мнози о тех делех глаголют и соперство между себе творят, обаче инии отнюдь истинствовати (в малом времени отсутствующе) не могут, понеже не писано".⁸⁰ Другими словами, автора заботит урок, который следует извлечь из событий 1682 г.

Действительно, Медведеву удалось создать весьма содержательное историческое произведение. Оно фактически подтверждает выводы, сделанные Сильвестром, и, вероятно, другими представителями господствующих слоев (а отсутствовали в Москве в 1682 г. именно они), о необходимости навести оптимальный порядок в управлении и судопроизводстве, чтобы избежать нового взрыва народного гнева. Недаром ведь сторонник Петра I и противник Софьи кн. Б.И. Куракин писал, что "правление царевны Софьи началось со всякою прилежностью и правосудием и ко удовольствию народному...".⁸¹ Следует обратить внимание и на мнение служилых людей по прибору,

которые в 1698 г. пришли к мысли о необходимости возвращения к правлению царицы Софии и кн. В.В.Голицына или, по крайней мере, к устройству управления того же типа, что и в 1682-1689 гг.⁸²

Очевидно, эти взгляды разделялись Ф.Л.Шакловитим, который проводил соответствующую политику в Стрелецком приказе.⁸³ Но для фаворита царицы "Созерцание" представляло интерес в первую очередь потому, что в нем весомее, чем в других сочинениях, утверждались права Софии на царский престол. Такое обоснование соответствовало разработанному Шакловитим плану подготовки к коронации царицы, о котором был хорошо осведомлен Сильвестр Медведев. Поскольку в своих речах на допросах он связал между собой факты создания коронационных гравированных портретов Софии и обсуждения "книги летописной", мы вправе заключить, что это сочинение рассматривалось Медведевым и Шакловитим как одно из мероприятий по подготовке общественного мнения к венчанию царицы царским венцом. Сближение в расспросных речах Сильвестра гравюр и "Созерцания" указывает также и на приблизительную дату написания сочинения — не ранее осени 1687 г., когда у Шакловитого созрел план коронации и появился замысел гравюр. Сами же гравюры были отпечатаны весной и летом 1689 г., и именно тогда происходили разговоры о них между Шакловитим и Сильвестром.⁸⁴ Вряд ли мы ошибемся, отнеся создание "книги летописной" к концу 1687 — первой половине 1689 г.

Суммируя сказанное, отметим, во-первых, что изучение документальных источников "Созерцания" позволило подтвердить факт сотрудничества автора "книги летописной" с думным дворянином Ф.Л.Шакловитим, отмеченный в показаниях Сильвестра Медведева осенью 1689 г. Далее удалось установить, что близкие аналогии политической позиции автора "Созерцания" и образному строю сочинения имеются в работах лишь одного из известных нам литераторов 80-90-х годов ХУП в., — того же Сильвестра. Это позволяет с большой долей уверенности атрибутировать "Созерцание" Медведеву.

Исследование характера освещенных событий в "Созерцании" показало, что работа Медведева имела целью обоснование его

политических взглядов, сформировавшихся под влиянием событий Московского восстания 1682 г. Суть позиции Сильвестра состоит в критике жесткого курса внутренней политики и доказательстве необходимости мер, направленных на улучшение взаимоотношений верховной власти с подданными, которое позволило бы "простой народ" "в покорении имети", избежав нового взрыва народного возмущения. Одновременно "Созерцание" является и публицистическим сочинением, решая задачу прославления царевны Софьи Алексеевны и обосновывая ее право на русский престол. Создание "книги летописной" было одним из мероприятий по подготовке общественного мнения к коронации царевны, предпринятых ее сторонниками во главе с Шакловитым с осени 1687 по лето 1689 гг.⁸⁵

1 ЦГАДА, ф.179, № 205, л.1.

2 По четырем спискам "Созерцание" издано А.А.Прозоровским. См.: Сильвестра Медведева "Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве." - ЧОИДР, 1894, кн.4, с.1-197. Опущен список ГИМ, Увар.257, как "совершенно сходный" с Академическим БАН, Гб.3.39). Еще один список (сокращенной редакции) см.: ГПБ, ОЛДП, Ф.476, лл.314-434.

3 Богданов А.П. К истории текста "Созерцания краткого". - В сб.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983, с.127-161.

4 Жарков И.А. "Новый летописец" по списку М.А.Оболенского. - В сб.: Летописи и хроники, 1973, М., 1974, с.294-295; Назаров В.Д. "Новый летописец как источник по истории царствования Лжедмитрия I. - Там же, с.306-307.

5 Более подробный обзор см.: Шмурло Е.Ф. О записках Сильвестра Медведева. - ИМНП, 1889, № 4, с.360-361; Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева "Созерцание краткое...", с.1-XXXIII и др.

6 Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Изд. Археографической комиссии. Т.1, СПб., 1884, стлб.617, 630, 637, 677.

7 Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.1, СПб., 1858, Введение, с.1 П.

8 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн.УП, с.657 (прим.201), 360-362 (прим.233, 236, 248, 249, 253, 254, 256, 257, 261).

- 9 Аристов Н.Я. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871, с.2-4 и др.; Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875, с.26; Шмуrho Е.Ф. О записках Сильвестра Медведева, с.360-361.
- 10 Брайловский С.Н.: 1) Кого надо считать автором сочинения "Созерцание краткое"? - "Русский филологический вестник", 1890, т.ХХШ, с.103-111; 2) Один из "пестрых" ХУП столетия. СПб., 1902, с.318-323.
- 11 "Созерцание", с.ХУI-ХIХ. Впоследствии и сам С.Н.Брайловский согласился, что во время работы над своей монографией (Один из "пестрых" ХУП столетия) он поспешил, приписывая К.Истомину работы других "Карионов", см.: К вопросу о литературной деятельности русских писателей ХУП столетия, носивших имя "Карион". - "Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук", 1909, кн.2.
- 12 "Созерцание", с.ХУI-ХУП.
- 13 В противном случае в документах отразились бы не только атрибуирующие признаки "Кариона", но и материалы его дознания, как, например, в деле с политическими травмами.
- 14 "Созерцание", с.ХIХ, ХХУШ-ХХIХ.
- 15 См.: Брайловский С.Н.: 1) Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования Александра Прозоровского. Рецензия. - "Журнал министерства народного просвещения", 1897, № 10; 2) Темные места в биографии Сильвестра Медведева. СПб., 1901, и др.
- 16 Во время полемики свое мнение высказал и И.П.Козловский. Он предположил, что автором "Созерцания" был неизвестный монах, получивший летописные материалы и акты от Медведева и Истомина, а затем передавший текст для редактирования Медведеву. Однако это мнение не было аргументировано и не вызвало интереса у других исследователей. См.: Козловский И.П. Сильвестр Медведев. Из истории русского просвещения и общественной мысли в конце ХУП в. Киев, 1895, с.91-97.
- 17 Волков М.Я. "Созерцание краткое" как источник по истории общественно-политической мысли. - В сб.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с.203.
- 18 Там же, ср.с.206-207 и 204,205 и 207.
- 19 Розыскные дела, т.1, стлб.541, 595-598,617,637,678-679.
- 20 Волков М.Я. "Созерцание краткое", с.203.
- 21 В скобках после названия документа дается ссылка на страницы "Созерцания" по публикации А.А.Прозоровского и номер в новейшей публикации документов: "Восстание в Москве 1682 г. Сб. документов". М., 1976 (далее - "Восстание").
- 22 "Восстание", с.79-99.

- 23 Василием Семеновым, Иваном Гороховым, Федором Шакловичем, Емельяном Украинцевым, которые в 1682 г., по-видимому, исполнили обязанности дьяков походного Разряда. О них см.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975, с.469, 127, 571, 531.
- 24 "Восстание", с.46.
- 25 См., например, список полковников, наказанных по челобитью восставших от 30 апреля 1682 г., и др. ("Восстание", с.12-13; "Созерцание", с.48-49, и др.).
- 26 "Созерцание", с.18-20, 20-23. Подробнее см.: Л.В.Черепнин. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. М., 1979, с.346-355.
- 27 "Созерцание", с.33-37.
- 28 Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.-Л., 1946, с.148-149, 168-169.
- 29 Ср. Розыскные дела, т.1, стлб.596-597, 637, 660, 677, 697.
- 30 "Созерцание", с.65-67.
- 31 См.: "История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева...", изд.Н.Новиковым. СПб., 1776; 2-е изд., М., 1885; Крекшин Н.П. Краткое описание блаженных дел...Петра Великого...-В кн.: И.П.Сахаров. Записки русских людей. СПб., 1841; А.А.Матвеев. Записки... - Там же; Куракин Б.И. История о царе Петре Алексеевиче. - Архив кн.Ф.А.Куракина, кн.1, СПб., 1890; Летописный свод Поликарпова (?) - ЦГАДА, ф.181, № 849; Летописец Скорнякова-Писарева (?) - Там же, № 358; и мн. др.
- 32 "Созерцание", с.67.
- 33 См.: Лермонтова Е.Д. (публикатор). Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам (из переписки, возбужденной графом Паниным), - "Русская старина", 1912, февраль, с.425-445, 539-554 (отд.оттиск - М., 1912).
- 34 О книге см.: Буганов В.И. К истории московского восстания 1682 г. - В сб.: Славяне и Русь. М., 1968, с.261-265.
- 35 ЦГАДА, ф.210, Приказный стол, стлб.609, л.22; опубл.: "Восстание", с.85.
- 36 "Восстание", с.99, 130-133 и др.
- 37 Там же, с.218-225, 254-267.
- 38 Там же, с.66-68 и др.
- 39 Там же, с.259, 256.
- 40 Крестоцеловальные грамоты, разсылавшиеся в города в конце мая - начале 1682 г., указаны В.И.Бугановым (Московские восстания конца XVII века. М., 1969, с.194).
- 41 ГИИВ ГСЭСР, Колл. Хмирова, С-68, лл.2-7; ср. лл.2-2 об., 3-4 об.
- 42 Соловьев С.М. История России, кн.У, М., 1962, с.342; "Восстание", с.110-111.

- 43 Богданов А.П. Литературные панегирики как источник изучения соотношения сил в правительстве России периода регентства Софьи (1682-1689 гг.). - В сб.: Материалы ВИСК "Студент и научно-технический прогресс", апрель 1979 г. История. Новосибирск, 1979, с.71-73.
- 44 Богданов А.П. 1) Неизвестное сочинение Сильвестра Медведова: похвальная рация царевне Софье. - Там же, Филология, с.80-90; 2) Сильвестра Медведова панегирик царевне Софье 1682 г. - Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982. Л., 1984, с.45-52 (публикация текста). Далее - "Рация".
- 45 "Созерцание", с.65-67.
- 46 ЦГАДА, ф.156, оп.1, № 89. 22 января 1770 г. с него была снята копия, см.: там же, № 87 (указание на протограф на л.5). Опубл. СГНД, т.4, № 147; ПСЗ-1, т.П, № 920. Предшествующие "соборные акты" см.: 1) ЦГАДА, ф.210, стлб.65, ч.П, лл.1-8; копия: БАН, 32.4.3, лл.12-15 об.; опубл.: ЧОИДР, 1907, кн.4, ч.4, с.49-54; "Восстание", с.254-257; 2) ЦГАДА, ф.210, Безгласный стол, стлб.65, ч.2; опубл. "Восстание", с.257-260. См. также многочисленные объявительные грамоты о воцарении Петра, а затем Петра и Ивана.
- 47 ЦГАДА, ф.79, св.1682 г., № 4,5; там же, кн.205, лл.2-3 об.; ф.74, св.1682 г., № 1, 34; ф.50, св.1682 г., № 1; "Восстание", № 204.
- 48 Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича. - В сб.: Летописи и хроники. 1980, М., 1981, с.197-206.
- 49 "Созерцание", с.65.
- 50 Там же, с.3-16.
- 51 Там же, с.19.
- 52 Там же, с.20-33; ср.: Черепнин Л.В. Земские соборы, с.346-355.
- 53 См.: Буганов В.И. "Канцлер" предпетровской поры. - "Вопросы истории", 1971, № 10.
- 54 "Созерцание", с.58.
- 55 Там же, с.81.
- 56 Там же, с.83.
- 57 Там же, с.59, 65, 66, 79, 82, 83 и др.
- 58 Богданов А.П. 1) Литературные панегирики, с.70-75; 2) Неизвестное сочинение, с.81-86; 3) Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в. (Литературные панегирики). М., 1983, № 1, 2, 9, 14, 32.
- 59 "Рация", с.48-52.
- 60 Ср. "Созерцание", с.58, 79 и др.
- 61 Замисловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч.1, СПб., 1871, с.5. А.А.Прозоровский датирует поднесение

- 21 января того же года, см.: Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования Александра Прозоровского. М., 1896, с.383-388. Приведенная мысль повторяется в тексте неоднократно (см.: "Толик мудрость, вже небо родит, // Земную светом правды превосходит", и др.).
- 62 Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XV-XIX вв. Т.2, СПб., 1895, ст.987.
- 63 Там же, ст.987; "Рацея", с.48-52; "Созерцание", с.82, 83, 86 и др.
- 64 "Рацея", с.50-51.
- 65 "Созерцание", с.126, ср.с.86 и др.
- 66 Там же, с.37 и далее.
- 67 "Рацея", с.49-50.
- 68 "Созерцание", с.38-40.
- 69 Необходимо учесть, что эта тирада направлена против сравнительно неродовитых Языковых, Лихачевых, Апраксиных, вовсе неродовитых Нарышкиных и др. Автор подчеркивает ее конкретно-политический характер, делая тут же отсылку на Аристотеля, советовавшего "чтобы начальство и власти правление людям мелким отдавати", чтобы они в начальстве "гордыми не были бы и спесивыми".
- 70 "Созерцание", с.37-40.
- 71 Там же, с.40-42.
- 72 Там же, с.40-42, 47.
- 73 Там же, с.14-15.
- 74 Там же, с.59-60, 64, 79, 89, 126, 129, 159.
- 75 Там же, с.159.
- 76 Там же, с.41-42, 47, 51, 57, 55.
- 77 Там же, с.67, 76, 92-93, 115, 95-96, 99, 105, 112, 106, 113-117 и др.
- 78 Там же, с.58.
- 79 Там же, с.119.
- 80 Там же, с.16.
- 81 Куракин Б.И. История, с.64.
- 82 Буганов В.И. Московские восстания, с.369-373.
- 83 Там же, с.347-359.
- 84 Богданов А.П. 1) Гравюра как источник по истории политической борьбы в России в период регентства Софьи Алексеевны (вопросы происхождения). - В сб. Материалы XV ВИСК "Студент и научно-технический прогресс". История. Новосибирск, 1977, с.43-44; 2) Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны. - В сб.: Источниковедение отечественной истории. 1981, М., 1982, с.239, 242-245.
- 86 Статья написана в 1980 г. Печатается с сокращениями и указанием новых публикаций.

А. Н. Медушевский

НАКАЗЫ В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ 1767–1769 ГГ. КАК
ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЭПОХИ

Одной из актуальных задач исторической науки является направленный поиск и анализ источников, главным образом массового материала, отражающего социальную и политическую деятельность классов, их отношения между собой и с государством. Государство, будучи классовой силой (и отражая интересы дворян), предстает при этом как аппарат управления, имеющий определенную самостоятельность по отношению ко всем классам – сословиям общества, причем в ряде случаев выступает регулирующей силой в межклассовых и внутриклассовых отношениях. Однако, состояние источниковой базы не всегда позволяет установить природу социальных взаимодействий и противоречий непосредственно в их реальном выражении. Наказы в Уложенную комиссию 1767–1769 гг. как вид источников имеют то несомненное преимущество, что отражают систему классово-сословных противоречий на данный определенный момент времени и в то же время способ организации концензуса.

В историографии по истории России изучаемого периода данный вид источников рассматривается главным образом при изучении государственных учреждений и политических институтов, правовых отношений, истории отдельных классов, сословий и социальных групп, а также в связи с разработкой ряда специальных исторических проблем и регионов.¹ В данной работе принят другой подход: системный анализ совокупности наказов как исторического источника о социальных противоречиях эпохи. Источниковую базу составляет комплекс наказов в Уложенную комиссию 1767–1769 гг. всех классов, сословий и социальных групп по стране в целом.² Рассмотренная совокупность источников представительна для решения поставленной проблемы.

Уложенная комиссия представляла собой временный коллегиальный орган, созданный для кодификации законов, вступивших в силу после Соборного уложения 1649 г., и была задумана как собрание всероссийских сословных представителей (депутатов). Право составления наказов в комиссию было предоставлено

центральному учреждениям, сословиям (дворянству, городским и сельским жителям, однодворцам, черносошным крестьянам и др.), в результате чего возник крупный комплекс однотипных документов (более 1500). Социальная сущность государства отразилась прежде всего в исключении владельческих крестьян из числа сословий, представленных в комиссии, а также в ограничении имущественного ценза городских жителей при выборе депутатов. Наказы депутатам явились документами коллективного авторства, которые подписывались наиболее авторитетными представителями данной социальной группы. Издавая указ 1767 г., правительство предлагало типологический формуляр — вопросник, на который надлежало дать ответ в наказах. Сущность этого вопросника может быть выражена следующим образом: каковы нужды населения (сословия или социальной группы) данного региона (уезд, город или село), возможные предложения по их удовлетворению и обоснования этих предложений. Эту общую установку можно рассматривать как программу исследования, проводимого с целью выявить нужды и предложения для их учета при кодификации законодательства и составлении нового уложения, а фактически для выработки правительственной политики. Практическое назначение источников делает их первоклассным материалом для решения соответствующих исследовательских задач: выявить наличие реальных нужд различных социальных слоев и стоящих за ними общественных противоречий.

Перед нами, таким образом, совокупность однотипных массовых источников, объединенных единством структуры и целевого назначения, что позволяет рассматривать их как своего рода социологическое исследование. Это условное допущение позволяет рассматривать данную совокупность источников, применяя к ним методы социологического исследования: разработка вопросника, составленного в интересах исследования и оформленного соответствующим образом, максимально широкий охват населения по самым разнообразным спорным вопросам, анкетная форма изложения требований. Рассматривая наказы таким образом, проведем условное разделение информации документов по трем основным признакам: констатация реального

положения вещей по какому-либо вопросу, предложение по изменению этого положения и мотивировка этого предложения. Каждый пункт наказа рассматривается по этим трем признакам, что позволяет дать качественную характеристику содержащейся в нем информации. Эта триада признаков позволяет представить информацию источников в динамике: констатация - предложение - обоснование (мотивировка) с сохранением характеризующих его качественных признаков. Следует учитывать описательную форму изложения материала, при которой неизбежно возникает различие формулировок одних и тех же положений, а также субъективизм в оценочных суждениях. Однако, было бы неправомерно абсолютизировать эти различия и отрицать на этом основании единообразие и сопоставимость данного вида источников.

Для раскрытия богатства фактического содержания источника применена группировка материала в специально разработанной табличной схеме. Она состоит из четырех основных частей, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие подразделения. Первая часть таблицы содержит характеристику наказа как исторического источника - она подразделяется на семь рубрик: 1 - выходные данные публикации (или архивный шифр) и объем наказа; 2 - губерния; 3 - уезд или город; 4 - класс или сословие; 5 - имя и социальное положение депутата; 6 - дата подписания наказа; 7 - форма наказа (стандартная или нет). Три основные части таблицы имеют целью раскрытие информации источника: они соответствуют трем основным признакам характера содержания каждого пункта наказа (констатация реального положения, предложение, мотивировка).

Наиболее содержательным является раздел табличной схемы, характеризующий констатацию реального положения. Он подразделяется на рубрики, отражающие материальное производство (8 - крепостные; 9 - земля; 10 - природные богатства; 11 - промышленные предприятия; 12 - обмен (торговля); 13 - транспорт и связь; 14 - прочее;), далее - социальные отношения, которые, в свою очередь, подразделяются на внутриклассовые и внутрисословные отношения (15 - дворянство; 16 - купечество; 17 - крестьянство (крепостные, государственные, приписные, работные); 18 - однодворцы; 19 - разно-

чинцы; 20 - чиновничество; 21 - солдаты; 22 - духовенство; 23 - отдельные национальности; 24 - прочие социальные группы, а также 25 - характер внутрисословных отношений (конфликт, сотрудничество, сосуществование), межклассовые и межсословные отношения (26 - дворянство и купечество; 27 - дворянство и крестьянство; 28 - купечество и крестьянство; 29 - дворянство и разночинцы; 30 - купечество и разночинцы; 31 - крестьянство и разночинцы, а также 32 - характер противоречий между классами и сословиями (земля, крестьяне, промышленные предприятия, торговля (рыночные отношения), доходы (рента), отношение классов и сословий с государством. (33 - дворянство и государство; 34 - купечество и государство; 35 - крестьянство и государство; 36 - разночинцы и государство; а также 37 - характер противоречий классов и государства (казенные повинности и налоги, совершенствование государственного управления, использование карательного аппарата), 38 - право (законодательный акт, прецедент или обычай, отношение к закону - за и против).

Другой признак анализа содержания наказа представлен в разделе "предложения", который подразделен на рубрики по видам предложений: 39 - экономические; 40 - социальные; 41 - государственно-правовые, а также 42 - характер предложений (сохранение существующих порядков, их изменение, их совершенствование).

Третий признак анализа содержания наказа - мотивировка предложений - представлен в заключительной части таблицы и подразделяется на три рубрики (43 - экономические; 44 - социальные; 45 - государственно-правовые).

Анализ совокупности наказов по этим параметрам позволяет охватить совокупность изучаемых фактов, раскрыть взаимосвязь между ними, установить частоту повторения определенных устойчивых социальных ситуаций, что, в свою очередь, дает основание судить об их закономерном характере. Определим конкретное содержание важнейших рубрик. В разделе таблицы, посвященном материальному производству, сконцентрирован материал о производительных силах изучаемого общества. При характеристике средств производства обращено внимание

на те предметы труда и средства труда, которые, с одной стороны, составляют совокупность производительных сил общества, а с другой — стали объектом споров между различными классами и социальными слоями общества. Следовательно, объектом наблюдения и обобщения стали те аспекты материального производства, которые характеризуют конфликты способа производства. Важно здесь отметить прежде всего те упоминания наказов, которые выражают отношения собственности феодальной формации — собственность на землю и обрабатывающих ее крепостных, а также борьбу различных классов общества за землю, крестьян и феодальную ренту. Сходное значение имеют рубрики, посвященные свидетельствам наказов о природных богатствах, промышленных предприятиях, рыночных отношениях и торговле, развитии транспорта и связи. Специфика этих рубрик состоит в том, что они, характеризуя традиционно сложившийся и функционирующий механизм феодального способа производства, вместе с тем позволяют выделить факторы, выступающие аномалией, противоречием по отношению к нему. Таким образом, все указанные рубрики, отражающие различные аспекты материального производства, позволяют учесть не столько количество упоминаний о них в наказах, сколько наличие фактов общественных противоречий, с ними связанных. Частота упоминаний подобных фактов в источнике свидетельствует, следовательно, о направлениях социальной борьбы.

Характер общественных противоречий становится объектом обследования в разделе таблицы, посвященном свидетельствам о реально существующих общественных отношениях. Общественные отношения внутриклассового и внутрисословного характера подразделяются на отношения конфликта, сотрудничества и сосуществования, что позволяет отразить степень остроты внутриклассовых и внутрисословных противоречий. Межклассовые и межсословные отношения характеризуются прежде всего основными противоречиями феодального способа производства и, прежде всего, собственности на основные средства производства (земля, крестьяне и рента), а также на средства производства, характерные для генезиса капитализма (промышленные предприятия — мануфактурн, заводы и пр.) и рыночных отношений.

Отношения классов и сословий с государством выявляются через противоречия и отношения, свойственные этой сфере жизни: казенные повинности и налоги, совершенствование государственного управления, использование карательного аппарата абсолютизма в классовых целях. Наряду с этим, здесь выделена также самостоятельная важная рубрика, отражающая все упоминания в наказах о документах правового характера, что позволяет суммировать законодательный материал, бывший в ходу и практике управления у различных классов изучаемого времени, выделить важнейшие законодательные акты, которыми чаще всего мотивировалось то или иное предложение, а также установить отношение к ним.

Предложения по изменению существующего положения вещей, представленные в соответствующей части таблицы, подразделенные на экономические, социальные и государственно-правовые, дают возможность представить три основных сферы жизни феодального общества и показать направление желательных изменений каждой из них. Кроме того, появляется возможность (в самостоятельных рубриках) установить качественный характер предложений: сохранение существующих порядков, их изменение или совершенствование. Следует подчеркнуть принципиальный характер этого этапа анализа источников, поскольку он подразделяет все предложения различных классов на консервативные, направленные на сохранение существующих порядков и их антитезу или компромисс.

Мотивировочная часть предложений наказов представлена в общих чертах. Она дает возможность судить скорее о социальной психологии и идеологии классов-сословий, общем характере их социального мировоззрения. Эта сторона информации мотивировочной части конкретизируется в предложенной группировке данных делением на экономические, социальные и правовые мотивировки. Они в какой-то мере дополняются данными раздела о праве и отношении к нему.

Таким образом, можно проследить постепенное раскрытие информации источника по трем этапам (констатация существующей системы социальных отношений, борьба за их изменение и политические аргументы, к которым прибегают спорящие стороны).

Следует отметить, что объем информации и ее ценность не равноценны по этим этапам, но в целом он хорошо отражает социальные противоречия позднего феодального общества.

Основная линия межклассовых противоречий прослеживается в дворянских наказах. Дворянство предстает наиболее консервативным классом общества, более всех других заинтересованным в сохранении существующих порядков. В центре внимания дворянских наказов находится вопрос о земле и крепостных крестьянах в качестве феодальной собственности господствующего класса, являющейся гарантией стабильности и желательного увеличения феодальной ренты. Противоречия по этому основному вопросу определяли отношения дворянства с другими классами, на внутриклассовом уровне и с государством. Вопрос о собственности дворянства на природные богатства (леса, руды и т.п.), фабрики и мануфактуры (в том числе винокуренные предприятия), а также его контроль над рыночными отношениями и обеспечивавшими их коммуникациями (водные пути, дороги и пр.) занимает подчиненное отношение к главной линии классовых противоречий. Вместе с тем, эта группа противоречий указывает на специфические отношения дворянства к ряду других классов и социальных групп, а также к государству. Анализ дворянских наказов свидетельствует о наличии двух основных типов противоречий — феодальных (с крепостным и прочим крестьянством) и — нового типа (с купечеством и рядом других социальных категорий).

Группировка сведений наказов о конфликтах в области материального производства и упоминающихся при этом средствах производства (земля, природные богатства, промышленные предприятия), а также характере рыночных отношений и коммуникаций дает возможность проследить основные направления межклассовых и внутриклассовых противоречий и связь этих противоречий с определенными отраслями материального производства и обмена, отметить появление новых явлений в аграрных отношениях, промышленном производстве и в сфере торговли и рыночных отношений.

Внутриклассовые отношения дворянства сводятся, главным образом, к противоречиям между различными социальными

слоями в нем: констатируя, что "сильные" помещики обижают "слабых"⁴, дворянство апеллирует к государству и праву об улучшении феодальной законности. Конфликт Дубровского и Троекурова предстает из дворянских наказов как типичный для изучаемой эпохи. Источники свидетельствуют о фактах захвата помещиками земель соседей, судебного произвола в земельных спорах.

Положение господствующего класса в межклассовых отношениях определяет основные направления общественных противоречий. Конфликт между дворянством и крестьянством, прежде всего крепостным, становится предметом пристального внимания дворянских наказов. Существо этого важнейшего противоречия феодальной эпохи четко выражено в источниках: по словам дворянства Новгородской губернии, крестьяне порицают "во-первых, неволю, потом подушный платеж, також от рекрутских наборов разлуку с семьями их, мостовые и прочие казенные без заплаты работы, а сверх того клеветуют и на господские тягли..."⁵. Очевидна иерархия противоречий дворянства и крепостного крестьянства, охватывавшая по существу все стороны социальной действительности: Косвенным свидетельством этого являются частые в наказах сообщения о различных формах крестьянского протеста — открытые вооруженные выступления, бегство, особенно в пограничных губерниях, разнообразные формы уклонения от выполнения казенных и владельческих повинностей. Объектом противоречий между антагонистическими классами становятся прежде всего степень феодальной эксплуатации — размеры феодальной ренты (барщина и оброк). Для усиления контроля господствующего класса над крестьянством в качестве основной меры предлагается совершенствование административно-полицейского аппарата на местах, соответствующие изменения в законодательстве.

Для отношений и противоречий дворянства с другими категориями крестьянства и однодворцев в целом характерны те же основные линии конфликтов, которые были выявлены при изучении отношений дворянства и крепостного крестьянства. В основе конфликта лежит вопрос о земле: дворянство выступает как агрессивная сила, стремящаяся вытеснить из сферы аграрного производства все другие заинтересованные классы.

Противоречия дворянства и купечества отражают стремление дворянства противодействовать попыткам купечества получить новые (подчас чисто феодальные) источники благосостояния, статус и престиж в обществе. Основными объектами конфликтов между двумя классами становились стремления буржуазии интегрироваться в феодальный строй (покупка феодальных привилегий для использования их в выгодах торгово-предпринимательской деятельности). Обращают на себя внимание конфликты, связанные со стремлением купечества приобретать земли и крестьян к промышленным предприятиям и для организации торговли. Дворянство апеллировало к государству с целью добиться законодательного запрещения или ограничения подобных тенденций. В сфере производственной деятельности в центре оказывался вопрос о винокурении, которое было привилегией дворянства отдельных областей: дворянство отвергало претензии купечества на винокурение. Наряду с этим отвергались другие виды промысловой деятельности купечества и горожан, наносящие экономический ущерб дворянской экономике (рубка леса, рыбная ловля и др.).⁶ В области торговли дворянство требует ограничения или полного запрещения "неуказной торговли" разночинцев и горожан. Все эти межклассовые противоречия находят свое выражение в предложениях дворянства государству об ограничении и правовом регулировании невыгодных дворянству действий других классов.

Только дворянство — господствующий класс — требует использования государством своего карательного аппарата для преодоления межклассовых конфликтов (высылка войск). Совершенствование государственного управления понимается дворянством как его приспособление к своим классовым целям. Вместе с тем, господствующий класс не упускает случая изменить в свою пользу соотношение казенных повинностей разных классов, взимаемых на общегосударственные нужды (почтовая повинность, строительство дорог и мостов, содержание медицинского персонала и пр.). Отношения господствующего класса и государства характеризовались наличием определенных неантагонистических противоречий, связанных с выполнением казенных повинностей (среди них на первом месте — воинские

постои), выполнением государственным аппаратом его административных функций (судопроизводство и межевание земель), осуществлением функций регулирования внутриклассовых отношений (предоставление привилегий дворянству определенных регионов или социальных слоев).

Предложения дворянских наказов главным образом направлены на сохранение, а не изменение социальных порядков, даже возврат к устаревшим и уже отмененным порядкам (например, в регулировании рыночных отношений). В мотивировочной части преобладают ссылки на "общее благо" и фразеология просвещенного абсолютизма. Отличительной чертой дворянских наказов является стремление господствующего класса выступать от имени всего общества и представлять его интересы.

Результаты проведенного обследования купеческих наказов позволяют представить следующую последовательность основных средств производства по количеству упоминаний о них в спорных ситуациях. В городских наказах речь идет об отмежевании земли под пастбища для города. Купечество интересуется возможностью покупки земли и крепостных крестьян для заведения собственного хозяйства, промышленных предприятий и торговли. Наконец, земля и крестьяне становятся объектом споров между купечеством и другими классами, а также между купечеством и государством. Наряду с землей и крестьянами, наказания отразили другие средства производства, ставшие объектом конфликтов, но характеризующие уже несколько другую сферу материального производства. Это промышленные предприятия, природные богатства, рыночные отношения и торговля, а также транспорт и пути сообщения. Это свидетельствует о наличии еще не всегда осознанных, но уже нашедших выражение в наказах противоречий нового типа: спорах внутри купечества, между купечеством и другими классами, а также предложения купечества государству, показывающие, с одной стороны, его заинтересованность в развитии производительных сил в направлении буржуазных отношений, а с другой стороны — стремление приспособиться к существующим феодальным порядкам. Характерно стремление купечества к приобретению земли и крестьян (противоречие с дворянством) и в то же время — к обеспечению условий для развития

промышленности, торговли, отмены всевозможных внутренних пошлин, организации единого налогообложения, решению транспортно-спортивной проблемы и связанных со всем этим административных вопросов. И в том, и в другом случае купечество выступает как класс феодального общества, исходит из его социально-экономических отношений и правовых порядков. Будучи классом феодального общества, купечество вступает в противоречия с другими классами, используя при этом традиционные общепринятые в данном обществе формы борьбы. Среди них на первом месте — апелляция к государству. Но, будучи формально традиционными и общепризнанными, эти формы борьбы выражают специфику купеческих требований, часто отражая не только стремление приспособиться к существующим условиям, но и изменить их.

Анализ сферы материального производства дает, таким образом, возможность наметить основные узлы противоречий, характеризующих сферу социальных отношений. Рассматривая купеческие наказы с этой точки зрения, следует отметить их известную ограниченность. Вообще, в наказах, исходящих от одного класса, выражается прежде всего сам этот класс, а также те классы и социальные группы, с которыми он вступает в непосредственные отношения и противоречия. Рассмотрим, каким образом городские или купеческие наказы освещают систему социальных отношений или, иначе говоря, как они раскрывают внутриклассовые и межклассовые отношения и отношения с государством. Очевидно, что наказы одного класса — купечества, а также горожан и разночинцев (мещанство) дают избирательную характеристику этих отношений. Купечество, а точнее все "гражданство", выступают в этих наказах как субъект права, а все другие классы и социальные группы рассматриваются как его объект, причем качественная характеристика этих отношений выражается в понятии конфликта, а не сотрудничества или сосуществования. Суть противоречия внутри купечества и разночинцев состоит в спорах между различными их слоями и группами по вопросам земельной собственности (как правило, между городской земельной собственностью и собственностью отдельных лиц), торговли (равные возможности или предоставление привилегий отдельным группам), а также отношение к казенным

повинностям (разделение общих казенных повинностей между различными слоями горожан). Сопоставляя эти виды конфликтов между собой, можно подразделить их на внутриклассовые и внутрисословные. Так, например, борьбу за землю и природные ресурсы между городом и отдельными представителями купечества можно понять как внутрисословное противоречие. Что же касается противоречий по вопросам торговли, то их можно определить, скорее, как внутриклассовые: они касаются нескольких сословий в рамках одного класса и выражаются прежде всего в противоречиях между купечеством и разнообразными социальными категориями, сословиями (разночинцы, государственные крестьяне, церковнослужители, солдаты, подьячие и пр.) по вопросам привилегий в торговле. Почти во всех купеческих наказах имеются предложения о запрещении другим сословиям торговать наравне с купечеством и заниматься ремеслами без записи в цеха, подчинения магистрату и ратуше и платежа соответствующих податей и несения повинностей.⁷ По этому вопросу купечество всегда апеллирует к государству, требуя государственно-правового вмешательства и ссылаясь на разнообразные правовые документы.

В наказах нашли отражение, с одной стороны, общность интересов всего класса купечества, а с другой — свойственные ему внутриклассовые противоречия. В силу специфики источников в них нашли выражение прежде всего конфликтные ситуации, раскрывающие динамику внутриклассовых противоречий. Одним из результатов проведенного обследования является констатация факта наличия подразделения самого купечества на слои и группы, имеющие свои собственные интересы, в некоторых отношениях противоречащие интересам других групп. Это проявляется при определении купечеством своего отношения к важнейшим государственным повинностям — платежу оброчных денег (подушная подать), рекрутским наборам, полицейской и пожарной повинностям, воинским постоям и казенным посылкам. Кроме того, специфический ряд конфликтных ситуаций обозначился в сфере собственно купеческой деятельности — торговли, кредита, обеспечения финансовых обязательств (нарушение норм вексельного права, ложное банкротство, взятие денег

в кредит без обеспечения, бегство от кредиторов). Сам факт появления подобных вопросов в наказах свидетельствует о генезисе буржуазных отношений и буржуазного мировоззрения в сфере товарного обращения и товарно-денежных отношений.

Из сказанного вытекает, что основные линии внутриклассовых противоречий проходили в сфере отношений собственности, свойственных материальному производству. При этом специфика внутриклассовых отношений и противоречий состоит в их ограничении рамками одного класса-сословия, что определяет их неантагонистический характер. Именно поэтому понятие "конфликт", характеризующее внутриклассовые отношения и противоречия, не содержит в себе указания на неразрешимый характер противоречия.

Другую картину позволяет нарисовать анализ межклассовых противоречий. Значение этого этапа анализа выходит далеко за рамки простой констатации наличия известных противоречий между отдельными социальными элементами общественных структур. Здесь прослеживаются глубокие общественные, классовые противоречия, отражающие суть антагонистического конфликта феодальной формации. Анализ группировки материала показывает, что основные линии межклассовых отношений и противоречий (как и внутриклассовых) проходят в сфере материального производства и определяются отношениями собственности и распределения материальных благ — прежде всего земли и крестьян, а также торгового капитала. Рассмотрим, как разные классы общества выступают в наказах при решении вопросов распределения этих материальных благ. Классовые отношения характеризуются уже не понятием "конфликт", а понятием "противоречие", ибо затрагивают фундаментальные интересы основных классов общества. Противоречия дворянства и купечества состоят в требованиях купечеством земли и крестьян. Не будучи достаточно сильным, оно оформляет свои требования как предложения государству по вопросам улучшения материального благополучия и быта. Что касается мотивировки этих предложений, как формально-юридической, так и практической, то она отражает не столько реальное положение вещей, сколько стремление купечества найти лазейку для своих

предложений в законодательстве и практике управления феодального государства. Другой линией противоречий являются отношения между купечеством и разночинцами, а также между купечеством и крестьянством по вопросам торговли. Они выражаются в попытках купечества, используя государственную власть и существующее право, заставить разночинцев и крестьянство прекратить "неуказную торговлю", т.е. пресечь возможности других классов брать на себя функции купечества, вести оптовую и розничную торговлю, покупку товаров у населения и другие торговые операции без платежа денег в казну и магистрат, без выполнения купеческих казенных служб. Анализ внутрислассовых отношений купечества показал, что и в рамках самого этого класса-сословия существовал конфликт, например, между купцами одного города и иногородними, приезжающими на ярмарку в город из других мест или даже из-за границы. В этих случаях местное купечество предлагало государству ограничить иногородних купцов правом вести только оптовую торговлю. По линии же межклассовых отношений этот конфликт вырастает в противоречие: — предложения купцов по его ликвидации однозначны — запретить вообще торговлю всем классам, а мотивировка вполне определена — ссылка на конкуренцию, "подрыв" купеческой торговли. Эта позиция купечества показывает корыстный и узкоклассовый характер его интересов, целиком вписывавшихся в феодальные нормы жизни и представления с их регламентацией по сословному и цеховому признакам. В конечном счете данные свидетельствуют о социальной ограниченности купечества как класса, а следовательно, показывают ограниченный характер возможностей генезиса капитализма в феодально-крепостнической России. Однако, отношения купечества с крестьянами и разночинцами не исчерпывались торговлей и ремесленным производством, но охватывали и другие области. Это прежде всего противоречия купечества и государственных крестьян, а также однодворцев по вопросу о земле, которую оно хотело прибрать к своим рукам (под заводы и на нужды магистратов и ратушей), а также противоречие с широкими массами городских жителей, мещан или разночинцев по вопросам распределения казенных служб и обязанностей

(служба в магистрате, обеспечение полицейской службы, воинская повинность, подушный налог, военные постой, посылки в качестве курьеров и счетоводов в другие города и др.). Эти противоречия воспроизводили на ином уровне конфликты в среде купечества и разночинцев.

Что касается противоречий между другими классами (например, дворянством и крестьянством, дворянством и разночинцами, а также крестьянством и разночинцами), то в купеческих наказах они не находятся в центре внимания. Однако, в косвенной форме (часто в виде отдельных упоминаний) они все же становятся объектом обсуждения в связи с теми основными направлениями борьбы (земля, крестьяне, ресурсы, промышленность и торговля), которые по существу выражали основные взаимосвязи купечества с другими классами. Противоречия между дворянством и государственными (экономическими) крестьянами и однодворцами находились в сфере земельной собственности. Отношения между дворянством и крестьянством (государственным), с одной стороны, и разночинцами, с другой, охватывали более широкий спектр проблем: от вопросов земельной собственности, промышленности и торговли до противоречий в области судопроизводства, казенных повинностей и совершенствования местной администрации (самоуправления). Предложения по этим вопросам относились уже главным образом к сфере отношений классов и государства, носили государственно-правовой характер и имели соответствующую мотивировку (ссылка на положение закона или прецедент).

Можно проследить, какие классы вступали в противоречия с правительством и на какой основе: дворянство, крестьянство, купечество, разночинцы вступали с государством в различные отношения по вопросам организации казенных повинностей и налогов, совершенствования государственного управления и права (в частности, судопроизводства). Наиболее частыми были обращения купечества и разночинцев к государству по вопросу об организации казенных повинностей и налогов — эта широкая рубрика охватывает всю сложную палитру многообразных купеческих обязанностей по отношению к государству, а следовательно, и чисто экономические противоречия, возникающие на

этой основе между всей массой купечества, разночинцев и государством (казенные повинности и налоги — подушный, на магистрат и др.). По вопросам совершенствования государственного механизма и судопроизводства источники отражают факты недовольства купечества и разночинцев плохой организацией и произволом местной губернаторской администрации, предложения о расширении купеческого самоуправления за счет предоставления дополнительных прав и привилегий, сохранения и укрепления старых льгот (характерны здесь мотивировочные части наказов со ссылками на старинное законодательство, магдебургское право, феодальные нормы городского и купеческого самоуправления). Характерно полное отсутствие какой-либо информации купеческих наказов об апелляции купечества к государству по вопросам использования карательного аппарата государства в своих классовых целях. В отличие от дворянских наказов здесь сказывается опасение купечества, недоверие его к государственному (а тем более карательному) аппарату абсолютизма. Общая направленность отношений купечества к государству — консервативная, охранительная.

Таким образом, рассмотрение социальных отношений буржуазии (купечества) с другими классами феодального общества ставит в центр анализа проблему генезиса капитализма в России и его выражения в социальных противоречиях эпохи. В пестрой палитре отношений и противоречий общественного развития изучаемого периода выступает несколько определяющих линий противоречий, проходящих через все уровни и воспроизводящих себя с новой силой по мере расширения масштаба и глубины охвата социальных отношений. Это земля, крестьяне, промышленность (ремесло) и торговля, сфера распределения материальных благ и казенных служб (повинностей). Сталкиваясь с различными социальными слоями, классами и государством при решении этих противоречий, купечество проявляет себя как типичный класс феодального общества, не выходящий за его рамки ни в своей практике, ни в своем мировоззрении, который общественные, национальные и государственные задачи понимает лишь через призму своих узких классовых интересов.

Уже при рассмотрении отношений классов и государства отмечалось, что абсолютизм выступает в наказах как высший арбитр при решении самых разнообразных вопросов экономической жизни, социальных отношений и правового их регулирования. Это определяется, с одной стороны, иерархией общества, где интересы антагонистических классов постоянно находятся в противоречии и регулируются государственной властью, а с другой стороны, — спецификой такого своеобразного источника, как наказа в Уложенную комиссию, сама форма которых предполагала обращение к государственной власти с изложением определенных предложений. В этом смысле все предложения, содержащиеся в наказах различных классов и социальных групп, адресованы государству и имеют форму государственно-правовых предложений. Среди них есть предложения, которые отражают фундаментальные интересы классов в экономической и социальной области. То же можно сказать и о мотивировках этих предложений. Поэтому для того, чтобы отделить экономические и социальные предложения и мотивировки от собственно государственно-правовых, целесообразной оказалась группировка их по принципу отношения к экономической, социальной или государственно-правовой сфере жизни. Что касается степени радикальности предложений, то она выражена в ряде рубрик, показывающих в какой-то степени их качественное выражение. Бросается в глаза явное преобладание предложений в государственно-правовой сфере над всеми остальными. Они связаны главным образом с регулированием государством казенных повинностей и налогов, совершенствованием аппарата. Гораздо содержательнее редкие, но оформленные предложения в экономической и социальной сфере. Они выражают стремление купечества добиться привилегий в хозяйственной области (например, отмены ограничений в торговле, ликвидации конкуренции других классов, стремление хотя бы отчасти взять под контроль основные средства производства — землю, крестьян, — с целью получения феодальной ренты, а также мануфактур, заводов, рабочих людей, обеспечивающих их функционирование, природные ресурсы, используемые в промышленном производстве, — лес, уголь, железную руду и пр.). Особенно важны социальные

предложения купечества, показывающие его претензии на видное положение в феодальном обществе (среди них - предложения приравнять российское купечество к европейскому, поднять престиж купечества по сравнению с существующим положением и в сравнении с дворянством, предоставить ему гарантии от произвола администрации и с этой целью обеспечить городское самоуправление путем предоставления ратушам и магистратам решать социальные проблемы без согласования с губернской канцелярией).

Группируя все эти предложения по их качественному характеру (т.е. направленные на сохранение, совершенствование или изменение существующих порядков), мы определяем степень радикализма русской буржуазии. Обращает на себя внимание наибольшая частота предложений, направленных на сохранение или частичное совершенствование существующих социально-экономических условий. Это главным образом предложения, касающиеся основной для купечества сферы деятельности, - торговли и промышленности. Что касается рубрики, характеризующей предложения, направленные на изменение существующих отношений, то она представляет наибольший интерес, поскольку отражает наиболее отчетливо существо и направленность всей социально-политической программы русской буржуазии этого периода. Информация, которая представлена в этой рубрике, неоднородна по своему содержанию, классовой и социальной направленности, поскольку предлагаемые изменения могут быть сразу подразделены на две основные группы - консервативные (направленные на сохранение существующих отношений или расширение их на купечество) и прогрессивные (направленные на изменение существующих отношений). Таким образом, понятие "изменение" оказывается формальным и по существу может объединять взаимоисключающие предложения. Тем не менее, ее выделение в таком виде оправдано именно тем, что в задачу входит показать общую направленность купеческих социальных устремлений. Преобладание тех или иных предложений может свидетельствовать уже само по себе о классе, который их выдвигает, и его социальном облике.

Рассмотрим каждую группу предложений по изменению существующих условий. Первая группа (предложения консервативного характера) охватывает предложения по предоставлению купечеству чисто феодальных (дворянских) привилегий, а также требования купечества по изменению реально существующей практики торговых отношений в свою пользу (запрещение другим классам заниматься торговлей, ремеслами, предложения распространить на купечество привилегии винокурения), наконец узаконения статуса купечества по отношению к привилегированному классу дворян, путем предоставления права не платить подушной подати, права ношения шпаги, производства в дворяне по Табели о рангах. Вторая группа охватывает значительно меньшее количество предложений — отмена существующих еще таможенных перегородок, ликвидация обременительных для купечества казенных работ и налогов, предоставление купечеству самоуправления в некоторых вопросах. Таким образом, предложения консервативного характера гораздо больше по численности и гораздо шире по охвату социальных явлений, чем предложения прогрессивные. Это свидетельствует об общей консервативной тенденции купечества уже в переломную эпоху генезиса капитализма. Рубрики по мотивировочной части наказов подтверждают эту общую тенденцию: среди мотивировок заметно преобладают государственно-правовые (ссылки на закон, обычай или прецедент), а экономические и социальные оказываются в ничтожном меньшинстве.

При изучении социального самосознания класса важно установить наиболее типичные и одновременно наиболее яркие его проявления, позволяющие говорить о выражении в них стремлений (пусть отдаленных и пока еще нечетко выраженных) всего класса. Рассмотрим социальную программу купечества г. Архангельска, изложенную в его наказе. Выбор этого источника⁸ объясняется тем, что, во-первых, он содержит наиболее полную и обобщенную сводку предложений всего купечества, во-вторых, дает концептуальное выражение некоторых перспективных предложений этого класса, в-третьих, проводит сопоставление российских условий с западноевропейскими.

В области экономики купечество несет убытки из-за отсутствия рынка сбыта продукции, что замедляет разделение производства и специализацию торговли: "таким образом, рыбак торгует овощами, а овощник продает рыбу и прочее". Купечество выступает также против конкуренции со стороны иностранного капитала, иногородних купцов, экономических, помещичьих и других категорий крестьянства, солдат. Большой проблемой стало ложное банкротство, во избежание чего предлагается ввести для контроля итальянскую бухгалтерию. Предлагается ряд мер по улучшению условий торговли. Купечество ратует за лучшую организацию средств и путей сообщения, организацию почты: пересылка почты из Москвы и Петербурга в Архангельск происходила медленно, от 14 до 20 дней вместо 7-9 дней, как это могло бы быть при соответствующей организации. Из-за отсутствия возможности получать государственные кредиты российские купцы вынуждены обращаться к иностранному капиталу, а иностранные купцы устанавливают монопольные цены на товары и высокие проценты на предоставляемые ими кредиты. В качестве одной из важнейших мер по преодолению этого положения предлагалось учредить купеческий банк для предоставления кредитов российскому купечеству.

В социальной сфере купечество озабочено своими сословными привилегиями, укреплением сословного статуса, расширением состава и повышением уровня образования сословия (напр., создание для купеческих детей специальных школ). Ряд предложений направлен в наказе на повышение статуса, престижа и роли купечества в управлении: в их числе учреждение городского магистрата, четко организованной системы управления делами разных ведомств, приравнение выдвигаемых в магистрат представителей купечества к государственным чиновникам, проведение более жесткого деления купечества по гильдиям.

Анализ наказов государственных крестьян позволяет представить их социально-экономическое положение, установить специфику информации источников об этом классе-сословии. В области материального производства четко выявляются три

основных параметра, характеризующие те компоненты производительных сил, по отношению к которым разворачивалась борьба между государственным крестьянством и другими классами, а также, и прежде всего — с государством. Этими параметрами являются — земля, промышленные предприятия, транспортные средства. По частоте упоминания о них в наказах они выделяются именно в этой последовательности, причем между ними устанавливается соответствующая иерархия, которая с некоторыми незначительными нюансами присутствует повсюду в рассмотренных источниках. Совершенно очевидно, что земледельческое производство выступает в качестве основы крестьянского хозяйства, а все остальные параметры выступают по отношению к нему как дополнительный, а часто вспомогательный фактор, способствующий или замедляющий расширение этой сферы деятельности крестьянства. Уже в структуре крестьянских наказов эта иерархия производительных сил отражена достаточно четко: как правило, наказ начинается с предложений по улучшению сельскохозяйственного производства или с констатации его плохого состояния, а затем приводятся предложения по другим вопросам — о заводах, средствах сообщения, казенных повинностях и т.п., что в известном смысле может рассматриваться как "типический формуляр" крестьянского наказа, отражающий его структуру и внутреннее содержание. В наказах отражены трудности в организации земледельческого производства. Они связаны с разнообразными факторами хозяйственного и социального порядка. Раскроем, например, данные источников по Сибирской губернии (Енисейская провинция). Крестьяне многих погостов жалуются на климатические условия: хлебопашество в весеннее время затрудняется тем, что вода размывает посевы, а в зимнее — из-за сильных заморозков; это, в свою очередь, делало его доступным для сельскохозяйственных вредителей. Эти причины часто приводили к гибели всего урожая, что вынуждало крестьян платить "десятинаный налог" не хлебом, как обычно, а деньгами, покупать хлеб в соседних городах, что, в свою очередь, вело к другим затруднениям (в заводских работах и выполнении казенных повинностей), которые становились причиной социальных конфликтов с заводскими

властями, купечеством, а также государственной администрацией. Часто встречается указание на отсутствие в присудах хороших пахотных земель, отчего крестьянство терпит недостаток в хлебе и сене. Обилие нехлебородных земель ведет к необходимости поиска новых, включение в хозяйственную практику крестьянства промыслов и рыбных ловель, отказ платить натуральный налог провиантом. Таким образом, интерес крестьянства к торгово-промышленной деятельности и заводским работам ставится в подчиненное положение к земледельческим работам, неэффективность которых приводит крестьянство к обнищанию и необходимости порой "питаться христовым именем". Поэтому частота упоминаний о заводском производстве и торгово-промышленной деятельности резко возрастает там, где велико число упоминаний о земледельческом производстве, его неэффективности.

Выявленным трем основным параметрам материального производства — трем компонентам производительных сил общества соответствует направленность социальных отношений государственного крестьянства с другими классами общества. Источники не содержат указаний принципиального характера на наличие внутрисословных конфликтов в изучаемом сословии государственных крестьян (по крайней мере, нет упоминаний фактов борьбы за землю или распределение казенных повинностей на внутрисословном уровне). Вместе с тем, на межклассовом и межсословном уровне источники позволяют выявить такие конфликты, имевшие, как показывают источники, довольно устойчивый и острый характер. Направления классово-сословных отношений и борьбы определяются конфликтами способа производства. Прежде всего, источники отразили конфликт межсословного характера между государственными крестьянами и городами (различными группами посадского населения), а также феодалами (в ряде случаев в роли феодалов могли выступать монастыри или даже само государство) за землю и ее плоды. Этот конфликт, вообще определявший лицо феодального способа производства, проявлялся по-разному, в зависимости от региональных особенностей. В ряде случаев он принимал характер открытой борьбы (порой вооруженной) за землю, выражался в захватах земель крестьян феодалами (или наоборот) и приводил к судебным-следственным

делам между представителями господствующего класса, духовенства или городов (а иногда даже купечества) с одной стороны, и крестьянства — с другой. В наказах государственных крестьян имеются сведения о борьбе крестьянства за землю и с такими переходными группами, как служилые люди, однодворцы, представители национальных меньшинств. В других случаях аренной аграрных противоречий становились отдельные отрасли сельскохозяйственного производства — скотоводство (с кочевыми народами и казаками), реализация продукции (купецество и города), уплата натуральных повинностей (государство, монастыри).

Специфической областью межклассовых отношений государственного крестьянства была линия отношений и классовых противоречий с заводчиками. Это направление межклассовых отношений характеризует отношение крестьянства как с представителями купечества (точнее, промышленного, а не торгового капитала), так и с государством, которое часто выступало как собственник заводов, на которых работали государственные (приписные) крестьяне. В научной литературе о промышленности эпохи феодализма и характере эксплуатации рабочей силы в этот период уже были поставлены основные вопросы оценки социального содержания мануфактуры и характера труда приписных или посессионных крестьян на ней. Рассмотрим данные наказов государственных крестьян по этому вопросу. Ядром производственного конфликта являются отношения собственности на рабочую силу промышленных предприятий — мануфактур, регламентация характера и условий труда крестьянства на них. Констатирующая часть наказов демонстрирует условия производства и вскрывает причины конфликта: приписные крестьяне наряду с их сельскохозяйственным производством вынуждены значительную, если не большую часть времени проводить на заводских работах, что отрывает их от непосредственных обязанностей, подрывает их экономический базис. К этому прибавляется ряд специфических трудностей экономического характера: крестьяне платят подушные подати за выбывших по старости и болезни, страдают от необходимости покупать инструменты, а также продукты и хлеб на месте (на заводах) по

повышенным ценам. К этому прибавляется нарушение выдачи заработной платы "по плакату", невыполнимые по объему нормы труда, особенно для малолетних, произвол администрации, физические наказания, а также воинские постой и необходимость предоставления им фуража. Перевозки сырья на заводы также осуществляются силами самих крестьян и за пониженную плату, а то и вовсе даром. Отсюда апелляция к государству с целью как-то изменить существующее положение. "А ежели за каковыми совершенными невозможностями, нас последних от заводов отписать неможно, — говорят крестьяне, — то б хотя по крайней невозможности, узаконить заводчикам нас бедных крестьян на заводские работы платю довольствоваться такою, по каким ценам впредь будет вольным в найме настоять, а не по прежнему положению".⁹ Это положение прямо противопоставляет феодално-крепостнические условия найма вольному, показывает, что крестьянство выступало за вольный найм в качестве эталона организации производственных отношений на заводах. Приписные крестьяне отмечают, что иногда им приходится нанимать за свои деньги вольных работников и это свидетельствует об их непосредственном знакомстве с условиями вольного найма, который представляется им идеалом отношений с заводчиками. Отсюда становится понятным общий вывод крестьянских наказов по этому вопросу: "Просим, дабы нам в таковых ни в каких заводах не быть, а остаться желаем состоять единственно в крестьянстве и в указном нынешнем платеже..."¹⁰ Борьба за это право быть свободными от заводов отчетливо проявляется во всех наказах, характеризует сферу отношений крестьянства с государством, является стержнем борьбы с ним.

Другим направлением отношений и противоречий крестьянства и государства является вопрос о сословных повинностях по организации транспорта и связи. Крестьянство выступает за отмену обременительных повинностей по обеспечению перевозок казенных товаров (соли, провианта, вина), почтовой гоньбы, подводной повинности, посылки на службу в другие отдаленные города, организации дорожного строительства. Постановка этих вопросов в наказах связана с предложениями крестьянства по организации государственного хозяйства, прежде всего изменении политики цен на основные продукты сельскохозяйственного

производства, а также налоговой политики. Рост налогов (в частности, подушного сбора на 60 коп. против прежнего, что в сумме составляло, например, по городу Красноярску — I р. 73 коп.^{II}) при сохранении старых сборов (например, десятинный сбор провиантом — хлебом) и дороговизне хлеба равняет крестьянство. Наказы содержат традиционное обращение к государству и его институтам о необходимости изменения существующего положения, мотивируемое экономическими трудностями крестьянского хозяйства и апелляциям к правовым нормам абсолютистского государства. Таким образом, обработка материала наказов государственного крестьянства Сибири позволяет установить некоторые общие черты его положения.

Наказы государственных крестьян Севера (прежде всего Архангельской губ.) дают представление об их социально-экономическом положении, правовом статусе, отношениях с другими классами общества и государством. Особенно ценна в этом комплексе источников его массовость и завершенность. В большом комплексе наказов от различных категорий крестьянства северных территорий нашли отражение не только общие, но и специфические для них черты, позволяющие констатировать значительное отличие их положения и социальной психологии от крестьянства черноземного центра.

Важной специфической особенностью социально-экономического положения северного крестьянства является двойственная основа его экономики. Это сельскохозяйственное производство и промысловое хозяйство, которые развивались в изучаемом регионе в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Тот факт, что почвенные и климатические условия региона были неблагоприятны для развития сельского хозяйства, заставляли крестьянство обращаться к другим источникам доходов — прежде всего промыслам (рыбному, кожевенному и пр.) и торговле, в том числе международной. Источники хорошо отразили объективную необходимость и закономерный характер такой направленности крестьянской экономики. Почти во всех крестьянских наказах речь идет о невозможности заниматься исключительно сельско-хозяйственным производством (сюда следует отнести данные о неурожаках, приобретшие эпидемический характер,

указания на неэффективность аграрного сектора крестьянской экономики), из чего следует вывод о жизненной необходимости обращения к торговле и промыслам. Таким образом, промышленное хозяйство и торговля становятся в центре социально-экономических требований крестьянства, основным объектом борьбы на межклассовом уровне.

В крестьянских наказах отношения между крестьянством и дворянством присутствуют лишь как общий фон, на котором разворачивается картина другого типа противоречий и классовой борьбы — между крестьянством и купечеством, с одной стороны, и между купечеством и дворянством (а точнее — капитализированными нуворищами типа Строгановых и Демидовых) — с другой. Это означает, что весь спектр традиционных антагонистических конфликтов феодального общества как бы смещен в сторону области товарно-денежных отношений, торговли, первоначального накопления (часто использовавшего традиционные феодальные отношения и нормы). Существо конфликта — противоречия различных групп крестьянства и купечества и их с дворянством по вопросам организации торговли, промыслов, эксплуатации природных ресурсов и хозяйственных возможностей (в том числе агрономических) региона в интересах указанных сословий. Это противоречие развивается в рамках существующих (общероссийских) норм права и гарантированных государством привилегий для определенных сословий. Из этого понятно, почему большинство крестьянских наказов в качестве главного выдвигает требование ликвидации монополии купечества на торговлю. Купеческая монополия на оптовую и розничную торговлю большими партиями товаров как на внутреннем, так и на внешнем рынке была закреплена законодательно. Более того, купечеству было предоставлено право опечатывать имущество тех торговцев из крестьян, которые вели "неуказную" торговлю. На практике это выражалось в полном контроле купечества над крестьянской торговлей: используя свое монопольное право торговли на внешнем рынке и на ярмарках, а также контроль над основными водными, сухопутными торговыми путями, купечество вынуждало крестьянство продавать его продукцию за бесценок (как отмечается в наказах, часто даже ниже стоимости товаров). Фактически купечество выступало в роли скупщиков крестьянской продукции, тормозя развитие

собственно крестьянской торговли. Поэтому в крестьянских наказах часто встречается апелляция к государству с целью добиться разрешения для крестьянства производства и продажи основных продуктов не только оптом, но и в розницу, участия в ярмарочной торговле, допущения выезжать с товарами в крупные торговые (городские и ярмарочные) центры, т.е. доходить с ними до непосредственного потребителя. Сюда следует отнести предложения крестьянских наказов о дозволении розничной (а не только гуртовой) продажи скота, кож и кожаных изделий, рыб и смолы на ярмарках как местным, так и иностранным покупателям, допущения ухода крестьянства на заработки в другие районы страны. К этому следует прибавить предложение о лучшей организации водных путей, которая дала бы возможность крестьянству избежать крайне убыточного посредничества купцов-перекупщиков и продавать товары не оптом (по искусственно сниженным ценам), а в розницу, разбить круговую поруку купцов, специально сбивавших цены на важнейшую продукцию крестьянства. В этой связи интерес представляют свидетельства наказов об эксплуатации купечеством крестьянства, содержащиеся в них предложения социального характера.

Имеется очень специфическая группа наказов от части зависимого от купечества крестьянства — половников, дающая представление о своеобразной форме экономического принуждения и эксплуатации крестьян — половников богатым купечеством. Половничество — очень архаичная форма феодальной эксплуатации, известная на Севере с очень раннего времени, в новых условиях видоизменяется и приобретает новое содержание: теперь это уже не форма феодальной эксплуатации (из половины урожая), а форма экономической зависимости крестьян от купцов. В наказах половников приводятся фактические сведения об эксплуатации купечеством этой зависимой группы — прямой грабеж, отдача в рекруты, использование в своем хозяйстве.

В превращенной форме эти противоречия (крестьянства и купечества) выступают как противоречия между крестьянством и государством: крестьянство выступает за изменение

существующего торгового законодательства, условий организации торговли, водных путей, вообще средств транспорта и связи. Объективно эти требования означают выступление против феодальных перегородок в торговле (как по географическому, так и по сословному признаку). Наряду с этим, в наказах крестьянства отразились традиционные для всего сословия государственных крестьян и горожан пожелания облегчения государственного тягла — налогов и казенных служб, как правило, связанные с предложениями по совершенствованию государственного аппарата управления, ликвидации порочных черт администрации (местной): крестьяне жалуются на обременительность налогов, прежде всего подушной подати, которая собирается безотносительно к имущественному положению и землеобеспеченности данного крестьянина, на наличие местных сборов, которые в других регионах не собираются, тяжелые казенные повинности.

Итогом обследования наказов государственных крестьян северного региона является положение о его большой социально-экономической специфике, которая, однако, выражает определенные общие черты развития данного слоя российского крестьянства эпохи кризиса феодально-крепостнических отношений.

Источники отразили положение разнообразных социальных слоев, занимающих промежуточное положение между городскими жителями и государственным чернососным крестьянством, нечетко выраженных и совмещивших в себе черты (и, следовательно, требования) как городских, так и сельских жителей. С положением горожан эти слои сближало наличие промыслов и торговли, выраженное стремление к сословной консолидации, противопоставление себя дворянству, но также городским властям и купечеству. В этом отношении их требования соприкасаются с требованиями разночинцев городов. С положением крестьянства их сближало прежде всего наличие пашни и, следовательно, все, что было связано с функционированием аграрного сектора экономики, противопоставление себя дворянству и купечеству. Вместе с тем, намечается и противопоставление себя крестьянству, связанное со стремлением выделить себя из его массы, не раствориться в нем, сохранить свою

сословную консолидацию. Понятно, что не будучи единым условием общества, эти социальные слои подразделялись на многочисленные, более мелкие группы, которые, в свою очередь, имели значительную специфику либо в сторону сближения с городом, либо с деревней. В их состав входили такие категории населения, как однодворцы, пахотные солдаты и различных служб служилые люди, казацкие и запорожские войска, "инородцы" крещенные и некрещенные, которые, в свою очередь, разделялись на еще более мелкие (порой чисто функциональные) группы — канцелярские пристава и сторожа, отставные унтер-офицеры и солдаты, засежные сторожа, служилые мурзы и татары, раскольники и др. В источниках упомянуты также старых служб казенные кузнецы, пушкари, пашенные рассыльщики, сторожа и воротники, солдаты, содержащие ландмилицию, мастеровые и работные люди, различные национальные меньшинства. От всех этих категорий населения имеются отдельные наказы, которые представляют собой уникальные документы, характеризующие положение отдельных групп феодального общества. Вместе с тем эти документы имеют четкие географические параметры — это наказы от определенных территориальных подразделений, как правило городского типа, имеющих определенное функциональное назначение: например, Стрелецкая слобода, Пушкарская слобода, Конная слобода, иногда в обобщенном виде — Беломестные слободы. Рассмотрение этих категорий населения по географическим регионам показывает наличие их в ряде основных губерний России и на Украине — Московская, Новгородская, Казанская и Киевская. Можно отметить некоторую специфику размещения этих категорий населения по губерниям: они преобладали в центральных и западных районах страны, т.е. на территории более высокого промышленного развития. Национальные меньшинства представлены прежде всего различными категориями населения Казанской губ. (крещенное и некрещенное население татар, а также мордва, чуваша, служилые мурзы и татары, старокрещены и новокрещены и др.).

Анализ этих разнообразных групп населения, различающихся по региональному, социальному, национальному и даже функциональному положению, правомерен по ряду причин. Прежде всего,

общее положение всех этих групп в обществе — промежуточный и переходный характер этих групп от деревни к городу или наоборот. Во-вторых, общность их экономического базиса — земледелие, в-третьих, общность социального статуса — функциональное назначение служилых и соответственный сословный статус. Суммируя данные обследованных наказов, получаем обобщенную характеристику положения изучаемого социального слоя. Это позволяет также установить его специфические черты по отношению к основным сословиям населения, прежде всего горожанам и крестьянству.

Базисом, экономической основой, обеспечивающей положение рассматриваемого слоя, является земля, о чем постоянно свидетельствуют тексты наказов. Свое благополучие и способность или неспособность к государственной службе авторы наказов непосредственно связывают с урожайностью сельского хозяйства, а основным объектом борьбы на внутрисословном и межклассовом уровнях является земля. Характер отношения к земле и пахоте отчетливо выступает уже в самоназвании этих групп: например, в понятии "однодворцы" заложено представление о землеобеспеченности и дворовладении землевладельцев, а следовательно, их тягловой способности; такие понятия как "пашенные солдаты", "пашенные рассыльщики" и пр. свидетельствуют о связи землеобеспечения со служебным назначением данной категории. Это, в частности, указывает на тот факт, что характерные особенности связи земельных пожалований с функциональным назначением данной категории служилых людей, имевшие место ранее, не прекратили своего существования и в ХУШ в. Источники свидетельствуют о наличии определенных, хотя и не очень резких форм борьбы внутрисословного характера. В этой связи следует отметить противоречия и споры между однодворцами и другими представителями рассматриваемых социальных групп за правильное межевание земель, противоречия, возникавшие из-за действий противозаконного характера (кража имущества и пр.), однако эти противоречия не имели выраженного резкого характера. Гораздо более резкий характер имели противоречия междуклассового характера. Если противоречия между служилыми людьми и государственными крестьянами

еще могут быть приравнены к внутрисловным противоречиям, то конфликты однодворцев с дворянами носили ярко выраженный антагонистический характер. Источники содержат свидетельства о захвате дворянами земель однодворцев, потравах, фактах разграбления имущества и физического насилия первых над последними.

Источники содержат информацию об отношениях этой социальной группы с государством, обращении к нему для защиты от посягательств других классов. С этой целью однодворцы просят государственных гарантий их сословных привилегий, предоставления самостоятельного (от города) судопроизводства, проведения правильного межевания земель, а в отдельных случаях даже позволения покупать и иметь у себя крестьян. Эти требования, носящие социальный характер, мотивируются экономической необходимостью, а также традицией, обычным правом или указом, содержащим нормативно-правовое закрепление какой-либо привилегии. Однако, борьбой за землю, крестьян и феодальную ренту не исчерпывалось положение изучаемой социальной группы в обществе. В наказах содержатся сведения о материальном производстве — организации промыслов, торговли и путей сообщения. Это была та сфера материального производства и обращения, которая определяла другую линию внутриклассовых и межклассовых отношений. Следует сразу отметить, что внутриклассовые противоречия выступают наименее сильно в этой области, их почти нет. Действительно, все социальные категории, составляющие изучаемый слой общества, были заинтересованы в одном и том же порядке организации промыслов, торговли и обращения. В этом была экономическая основа их единого выступления против купечества. Основной мотив наказов служилых людей по вопросам организации промыслов и торговли состоял в ликвидации монополии купечества на торговлю. Поэтому наказы (в противоположность наказам от городов и купечества) просят дозволить служилым людям торговлю различными товарами оптом и в розницу "без всякого б в купечество платежа". Источники содержат указания на борьбу купечества со свободной или "неуказной" торговлей сельских жителей: отмечаются факты захвата купцами земель

и промыслов служилых людей, запрещения производства и торговли сермяжными сукнами, холстами, сырцом, медом и пр., т.е. основными товарами сельскохозяйственного производства того времени. Купечество, используя свою власть в городах (магдебургское право, организация городского самоуправления, магистраты и ратуши), накладывало арест на имущество сельских производителей, запрещая им вести производство и торговлю "в подрыв купечеству". Поэтому одной из важнейших просьб сельских жителей к государству является организация собственного самоуправления, призывы к государственной власти выступить в роли арбитра при решении экономических споров, пересмотреть существующее законодательство по этим вопросам.

Еще одной сферой социальных отношений и борьбы сельского населения являлись его отношения с государственной властью. Уже отмечалось, что наказания изучаемого социального слоя апеллируют к государству для разрешения межклассовых конфликтов с дворянством и купечеством, а также при решении вопросов о нормативно-правовой регламентации обязанностей и прав изучаемого слоя. В этой третьей сфере отношений отчетливо проявляется двойственная сущность данного слоя, которая состоит в одновременном осуществлении хозяйственной и служебной функций. В наказах эти функции прямо связываются одна с другой. Источники содержат наибольшее количество упоминаний о двух направлениях отношений с государством — казенные повинности и налоги; совершенствование госуправления и судопроизводства. Важнейшими казенными повинностями "сельских обывателей" являлись — рекрутская повинность, обеспечение воинских постоев, предоставление подвод для проезжающих чиновников, посылка на казенные службы, часто связанная с перемещением на длительные расстояния и затрудняющая выплату подушной подати и проведение сельскохозяйственных работ, наконец, несение службы в ландмилиции. К этому следует прибавить обременительность налогов и денежных сборов, производимых государством. Как и в наказах городских жителей (несших те же повинности), встречается требование к государству ограничить гнет казенных повинностей, что

мотивируется крайним ухудшением экономического положения. В качестве паллиатива предлагаются меры как экономического, так и социального характера — распределение тягла на другие группы населения или переложение определенных повинностей на другие сословия (например, купечество или государственных крестьян), предоставление односторонних привилегий и преимуществ (например, псковских "прежних служб служилые люди, а также наследники себежских и опочецких казаков и красногородских бывших солдат" просят согласно старому обычаю освободить их наравне с дворянством от подушной подати). Встречаются требования о предоставлении права покупки земли и крестьян. Отношения межклассового характера воспроизводились и на более высоком уровне — в виде отношений классов к государству и наоборот, а также в том, с какими требованиями (по отношению к другим классам общества) данный класс обращался к государству как высшему арбитру в междуклассовых отношениях. В этом отношении интересны обращения однодворцев к государству с предложением оградить их от произвола других сословий, прежде всего, дворянства и купечества. Стремление к социальному обособлению данного сословия выражается в требовании особого судопроизводства. Это значит, что однодворцев не удовлетворяет, с одной стороны, традиционно существовавшее воеводское или губернаторское управление, представлявшее абсолютистское государство, и с другой, — купеческое самоуправление, выраженное в магдебургском праве и закрепленное законодательством российского абсолютизма. Наряду с тем, однодворцы и вся масса мелкого служилого люда не хотят выступать вместе с государственными крестьянами, интересы которых в значительной мере совпадают с их интересами, для чего требуют от государства социальных прав и привилегий — дозволения иметь крестьян и, подобно дворянству, не платить подушную подать или, подобно купечеству иметь право вместо посылки людей в армию нанимать рекрута за деньги. Поскольку мы имеем дело с небольшой, замкнутой и достаточно архаичной социальной группой, для нас особый интерес и представляет эта эклектичность ее социальной программы, совмещающая в себе столь противоречиво как черты старого, так и

нового уклада. Вместе с тем, приходится констатировать безуспешность ее попыток добиться от государства односторонних социальных преимуществ за счет других классов — сословий. Отсюда жалобы на неэффективность и враждебность администрации, отсутствие твердых гарантий прав личности и собственности.

Таким образом, источники отразили систему социальных противоречий периода позднего феодализма во всем их объеме и взаимодействии. В них прослеживается механизм функционирования общественно-экономической формации, а также тенденции развития социальных структур. В борьбе классово-сословных интересов выступает в качестве доминирующего основное противоречие феодального способа производства в процессе постепенного перехода к новой организации производственных отношений. Вместе с тем, прослеживается весь спектр социальных противоречий общества изучаемой эпохи, отражающий конкретный характер конфликтов на внутриклассовом и межклассовом уровне, а также классов с государством. Мы имеем уникальную возможность услышать реальные социальные требования разных классов и социальных слоев, выраженные ими самими.

-
- I Историография проблемы представлена русской дореволюционной и современной зарубежной литературой. Различные вопросы источниковедческого изучения наказов в Уложенную комиссию рассмотрены в следующих работах: Соловьев С.М. Рассказы из русской истории XVIII в. 1767 год. — Русский вестник, М., 1861, т.35, № 10; Сергеевич В.И. Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии. — Вестник Европы, 1867, № 1; Еланк П.В. Екатерининская комиссия 1767—1769 гг. — Русский вестник, 1876, т.121, 122, 123; Абрамов Я. Сословные нужды, желания и стремления в эпоху екатерининской комиссии (1767—1769 гг.) — Северный вестник, 1886, № 4; Латкин В.Н. Законодательные комиссии в XVIII в. СПб., 1887; Богословский М.М. Дворянские наказания в екатерининскую комиссию 1767 г. — Русское богатство, 1897, № 6, 7; Вознесенский С. Городские депутатские наказания в екатерининскую комиссию 1767 г. — Журнал министерства народного просвещения, 1902, № II, 12; Дитятин И.И. Екатерининская комиссия 1767 г. "О сочинении проекта нового уложения". Ростов-на-Дону, 1905; Бочкарев В.Н. Земельные нужды деревни по крестьянским наказам. — Сборник в честь В.О.Ключевского. М., 1909; Любавский М.К. Русская история XVIII в. М., 1913; Архангельский П. Погостные наказания 1767 г. как исторический источник. Казань,

- 1916; Греков Б.Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. - Летопись занятий археографической комиссии. М., 1929, т. XXXV; Лаппо Ф.И. Наказы однодворцев как исторический источник - Исторические записки, 1950, т. 35; Недосекин В.И. Об изучении наказов в законодательную Комиссию 1767 г. - Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. М., 1980; Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965. Он же. Однодворцы Нечерноземья. М., 1984; *Dukes P. Catherine the Great and the Russian nobility. A Study based on the materials of the Legislative commission of 1767.* Cambridge, 1967.
- 2 Сборник Русского исторического общества (далее: Сб.РИО)- т.4, ч.1, Спб., 1869; т.8, ч.П, Спб., 1871; т.14, ч.Ш, Спб., 1875; т.32, ч.IV, Спб., 1881; т.36, ч.V, Спб., 1882; т.43, ч.VI, Спб., 1885; т.68, ч.VII, Спб., 1885; т.93, ч.VIII, Спб., 1894; т.107, ч. IX, Спб., 1900; т.115, ч.X, Спб., 1903; т.123, ч.XI, Спб., 1907; т.134, ч.XII, Спб., 1911; т.144, ч.XIII, Спб., 1912; т.147, ч.XIV, Спб., 1915. ЦГАДА, ф.342, оп.1, д.101, 110, 223.
 - 3 Разработка качественного аспекта информации источников одностипного формуляра является одним из перспективных направлений современного источниковедения. См.: Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. XIX - начало XX в. М., 1979; Илизаров Б.С. Источниковедческие проблемы архивоведения. (Методы измерения объемов письменной информации). М., 1981.
 - 4 факты такого рода см., напр., в дворянских наказах Новгородской губ. (Новгородский уезд, Водская пятина): Сб., РИО, т.14. Спб., 1875, с.253-258. См. также наказ дворянства Деревской пятины, с.259-264.
 - 5 Наказ дворянства Дусторжевского уезда Новгородской губ., Сб. РИО, т.14, с.294-315.
 - 6 Там же. Наказ дворянства Копорского уезда Санкт-Петербургской губ., с.243-245.
 - 7 См., напр., Наказ гражданства (купечества) г.Нижнего Новгорода Нижегородской губ. Сб. РИО, т.134. Спб., 1911, с.3-16. См. также указы гг.Балахны, Арзамаса, Кривца Поволжского, и др.
 - 8 Наказ купечества г.Архангельска. Сб.РИО, т.123 (Спб. 1907).
 - 9 Сб.РИО. Спб., 1903, т.115, с.268.
 - 10 ЦГАДА, ф.342, оп.1, д.101, лл.32-33 об.
 - 11 ЦГАДА, ф.342, оп.1, д.101, лл.49-54 (наказ крестьянства одного из сел под г.Красноярском Сибирской губ.).

В.В.Леонидов

МОСКОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1771 Г. В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Усиление крепостного гнета в России обусловило обострение классовой борьбы, кульминацией которой явилась Крестьянская война 1773–1775 гг. Волнения крестьян в Московской, Тульской, Казанской и др. губерниях, Кижское восстание, борьба горнозаводских рабочих Урала, Яицкий бунт зажгли огромный факел "пугачевщины". Одним из самых значительных антифеодальных выступлений накануне этого великого народного движения было и Московское восстание 1771 г. или "Чумной бунт", как его принято называть в исторической литературе.

"Бунташным дням" в сентябре 1771 г. посвятили несколько работ советские¹ и дореволюционные историки², среди которых был и С.М.Соловьев. Однако обобщающего исследования по истории "Чумного бунта" пока нет. Было ли Московское восстание 1771 г. сугубо стихийным или во многом подготовленным народным выступлением, какие социальные слои народного населения являлись его движущими силами, был ли "Чумной бунт" сразу разгромлен или "мятеж" длился несколько дней – эти и другие вопросы нуждаются в уточнении. Восстановить историю бурных событий в сентябре 1771 года можно при привлечении максимально полного круга источников, как архивных, так и опубликованных. Именно источниковедческий анализ поможет дать ответ на нерешенные вопросы.

Важнейшим источником для исследования любого исторического события являются воспоминания и свидетельства очевидцев³. Как отмечал П.А.Зайончковский: "Ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая почти всегда субъективна"⁴. Субъективность автора, обусловленная прежде всего его классовой позицией, также имеет большое значение.

В нашем распоряжении есть ряд свидетельств очевидцев и современников "Чумного бунта". Это записки протоиерея П.Алексеева⁵; свидетельства выдающегося русского просветителя Ф.В.Каржавина⁶; письмо неизвестного церковного служителя,

опубликованное И. Куприяновым⁷ (как нам удалось установить, неизвестным автором оказался архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря Варфоломей), письмо очевидца гибели архиепископа Амвросия - Н.Н. Бантыш-Каменского⁸; "Письмо очевидца о бунте", опубликованное в "Действиях Нижегородской губернской ученой архивной комиссии"⁹; записка свидетеля Московского восстания 1771 г., подготовленная к печати М.Ф. Прохоровым¹⁰; "Письмо неизвестного", вошедшее в 16-й том "Архива князя Воронцова"¹¹; письма офицера Преображенского полка А.А. Саблукова к своему отцу¹²; описание "чумного бунта" замечательным русским врачом Д.С. Самойловичем¹³; свидетельство неизвестного биографа Г.Г. Орлова, хранящиеся в Архиве Ленинградского отделения Института истории¹⁴; записки неизвестного во Французском альманахе 1771 г.¹⁵; мемуары А.Т. Болотова¹⁶; записки А.А. Васильчикова, сделанные со слов его бабушки - Е.А. Архаровой¹⁷; и краткие свидетельства И.М. Долгорукого¹⁸.

Из приведенного нами списка записка, опубликованная М.Ф. Прохоровым, рукопись неизвестного автора панегирика Г.Г. Орлову, свидетельство Д.С. Самойловича, описания А.А. Васильчикова и И.М. Долгорукого не упоминались в исторической литературе, посвященной Московскому восстанию 1771 г.

А.Г. Тартаковский писал: "Как носителям ретроспективной информации о событиях прошлого, мемуарам противостоят источники синхронные, возникшие в пределах времени свершения самих этих событий"¹⁹. Он отмечал, что мемуары "... всегда возникают после описываемого в них и всегда обращены в прошлое. В период их создания автор находится вне той сферы событий и той системы отношений, которые выступают предметом воспоминаний, то ли потому, что события эти уже совершились и всецело относятся к области прошедшего, то ли оттого, что участие в них автора по тем или иным причинам было прервано"²⁰.

Если принять классификацию А.Г. Тартаковского, то большинство из рассматриваемых нами свидетельств очевидцев является именно "синхронными" источниками, написанными по горячим следам только что увиденного и пережитого.

Замечательный русский архивист и археограф Н.Н.Бантыш-Каменский присутствовал при гибели во время восстания своего дяди – московского архиепископа Амвросия (в миру Зертис-Каменского). Н.Н.Бантыш-Каменский оставил большое письмо, в котором со страхом описывал размах восстания и гибель "пресвященного". Это письмо впервые использовал Д.Н.Бантыш-Каменский при написании биографии Амвросия²¹, а опубликовал его в 1860 г. И.Куприянов²² без указания автора.

Описание Н.Н.Бантыш-Каменского разошлось во многих списках. В 1863 г. неутомимый собиратель документов по русской истории П.И.Бартенев, публикуя в "Русском архиве" записки о "Чумном бунте" катихизатора Петра Алексеева, писал: "...мы имеем об этом московском народном мятеже еще два современных известия. Они напечатаны г.Куприяновым в "Русском слове", 1860 г., кн.ХІ, без имени сочинителей, но одно из них, большее, очевидно и несомненно принадлежит Н.Н.Бантыш-Каменскому"²³.

Однако через 10 лет известный коллекционер исторических документов, один из редакторов журнала "Библиографические записки" П.А.Ефремов, вновь опубликовал письмо Н.Н.Бантыш-Каменского, не назвав автора²⁴. Копию этого документа в ЦГАДА СССР, в собрании Мазуриных, обнаружил М.Ф.Прохоров²⁵. Также в ЦГАДА СССР, в огромной коллекции "Портфели Миллера", нами был найден еще один экземпляр письма будущего руководителя Архива Коллегии иностранных дел²⁶.

Интересно, что это же послание Н.Н.Бантыш-Каменского послужило основой для описания событий 15-18 сентября 1771 г. выдающимся представителем русской мемуаристики – А.Т.Болотовым. Сам Болотов, находясь в своем поместье Дворянинове, не был непосредственным свидетелем восстания. "Мы, – писал он, – почитаем себя от Москвы слишком отдаленными"²⁷. Описание "мятежа" писалось "...по письму одного самовидца, имевшего в сем бедствии личное соучастие"²⁸. А.Т.Болотов, рассказывая о распространении "заразы" в Москве, пишет: "В Москве, за въездом всех знатных и самого главного начальника, господствует полнейшее безначалие, и что народ разбегается в разные стороны..."²⁹ Сообщение об оставлении Москвы на произвол судьбы должностными лицами подтверждает и

Н.Н.Бантыш-Каменский. "...Но и те, коим поручено было правление города, разъехались по деревням"³⁰. Сама Екатерина II заявила на заседании Совета при высочайшем Дворе, что "...сенаторы и другие присутствующие без позволения из Москвы разъехались"³¹. Бегство чиновников из города отражено и в бумагах 6-го (Московского) департамента Сената. Вскоре после восстания (документ точно не датирован) было заслушано: "...Объявление высочайшего ея императорского повеления, чтобы самовольно отлучившихся из присутственных мест в Москве состоящих, главных чинов и прокуроров немедленно собрать"³². 19 сентября член канцелярии конфискации Вердревский доложил в Сенат, что он "...послал с повесткою к протчим господам присутствующим и прокурору сержанта, который, возвратясь, рапортовал, что из них в Москве никого нет, а поразъехались они по своим деревням"³³. Князь И.М.Долгорукий, вспоминая Московского градоначальника П.Д.Еропкина, сообщал: "Он один защитил столицу от мятежников и убийц архиерейских и восстановил в ней спокойствие, тогда как все чиновальники бежали из нее, убоясь повальной заразы"³⁴. Сопоставление записок современников восстания и архивных источников подтверждает факт оставления города во время эпидемии большей частью городской администрации.

Рассказывая об обстановке в городе накануне "Чумного бунта", Н.Н.Бантыш-Каменский писал: "...на дворах остались одни холопы, и те голодные. Раскольники и чернь негодовали на учреждение карантинных домов, запечатание бань, непогребение мертвых при церквях и на протчия комиссияю учрежденные распоряжения"³⁵. Он повествует о молебниях возле образа Боголюбской богородицы, попытке консисторского подъячего запечатать ящики с пожертвованиями, стоящие возле иконы, начало "мятежа". "Толпами народ бежал, крича: грабят Боголюбскую богоматерь. Все были, даже до ребят, вооружены... Народ бежал к Варварским воротам с дубинами, колыями, топорами, другими убийственными орудиями"³⁶. В письме также рассказывается о разгроме карантинной заставы Чудова и Донского монастыря. "Чернь, отбив карантин из Данилова монастыря и другие карантинные дома, спешила к Донскому монастырю"³⁷. С ужасом вспоминает Н.Н.Бантыш-Каменский гибель

московского архиепископа Амвросия. Он также упоминает об ультиматуме восставших: "...Народ, домогавшийся о распечатании бань, уничтожении карантинных, о дозволении погребать при церквях и о выдаче захваченной их братии"³⁸.

И.Куприянов, публикуя в "Русском слове" вместе с письмом Н.Н.Бантыш-Каменского записку о "Чумном бунте" неизвестного священника, сообщал в примечании: "Имена писавших нам, к сожалению, неизвестны"³⁹. Автора первого письма, как уже упоминалось, назвал П.И.Бартенев, автора второго документа удалось установить нам. Это - архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря Варфоломей. Его авторство подтверждается при сопоставлении текста письма с документами Московской Синодальной конторы. 17 сентября 1771 г. архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря Варфоломей и протоиерей Успенского собора Александр объявили в Синодальной конторе, что, найдя тело архиепископа "...безобразно поверженное, избитое и обогрешное в крови, и хотя видя около тела немалое число подлого народу, преодолев весь страх и уговоря народ"⁴⁰ подняли останки Амвросия и положили в больничную церковь при Донском монастыре. А в письме, опубликованном Куприяновым, есть такие строки: "Правда, что мы от жалости, забыв страх, подняли поверженное тело: где иные плакали, а другие зубами своими скрежетали. Старика донского едва уговорили, чтобы тело приняли в монастырь: боялся, чтоб ему за то не отомстили злодеи"⁴¹. "У меня слава богу, в монастыре и на дворе тихо",⁴² - далее пишет автор письма и добавляет, что хотя чума и не коснулась его монастыря, но ее жертвы есть в Архангельском, Спасском и Успенском соборах. Так мог написать архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря Варфоломей, а не протоиерей Успенского собора Александр, поднимавший вместе с ним тело Амвросия. Впоследствии оба священника в Общем собрании Правительствующего Сената, наряду с другими духовными лицами, участвовали в утверждении приговора над восставшими⁴³.

Очень интересным источником по истории Московского восстания 1771 г. является письмо неизвестного московского высокопоставленного чиновника, напечатанное П.И.Бартеневым

в 16 томе "Архива князя Воронцова"⁴⁴. При публикации этого документа он использовал список, который сейчас хранится в составе уникального по составу и содержанию фонда Воронцовых в Архиве Ленинградского отделения Института истории и назван "Описание о чуме и о бывшем в Москве народном смятении 1771 г."⁴⁵. П.И.Бартенев опубликовал его под названием "Записки очевидца о чуме и о народном смятении". Другой список письма находится в коллекции документов по истории "Чумного бунта". "Далее о моровой язве, свирепствовавшей в Москве, бунте от того в народе, убийстве Московского архиепископа Амвросия и посылке для укрощения мятежа князя Григория Орлова (фонд 6 разряда Госархива, ЦГАДА)⁴⁶. Однако здесь этот источник имеет название "Краткое описание нещаснова по Москве в дополнение к чуме, от бунтовщиков произшествия, нашавшеася в четверк, в вечеру" и отличается от списка, опубликованного П.И.Бартеневым, некоторыми разночтениями. Письмо в собрании Воронцовых не датировано, список в ЦГАДА имеет дату 20 сентября 1771 г. В документе, напечатанном в "Архиве князя Воронцова", упоминается о собрании следственной комиссии, о казни и публичном наказании 10 ноября 1771 г. "Торопились же скорее комиссию кончить и народ успокоить по причине, чтоб пресекали сие зло, другому истреблению, то есть чуме, более спокойных способов помочь и сохранить жизнь оставшихся от чумы: ибо тогда и без следствия комиссии жителей города чума пожиранием жизни жестоко истребляя"⁴⁷. Ничего этого в списке в "Деле о моровой язве" нет. Таким образом, можно предположить, что список письма неизвестного в ЦГАДА является протографом, написанным 20 сентября 1771 г., а список в собрании Воронцовых был дописан автором позже, после окончания следствия и казни.

Еще одна копия Воронцовского списка была нами обнаружена в составе Эрмитажного собрания отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина⁴⁸.

Автор этого письма, разошедшегося в списках, описывает положение в Москве накануне "мятежа". "И по ежедневным в разных местах народным собраниям кучками, довольно приметно

было, что каковую-нибудь опасную городу наглость рано или поздно начнут"⁴⁹. Далее говорится о гибели Амвросия, о распространении восстания по всему городу. "...И так по всей Москве холопы, раскольники, ямщики, фабричные, подъячие и часть артиллерийских служителей, все с добычей ходили по улицам и жителям, благородным людям, отнятием жизни угрожали"⁵⁰. В письме также рассказывается о боях восставших с войсками. "...И так, входя в город, от засевших там, несмотря на его команду, встречен был дубьем и кирпичами... но между тем, пока в Кремле и около одного сражение происходило из числа бунтующих, как бы десятския от полиции, бегая по улицам и по дворам (не смотря, что и по набату довольно известно) повешали, чтоб со двора по два и по три человека на помощь с дубьем и оружием шли скорее к городу". Письмо неизвестного московского чиновника - незаменимое свидетельство о "бунташних днях" в Москве 1771 года.

Замечательный русский врач, один из основоположников эпидемиологии, Данило Самойлович Самойлович был участником борьбы с эпидемией "моровой язвы" в Москве и очевидцем восстания. "Публикуемый ныне труд содержит лишь то, чему я был очевидцем и что я проверил на опыте. Я видел ближе кого-либо губительное действие страшного бича чумы и о нем решился рассказать"⁵², - писал он в предисловии к своей работе "Рассуждение о чуме, производившей в 1771 г. опустошения в Российской империи и особенно в городе Москве". В этом труде Д.С.Самойлович много полемизирует с врачами (Кульманом, Мертексом и др.), которые считали, что болезнь передается по воздуху, а не через прикосновение к зараженным предметам. Он описывает масштабы эпидемии, полную неспособность властей помочь населению в тяжелые дни 1771 г. Так, упоминая о своей работе в больнице Симонова монастыря, Д.С.Самойлович вспоминал: "Там уже было более тысячи больных, и для обслуживания их я нашел всего одного человека"⁵³. А вот как он рассказывает о "Чумном бунте". "Простонародье тогда забунтовалось против всех докторов и лекарей. Я первый попал в руки бунтовщиков, стоявших вблизи Даниловского монастыря. Они схватили меня, избили и допытывались, тот ли

я лекарь, на которого возложена забота о больных этой больницы. Страх умереть такой ужасной смертью вынудил меня, признаюсь, прибегнуть ко лжи, спасшей мне жизнь. Я их уверил, что я всего лишь подлекарь Павловской больницы, вблизи которой я находился, тогда эти разъяренные люди, поверив, что я сказал правду, успокоились и дали мне войти в эту больницу"⁵⁴. Восставшие считали докторов и карантин, куда зачастую попадали наряду с больными и здоровые, виновниками гибели жителей от "моровой язвы". Д.С.Самойлович вспоминал: "Совершенно верно, 15 сентября около 10 часов вечера простой народ стал бунтовать в Москве и на следующий день около 10 часов утра у больницы Данилова монастыря показалась толпа, которая приказала открыть ворота, чтобы выпустить больных, но у других чумных больниц не было скопищ народа... Истинной причиной был не бунт простонародья и не разговоры о мнимом предопределении, в которое никто не верит. Это увеличение числа смертей произошло как раз в то время, когда эпидемия была в среднем периоде развития"⁵⁵.

Разгром карантинных домов, ненависть и недоверие к врачам подтверждают и другие источники. Н.Н.Бантыш-Каменский сообщал, что восставшие требовали: "...чтоб все доктора из города вон убирались, карантинные дома впредь не был"⁵⁶. Это же упоминает и автор письма, опубликованного в "Архиве князя Воронцова". "...Из карантинных изо всех выпустить и оныя уничтожить"⁵⁷. В ЦГАДА, в фонде московской конторы тайных розыскных дел, сохранились некоторые допросы лиц, арестованных по подозрению в участии в "чумном бунте"⁵⁸. Эти документы показывают, что разгром карантинных был одним из главных пунктов обвинения, предъявленного задержанным. Запись показаний почти каждого арестованного оканчивается примерно одинаково: "А 15 сентября ввечеру по набатному колоколу, а и 16 в пятницу при разграблении дома архиерейского и в Донском монастыре при убийстве его, также и на площади с прочими, в обществе митехниками, и при разбитии карантинных не был и никого не знает"⁵⁹.

В фонде Воронцовых в архиве Ленинградского отделения Института истории находится еще один источник, представляющий большой интерес при исследовании Московского восстания 1771 г. — рукопись неизвестного автора 2-ой половины XVIII в. "Анекдоты жизни князя Григория Григорьевича Орлова"⁶⁰. Фаворит Екатерины II, граф, генерал-фельдцейхмейстер, направленный в Москву для "наведения порядка", являлся главным командующим Москвы в октябре-ноябре 1771 г., одним из организаторов следствия над восставшими⁶¹. Он был объявлен "спасителем отечества и Москвы", по возвращении его из Москвы в Гатчину были поставлены деревянные ворота. На них красовалась надпись, восхвалявшая деятельность Г.Г.Орлова во время чумы. Поэт В.И.Майков посвятил ему восторженную оду: "Не тем ты есть велик, что ты вельможа первый"⁶². В фонде Я.Я.Штелина (отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина) сохранилось письмо статс-секретаря П.А.Соймонова к Я.Я.Штелину. В нем, в частности, говорится: "Ее императорское величество высочайше повелеть соизволила сделать рисунок на медаль в честь графа Григория Григорьевича Орлова"⁶³. Рукопись "Анекдоты жизни", опубликованная только в Германии в 1791 г., также является восторженным панегириком деятельности "Екатерининского орла". Она написана после смерти Г.Г.Орлова в 1783 г., но автор, судя по всему, был современником описываемых им событий. Это подтверждает, например, такая фраза: "...Покойный доктор Рингер"⁶⁴, т.е. биограф графа застал доктора Рингера, бывшего в Москве в 1771 г., еще при жизни. В "Анекдотах жизни..." много рассказывается об эпидемии в Москве и во всех бедах обвиняются доктора: "Легко можно было бы воспрепятствовать ей ("моровой язвы" — В.Л.) до Москвы распространению, когда б незнание и неопытность бывших в Москве лекарей этому несчастию не отворяли дверей, из коих каждый мнил быть искуснее другого, а все знали весьма мало"⁶⁵. Зато престарелый фельдмаршал, главнокомандующий П.С.Салтыков, о котором даже Екатерина II писала: "Слабость фельдмаршала Салтыкова превзошла понятие, ибо он не устыдился просить увольнения тогда, когда он своею персоною нужнее тем был, а не отидая

позволения, выехал — чаять можно, забавляться с псами⁶⁶, объявляется автором рукописи "бдительным и честным человеком"⁶⁷. Биограф Г.Г. Орлова приписывает своему герою даже непосредственное участие в подавлении восстания: "Граф, советовавшись долгое время с сенаторами, не нашел других средств, как употребить строгости. И тогда сенатор Ерошкин приказал стоящую при Кремле пушку крепко зарядить картежами, но как по объявлении о том черни и по вторичном ее увещании, она твердо пребывала в своей свирепости, то встречена она была наконец так, что множество оной пали мертвы"⁶⁸. Однако Орлов прибыл в Москву лишь 26 сентября 1771 г.⁶⁹, т.е. через неделю после разгрома "Чумного бунта". Таким образом, достоверность многих фактов, о которых сообщается в "Анекдотах жизни", вызывает сомнение. И тем не менее рукопись, автор которой был современником "бунташных дней" 1771 г., является интересным и ценным источником. Вот как описывает биограф генерал-фельдцейхмейстера положение в городе накануне восстания: "Сии худые распоряжения причинили великие и опасные между жителями роптания, которые, по ревностному изследованию узлав, что сему виновники врачи, а особливо доктор Мертенс, толпами ходили по городу, дабы некоторых из оных поймать и за оное наказать. Пойманных же водили в церковь и принуждали под клятвой оставить медицину"⁷⁰.

Обстановка в Москве была накалена до предела и совершенно вышла из-под контроля городских властей. Об этом свидетельствует и Н.Н. Бантыш-Каменский, и автор письма, опубликованного в "Архиве князя Воронцова", и архивные источники. Предоставляют сведения о выступлениях москвичей в августе-первой половине сентября 1771 г. документы, сохранившиеся в фондах ЦГАДА, — 5 департамента и секретной экспедиции Сената. 29 августа произошло выступление жителей Лефортовой слободы, поводом для которого послужил слух, будто бы больных в госпитале травят мышьяком⁷¹. Солдаты нападали на офицеров и городских чиновников⁷². Военные подразделения, состоявшие в Москве, не внушали доверия правительству. "Также московские военные команды, гвардейския, гарнизонные — оне

до того развратны, что способу поправить их не будет, разве перевести их совсем; ибо их повиновение и дисциплина — слово в слово как чума" — писал Г.Г. Орлов Екатерине II⁷³.

"Заметки неизвестного во французском альманахе 1771 г.", напечатанные в 6 выпуске "Шукинского сборника"⁷⁴, — это краткие записи москвича о событиях в городе. "1771 г. янв. 22 приехали в Москву. Бужацких и Едизанских татар посланцы..."

Авг. 26 пополудни в II часов был великий пожар: в слободе сгорели немецкий рынок и пр.

...Сент. 15 пополудни в 8-м часу учинился в Москве у Варварских ворот против Московского архiereя митеж.

16 поутру убит преосвященный Амвросий Московский у Донского монастыря...

26 сентября в вечеру приехал в Москву для учреждения в разсуждении порядка граф Григорий Григорьевич Орлов"⁷⁵.

"Заметки" подтверждают дату приезда Орлова в город. Кроме этого, сведения о "великом пожаре" 26 августа 1771 г. также характеризуют обстановку в Москве накануне восстания.

В 1909 г. в "Русском архиве" были опубликованы записки сотрудника этого журнала А.А. Васильчикова. В них А.А. Васильчиков приводит рассказ своей бабушки Екатерины Алексеевны Архаровой о событиях 1771 г. Она жила в доме старой княгини Софьи Алексеевны Волконской. "...На дворе у нее всегда дымилась смола, ею обкуривали весь дом, ворота были на запоре, на двор никого не впускали, письма и посылки обкуривали и принимали с большой осторожностью... 15 сентября 1771 г. подлезжает к воротам нашего дома карета преосвященного Амвросия, архиепископа Московского... "И приехал к вам, — сказал он, входя к бабушке, — для того, чтобы немедленно просить вас выехать из столицы"⁷⁶. Это утверждение расходится с письмом Н.И. Бантиш-Каменского о последних днях Амвросия. Скорее всего, мать А.А. Васильчикова, со слов которой он записал рассказ бабушки, перепутала числа, и этот визит был на несколько дней раньше. И все же приезд архиепископа к княгине Волконской с целью убедить ее уехать из города свидетельствует о том, что он понимал всю опасность положения в Москве.

Страшное зрелище, увиденное Е.А.Архаровой на улицах, было для москвичей повседневностью: "Карету нашу зацепила фура, ехавшая навстречу, и что почувствовали мы, когда увидели, чем она была наполнена! Трупы, положенные один на другой, нагие, с разбросанными членами, со свесившимися обезображенными головами. Вид этой фуры поверг нас в ужас невыразимый. Но нам сделалось еще страшнее, когда мы увидели другую фуру, наполненную умирающими... 16 сентября 1771 г. мы выезжали за Калужскую заставу во время вечерен. Поравнявшись с Донским монастырем, мы услышали звон колокола, и все перекрестились... Кто из нас мог тогда подумать, что этот звон был набат, возвещавший волнение народа и мученическую кончину"⁷⁷.

В фонде Тверской губернской архивной комиссии, в Государственном архиве Калининской области М.Ф.Прохоровым была обнаружена записка неизвестного очевидца Московского восстания 1771 г.⁷⁸ Ее автор рассказывает о многолюдных молебнах перед образом, выставленным у Варварских ворот, о попытке воинской команды по приказанию Амвросия запечатать ящик с пожертвованиями, которые стояли возле иконы, о боях с восставшими. "И как воинские команды вошли в Кремль, то на оныя от бунтовщиков многие нападения были, и так принуждено было ис пушек и ружей картечами по них палить, где их в разных местах более 200 побито и несколько под караул взято, а прочие принуждены были ис Кремля выйти... И в том бунте большую часть фабричные и несколько барских холопей, ямщиков, купцов и крестьян"⁷⁹. Многие современники считали фабричных главными виновниками "бунта". "...В нынешнее время, как фабрики здесь все остановлены, то праздноматающихся весьма много", - свидетельствовал автор письма, опубликованного в журнале Новгородской губернской ученой архивной комиссии⁸⁰. 24 августа 1771 г. работы на фабриках Москвы были остановлены. На заседании Мануфактур-коллегии подчеркивалось, что "...если фабричных людей отпустить для частных работ, то оныя, не найдя себе для житья и пропитания мест, могут прийти в беспорядочныя или вредныя поступки"⁸¹. Многие допросы арестованных по подозрению в участии в "бунте" также

показывают, что фабричные вызвали наибольшее подозрение"⁸². Н.Н.Бантыш-Каменский писал: "чернь, состоящая из дворовых людей, фабричных"⁸³.

В этой работе нам хотелось обратить внимание прежде всего на записки современников, еще не привлекавшихся при исследовании Московского восстания 1771 г., а также на новые факты, связанные с изучением свидетельств очевидцев, уже использованных в историографии. Эти источники необходимы для максимально полной реконструкции бурных событий в сентябре 1771 г.

- 1 Алефиренко П.К. Чумной бунт в Москве в 1771 г. - Вопросы истории, 1947, № 4; Бернадский В.Н. Классовая борьба в русском городе в третьей четверти XVIII в. - Ученые записки Ленинградского педагогического института, т. I31, Л., 1957, с. 263-266; Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах, т. I, Л., 1961; Прохоров М.Ф. Московское восстание в сентябре 1771 г. - Русский город, вып. 2, М., 1979 и др.
- 2 Брикнер А. О чуме в Москве в 1771 г. - Русский вестник, 1884, т. 17, № 9-10; Забелин И.Е. Историческое описание Московского Донского ставропигиального монастыря. М., 1893; Соловьев С.М. Москва в 1770 и 1771 гг. - Русская старина, 1876, № 10 и др.
- 3 Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970; Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980 и др.
- 4 История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976, т. I, Введение, с. 4.
- 5 Алексеев П. Описание Московского бунта 1771 года сентября 15 дня. - Русский архив, 1863, № 12.
- 6 Долгова С.Р. Записки очевидца о чумном бунте в Москве в 1771 г. - Советские архивы, 1976, № 6.
- 7 Куприянов И. Материалы для истории чумы в Москве и убиение архиепископа Амвросия. 1771 г. - Русское слово, 1860, № II.
- 8 Куприянов И. Указ. соч.; Ефремов П.А. Материалы для истории чумы в Москве в 1771 г. - В кн.: Памятники Новой русской истории, т. 3, СПб., 1873.

- 9 Снежневский В.И. Письмо очевидца о бунте в Москве во время чумы 15 и 16 сентября 1771 года и о убиении архиепископа Амвросия, Зертис-Каменского. - В кн.: Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т.1, вып.8. Нижний Новгород, 1890.
- 10 Прохоров М.Ф. Записка очевидца о Московском восстании 1771 г. - Советские архивы, 1981, № 6, с.64-65.
- 11 Архив князя Воронцова, кн.16, М., 1880.
- 12 Саблуков А.А. Москва в 1771 году. (Письма А.А.Саблукова к отцу). - Русский архив, 1866, № 3.
- 13 Самойлович Д.С. Рассуждение о чуме, производившей в 1771 г. опустошения в Российской империи и особенно в городе Москве. - В кн.: Самойлович Д.С. Избранные произведения, вып.2, М., 1952.
- 14 Архив ЛОИИ, ф.36, оп.1, д.756.
- 15 Записки неизвестного во французском альманахе 1771 г. - В кн.: Шукинский сборник, вып.6, М., 1907, с.38-39.
- 16 Болотов А.Г. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1773-1795, т.3, СПб., 1873.
- 17 Архаровы. Из памятных записей А.А.Васильчикова. - Русский архив, 1909, кн.1.
- 18 Долгорукий И.М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1874.
- 19 Тартаковский А.Г. Указ. соч., т.31.
- 20 Там же, с.29.
- 21 Бантыш-Каменский Д.Н. Жизнь преосвященного Амвросия, архиепископа Московского и Калужского, убиенного в 1771 г. М., 1813.
- 22 Куприянов И. Указ. соч.
- 23 Русский архив, 1863, № 12, с.917.
- 24 Ефремов П.А. Указ. соч.
- 25 ЦГАДА, ф.196, оп.1, д.671, л.1-7.
- 26 ЦГАДА, ф.199 (Портфели Миллера), № 151, д.1, ч.1.
- 27 Болотов А.Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1773-1795. Т.3, СПб., 1873, с.8.
- 28 Там же, с.16.
- 29 Там же, с.14.
- 30 ЦГАДА, ф.199, № 151, ч.1, д.1, л.93.
- 31 Архив Государственного совета, т.1, ч.1, СПб., 1869, с.414.
- 32 ЦГАДА, ф.264, оп.7, д.28, л.202.

- 33 Там же, ф.246, оп.44, д.3892.
- 34 Долгорукий И.М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1874, с.256.
- 35 ЦГАДА, ф.199, № 151, ч.1, д.1, л.93.
- 36 Там же, л.95.
- 37 Там же, л.98.
- 38 Там же.
- 39 Куприянов И. Указ. соч., с.265.
- 40 ЦГАДА, ф.1183, оп.1, ч.17, д. 250, л.6.
- 41 Куприянов И. Указ. соч., с.263.
- 42 Там же.
- 43 Зерцалов А.Н. Указ. соч., с.366.
- 44 Архив князя Воронцова. М., 1890, кн.16.
- 45 Архив ЛОИИ, ф.36, оп.1, д.645, л.88-94.
- 46 ЦГАДА, Госархив, 6 разряд, д.410, л.1-4 об.
- 47 Архив князя Воронцова, с.
- 48 РО ГПБ им.М.Е.Салтыкова-Щедрина. Эрмитажное собрание, № 530, л.2-5 об.
- 49 Архив князя Воронцова, с.457.
- 50 Там же, с.465.
- 51 Там же, с.467.
- 52 Самойлович Д.С. Указ. соч., т.2, с.9.
- 53 Там же, с.106
- 54 Там же, с.107-108.
- 55 Самойлович Д.С. Указ. соч., с.128-129.
- 56 Ефремов П.А. Указ. соч., с.309.
- 57 Архив князя Воронцова, с.360.
- 58 ЦГАДА, ф.349, оп.1, д. 155.
- 59 Там же, л.67.
- 60 Архив ЛОИИ, ф.36, оп.1, д.756.
- 61 Барсуков А.П. Жизнеописание князя Г.Г.Орлова. - Русский архив, 1873, № 2; Голомблевский А.А. Биография князя Г.Г.Орлова. М., 1904.
- 62 Сочинения и переводы В.И.Майкова. СПб., 1867, с.104.
- 63 ОР ГПБ, ф.871, д.681, л.1.
- 64 Архив ЛОИИ, ф.36, оп.1, д.756, л.45.
- 65 Там же, л.44 об.
- 66 РИО, т.13, СПб., 1874, с.179.

- 67 Архив ЛОИИ, ф.36, оп.1, д.756, л.45.
68 Там же, л.54 об.-55.
69 РИО, т.7, СПб., 1874, с.193.
70 Архив ЛОИИ, ф.36, оп.1, д.756, л.43 об.
71 ЦГАДА, ф.263, оп.1, д.1671, л.2.
72 Там же, ф.248, оп.113, д.1733, л.51 об.-52.
73 РИО, т.7, СПб., 1874, с.204.
74 Шукинский сборник, вып.6, М., 1907, с.493.
75 Там же.
76 Русский архив, 1909, кн.1, с.11.
77 Там же.
78 Прохоров М.Ф. Записки очевидца о Московском восстании 1771 г. - Советские архивы, 1981, № 6.
79 Там же.
80 Снежневский В.И. Указ. соч., с.358.
81 ЦГАДА, ф.277, оп.1, д.118, л. 316.
82 ЦГАДА, ф.349, оп.1, д.7155.
83 Ефремов П.А. Указ. соч., с.308.

А.В.Буганов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
О ВОЙНЕ 1812 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Национальному самосознанию принадлежит важная роль в процессе жизнедеятельности этноса (нации). Разработка данного понятия, выявление нужного круга источников является неперенной задачей при изучении истории и современной жизни этнических общностей. Исследование проблемы национального самосознания в советской исторической науке началось с конца 40-х гг. Силами крупнейших советских историков и этнографов велась теоретическая разработка проблемы.¹ Положительным результатом явилось довольно прочное закрепление за самосознанием (в той или иной формулировке) значения одного из существенных компонентов этноса.

Определенным этапом в изучении этого вопроса явилась дискуссия по поводу определения термина "нация", развернувшаяся в конце 60-х гг. на страницах журнала "Вопросы истории".² С конца 60-х гг. теоретическая разработка сопровождалась эмпирическим изучением национального самосознания в условиях социализма.³

Для всестороннего освещения проблемы требуется охват более широкого круга вопросов, возникающих при исследовании этого компонента этноса. Так, практически незатронутым исследователями остается изучение национального самосознания в историческом аспекте. Историческая постановка проблемы позволит выяснить, в какой мере национальное самосознание было присуще русскому народу в те или иные периоды истории, каким классам, общественным слоям было свойственно осознание национального единства, национальных интересов в большей степени и многие другие вопросы.

Поднимая проблему изучения глубоких исторических корней патристических традиций, А.А.Преображенский указывает на возможность проследить "на базе уже известного фонда источников и заключенных в них фактических данных",⁴ существовала

ли в сознании людей историческая связь между рядом эпизодов освободительной борьбы русского народа, иными словами, имела ли место живая связь времен в памяти народа. Понятно, что при подобной постановке вопроса, затрагивающей сферу общественного сознания, особая роль в разработке проблемы патриотических традиций принадлежит различного рода фольклорным источникам.

Выступая в качестве средства информации о разнообразных фактах народной жизни, фольклор тем самым служит основой изучения многих ее областей. Л.Н.Пушкарев отметил свойственную фольклору устойчивую систему художественных образов, "своеобразно и неповторимо отображающих реальную жизнь".⁵ В этой системе заключена эмоциональная оценка действительности, которая, как пишет автор, "порой больше дает исследователю для характеристики взглядов и чувств народа, чем точные фактические данные, заключенные в письменных источниках".⁶ По замечанию К.В.Чистова, в фольклоре отражается, как правило, "не историческая действительность в прямом и точном смысле этого слова, а народное отношение к ней, определенный тип и способ ее понимания и художественной обработки".⁷ Привлечение произведений устного народного творчества, таким образом, представляет несомненный интерес для изучения национального самосознания. Утратив в определенной степени точные сведения о хронологии событий, фактов и т.п., фольклорные источники, как правило, дают оценку и осмысление народом исторических событий.

Очевидно, что каждый из жанров народного творчества, будь то исторические предания, былины, исторические песни и др., имеет свои законы развития, обладает качественным своеобразием в отображении явлений действительности. Выбор военно-исторических песен в качестве источника для изучения национального самосознания русского народа неслучаен. Представляется, что военно-исторические песни дают наиболее полное представление о характере и степени развития национального самосознания. Объяснить это можно рядом причин.

Как известно, степень развития национального самосознания во многом зависит от этнической ситуации, т.е. от

"интенсивности и характера взаимоотношений между контактирующими этносами".⁸ Изучение народного творчества времен вооруженных конфликтов, войн между народами показательно с точки зрения развития самосознания, поскольку в эти периоды истории особенно интенсивно идет процесс осмысления общенациональных, патриотических задач и интересов.

Историческая песня формируется в жанр в XVI в.⁹ в тесной связи с рождением единства государственного сознания. Именно объединение Руси, создание Русского государства приводит к расцвету исторической песни. Можно сказать, что в становлении песни определяющую роль сыграла героико-патриотическая тема. На всем протяжении существования исторических песен основное внимание в них уделяется внешнеполитической истории, прежде всего войнам, т.е. тем периодам, когда защита Отечества, национальных интересов выступает на передний план. В этом заключается одно из отличий исторических песен от других видов фольклора, в частности, от исторических преданий, основная проблематика которых — социальная.¹⁰ О предпочтительности выбора исторических песен для изучения национального самосознания говорит и то, что им свойственен обобщенный характер художественного изображения исторических событий и лиц. Песни, по сравнению с теми же преданиями, гораздо менее заинтересованы в точной локализации явлений действительности, частное отступает на второй план. Для песни важна передача общего настроения, общей оценки.

По замечанию В.Я.Проппа, "историзм исторических песен состоит не в том, что в них правильно выведены исторические лица и рассказаны исторические события или такие, которые народ считает действительными. Историзм их заключается в том, что в этих песнях народ выражает свое отношение к историческим событиям, лицам и обстоятельствам, выражает свое историческое самосознание..."¹¹

За время своего существования исторические песни прошли несколько ступеней развития. Характер песен зависел как от эпохи, в которой они создавались, так и от среды, которая их создавала. Известен ряд циклов исторических песен.¹²

С момента образования регулярной армии в русском фольклоре появляется особый вид исторических песен, созданных солдатами. Это военно-исторические песни XVIII-XIX вв. Начиная с песни о Полтавском бое, все войны сопровождаются созданием солдатских песен. Постепенно именно военно-исторические песни становятся основными в русской исторической поэзии. В значительной мере это объясняется вовлечением широких крестьянских масс в военно-политическую жизнь государства в XVIII-XIX вв. Участие русских крестьян в войнах двух веков порождает массовое поэтическое творчество и, прежде всего, в песенном жанре.

В советской литературе предпринимались отдельные попытки исследования военно-исторических песен. Занимались этим в основном фольклористы. Естественно, круг рассматриваемых ими вопросов — преемственность тематики, жанров песен, художественные средства изображения и др. — был иным, нежели тот, который может в первую очередь заинтересовать историков, этнографов.¹³ В ряде работ освещались и некоторые вопросы, имеющие отношение к изучению общественного сознания крестьянства первой половины XIX в.

В дооктябрьский период вопросы народного творчества эпохи Отечественной войны 1812 года получили отражение в литературе, вышедшей к 100-летию юбилею войны. В статье В.В.Калаша¹⁴ разбирались отдельные сюжеты песен этого цикла, проводилась идея преемственности образов главных героев от деятелей более ранних периодов истории (например, Платов выступал наследником Румянцева, Краснощекова). Автор делает вывод о том, что "чисто народных песен об Отечественной войне, за исключением некоторых вариантов и поздних contamination нескольких сюжетов, очень мало... что Отечественная война попала под уклон народной исторической песни".¹⁵ С подобным выводом трудно согласиться. Следует учитывать, что эта "сравнительная бедность сюжетов" предполагает, как писал в 1913 г. Л.Ильинский, "... и силу, и количество пережитых впечатлений".¹⁶ Быстрота развернувшихся в период войны событий не давала времени на осмысление отдельных воспоминаний и впечатлений. "Обобщение, отвлечение от конкретных фактов

войны душевных переживаний¹⁷ составляет, по мысли автора, неотъемлемую часть всех песен о войне 1812 г. В связи с этим в песнях получали отражение наиболее сложные, важные для общего хода войны события. В качестве возражения В.В.Каллашу можно также упомянуть факт недостаточного и в значительной мере случайного собирания фольклора в XIX в. (полнее всего были представлены исторические песни, записанные в 30-х гг. XIX в. П.В.Киреевским).

В послеоктябрьское время тема народного творчества, относящегося к войне 1812 г., получила дальнейшее развитие в работах советских фольклористов — Э.С.Литвина, В.Ю.Крупянской, В.И.Чичерова, Л.С.Шептаева и др.¹⁸

Исследователи сошлись во мнении, что фольклор об Отечественной войне 1812 г. — важный материал для "решения проблемы отбора и поэтического отражения исторических фактов в народном творчестве".¹⁹ Наиболее интересными с точки зрения изучения "народного исторического мирозерцания" представляются работы Э.С.Литвина. Автор отметил многообразие как по жанру, так и по бытованию произведений фольклора, в котором отразилась эпоха Отечественной войны. Он выделил и вкратце охарактеризовал основные сюжетные линии, главных действующих лиц исторических песен этого времени. Несмотря на преимущественное внимание авторов к вопросам фольклора и фольклористики, в названных работах содержится ряд ценных наблюдений и замечаний с точки зрения исторического изучения песен, отражения в них исторических представлений народа. Исследователями в той или иной форме были сделаны выводы о том, что в песнях о 1812 г. "отчетливо проступает самосознание русского народа как единого целого".²⁰

Военно-исторические песни привлекались исследователями также как источники по социально-политической истории, для изучения быта русской армии и т.д.²¹ В аспекте изучения национального самосознания попыток исследования военно-исторических песен не предпринималось. В данной работе рассматриваются источники возможности цикла военно-исторических песен об Отечественной войне 1812 г. для решения именно этой проблемы.

Песни о войне 1812 года представляют собой последний крупный цикл исторических песен.²² В смысле количества сюжетов, степени распространения этот цикл не уступает таким классическим циклам, как песни об Иване Грозном, восстаниях Степана Разина, Емельяна Пугачева. С точки зрения осознания крестьянами своих национальных интересов, самосознания русского народа как единого целого, цикл песен о 1812 г. представляется важным, прежде всего, в силу характера самой войны 1812 года. "Напряженная борьба насмерть с Наполеоном, — писал В.Г.Белинский, — пробудила дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она доколе сама в себе не подозревала".²³ Отечественная война явилась проявлением возможностей народа как творца истории и показала, что патриотизм народа, мужество армии — главные причины победы.

Источниковую основу данной статьи составили публикации военно-исторических песен о войне 1812 г. в четвертом, заключительном сборнике русских исторических песен,²⁴ представляющем собой сводку печатных источников XIX—XX вв.,²⁵ дополненную архивными материалами.

Основное место среди песен о войне 1812 г. занимают песни о Бородинском бое, о разорении Москвы Наполеоном и о пожаре Москвы, о Москве и Париже, об изгнании французов, освобождении Смоленска, о Кутузове, Платове. Наиболее полно изображены в песнях события, непосредственно затрагивавшие весь русский народ. Гораздо меньше сюжетов посвящено времени, предшествовавшему вторжению французов в Россию (кампания 1806—1807 гг.), а также походам 1813—1815 гг., когда военные действия происходили за пределами России. Анализ бытования песен о походах 1813—1815 гг. — преимущественно в казачьих станицах — лишний раз подчеркивает их относительно узкий, по сравнению с основным песенным материалом, характер.²⁶

В аспекте поставленной проблемы представляет интерес наличие в текстах песен того или иного этнонима, выражения осознания национальных интересов. Не менее важно определить круг исторических событий, исторических лиц в народном песенном творчестве. Наконец, вопрос широты бытования песен

данного цикла также имеет прямое отношение к характеристике уровня национального самосознания.

Наглядным внешним выражением этнического самосознания является этноним. Возникновение у этнической общности отчетливого самосознания находит выражение в общем самосознании, которое, как правило, сохраняется и в дальнейшем ходе этнической истории. В песнях о 1812 г. преобладающим остается традиционное, характерное для песен XVIII в. изображение русского народа как "силы рассейской". Например, в песне XVIII в. об осаде Очакова поется: "Наехала наша сила росейская..."²⁷, в песне о 1812 г. "...валит сила российская со всех сторон, со всех четырех..."²⁸ Однако, все чаще, по сравнению с песнями более ранними, солдаты называют себя "россиянами", русскими солдатами:

"Спомни, спомни, россияне,
Что несчастны мы теперь..."²⁹

"Французы из Москвы бежали,
Солдаты русские их провожали...
Воинов российских
Что может унять?"³⁰

Эта малозаметная, но все же прослеживаемая тенденция к обозначению себя более определенным этнонимом весьма характерна для песен о 1812 г.

Рассматриваемые песни, являясь произведениями массового песенного творчества, служат источником для изучения общности русского народа начала XIX в. Самосознание какой-либо большой общности содержит ряд элементов,³¹ которые могут по-разному проявлять себя в отдельные периоды истории. Это представления и об определенной идентичности всех членов общности, и о типичных чертах "своей" общности. С ними тесно связано осознание своих этнических (национальных) интересов. Думается, что при изучении национального самосознания больших этнических общностей первоочередное значение следует придавать именно осознанию народом своих национальных интересов. При этом следует учитывать, что существует тесная связь между этническим самосознанием и сознанием государственной принадлежности. Уже в песнях XVIII в. возникает тема

защиты не только родной земли, как это было в песнях более раннего периода, но и Московского государства как единого целого. Так, в песне о М.В. Скопине-Шуйском, сражавшемся в 1603-1610 гг. с поляками и войсками Лжедмитрия II, поется:

"А из сильна царства Московского
И великого государства Российского
А Скопин князь Михайла Засильевич,
Он правитель царству Московскому
Обережатель миру крещеному
И всей нашей земли святорусския..."³²

Намечается слияние государственных и национальных интересов русских, поскольку социально-экономический организм (Русское государство) и этнос (русские) совпадают. Происходит также слияние этнического чувства и чувства патриотизма. Как отмечал В.И. Ленин, "патриотизм - одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств".³³

В песнях о войне 1812 г. образ Родины имеет четко выраженный характер. Практически во всех песнях встречается поэтическое олицетворение русской земли, русского государства, ради которых идет война. Это и "Россишка", и "мать-сторонка". От образа всей страны, России неотделим образ Москвы. Москва - "всей Россешке красота"³⁴ - символизирует в народном представлении судьбу всей России:

"На горынке, на горе
На высокой, на крутой,
Тут построена каменна Москва -
Всей Россешке Москва - красота,
Всей губерньшке Москва - голова,
Королечкам Москва - честь-хвала".³⁵

Угроза врага Москве - это угроза всей России:

"Обещался наш французик,
Вор-французик,
Россежку взять,
В Москве постоять".³⁶

Пониманием роли и значения Москвы как сердца России объясняется широкая распространенность песен, омет которых

основан на противопоставлении Москвы и Парижа. Москва в песнях "получше, пославнее, покраше, почестнее...", чем Париж.

С осознанием национального единства, защиты своей земли, своего государства неразрывно связана тема защиты православной веры. А.И.Кузьмин высказывает мысль о том, что, если в народном искусстве XIV-XVII вв. защита Родины понималась прежде всего как защита христианской веры, то в исторических песнях XVIII в. "русский солдат... не отличается ни религиозностью, ни суеверием".³⁷ Со столь категорично однозначным определением нельзя согласиться. В песнях XIX в., как и в песнях XVII-XVIII столетий, тесно переплетаются чувство национальное, патриотическое и осознание конфессиональной общности русского народа. Эти составляющие понятия "самосознания" находятся в постоянном взаимодействии и могут меняться в зависимости от конкретно-исторической ситуации. Вероятно, по мере укрепления государственности, большего вовлечения народных масс в общеполитическую жизнь государства (что и происходит в периоды войн) повышается удельный вес патриотического чувства. Однако, как уже отмечалось, в русских исторических песнях XVI-XIX вв. тема защиты "родной земли", "Родины", "православной веры" трудноразделимы, что объясняется как причинами исторического характера, так и традициями песенного фольклора.

Не случайно в "народном ответе" врагу образ Москвы как символ национальный, патриотический взаимосвязан с символом православия:

"Не бывать тебе, злодею,
В нашей каменной Москве
Не снимать тебе, злодею
Золоты главы с крестов".³⁸

В песнях 1812 г. подчеркивается несправедливый, захватнический характер войны со стороны французов. Созданный в песнях эпический образ врага - будь то Наполеон или "французик", - как правило, связан в народном представлении с эпитетом "вор":

"Разорена путь-дорожка от Можая до Москвы",
Разорил - те путь-дорожку неприятель вор-французик".³⁹

Говоря о характере песен, отражающих события после отступления Наполеона из Москвы, следует отметить часто присутствующий им сатирический характер. Теперь, когда самое страшное позади, в центре внимания - бесславное бегство неприятеля из города. Даже в уста врага вкладывается понимание бесполезности захватнической войны, осознание им своего поражения:

"Растужилась-расплакалась
Французская сила:
Говорили мы ему, собаке:
Полно воевати,
Полно воевати, силушку меряти.
Московское войско храбро,
Сильно и могучё,
Мы в Москве-то побывали
Париж прозевали.
Париж прозевали, Сибирь спознали!"⁴⁰

В народном представлении "вор-французик" - не единственный источник бедствий, обрушившихся на Россию. В песнях о войне 1812 г., в частности о разорении Москвы, широко разработана тема измены господствующего класса. В сущности, неважно, вызвано ли обвинение в измене деятельностью конкретных "господ":

"Он (Наполеон - А.Б.) не сам в Москву входил -
Граф Каменский приводил...

Он и продал... Москву

За три бочички песку..."⁴¹ - или Москву "предает генерал". Главное состоит в том, насколько прочно укоренилось в народном сознании представление о предательстве правящих верхов. Это уже - враг внутренний. Изображение "князей-бояр" рядом с "вором-французиком" весьма интересно с точки зрения тематики песен, наличия в ней, начиная с XVI в., двух тем: военно-исторической и социально-исторической. С XVII в. идет процесс очевидного сближения этих направлений, которое в песнях о войне 1812 г. прослеживается весьма отчетливо.

Принцип выбора в песнях событий войны 1812 г. проявляет такую особенность национального самосознания, как избирательность. Она видна уже из краткого перечня сюжетов: Бородинская битва, разорение Москвы, освобождение Смоленска, переправа через Березину были в первую очередь отражены в общенародных по своему значению и распространению произведениях. Не называя имен участников сражений, хронологических дат, песни дают общую картину сражений, осознание этих событий как моментов, знаменующих изгнание врага из пределов России. В песнях изображались те исторические события, которые играли ключевую роль в войне, наиболее драматичные моменты, требующие объединения всех русских сил для борьбы с врагом.

Песни о 1812 г. дают также возможность выявить отношение народа к определенному кругу исторических лиц, деятелей этой эпохи.

Образ царя по-прежнему занимает существенное место в песнях начала XIX в. Во многих из них Александр I, подобно своим предшественникам, изображается как символ национального достоинства:

"Все стояли бы да, мол,
Сила за царя..."⁴²

Однако, характер изображения царя меняется. В песнях о 1812 г. Александр I несколько отличается и от Ивана Грозного, и от Петра Великого. Это уже не "наш государь-царь", "государь наш батюшка" Петр I, который вместе со своими "детушками-солдатушками" готовится встретить шведского короля.⁴³ Трудно судить, можно ли говорить о "тенденции снижения образа царя", как считают некоторые исследователи".⁴⁴ Однако, следует признать, что все же характер изображения скорее демонстрирует дань традиции, нежели признание реальных заслуг царя, его роли в защите Отечества. От угроз Наполеона "наш православный царь призадумался...", его царская персонушка переменялась".⁴⁵ Успокаивает, ободряет царя Кутузов. Подобное противопоставление царя и народного полководца не случайно. Начиная со второй половины XVIII в. возглавлявший армию полководец (например, Суворов) рисуется с большой

симпатией и уважением, чем царь и верховная знать.

В цикле песен о войне 1812 г. основными представителями русского народа, защитниками его интересов выступают военачальники — фельдмаршал Кутузов и казачий атаман Платов.

После того, как 8 августа 1812 г. главнокомандующим русских войск был назначен Кутузов, личность этого полководца приобрела исключительную популярность в народе и армии. После Суворова Кутузов был, пожалуй, самым популярным среди солдат русской армии. В песнях на сюжет "Французский король пишет письмо Александру" Кутузов изображен полководцем, уверенным в правоте своего дела — защиты родной земли:

"Перед ним (царем — А.Б.) стоял генералушка — сам
Кутузов

Уж он речь-то говорил, генералушка,

Словно как в трубу трубил:

"Не пужайся ты, наш батюшка, православный царь!

А мы встретим злодея среди пути.

Среди пути, на своей земле..."⁴⁶

Кутузов показан здесь как человек, смотревший на задачи войны глазами простого народа. Защита родной земли была насущной потребностью широких народных масс. Именно это определило превращение войны 1812 г. во всенародную, отечественную, национальную.

Другим не менее известным героем песенного творчества рассматриваемого цикла являлся казачий атаман Платов. Для оценки образа Платова как героя 1812 г. важен в первую очередь не факт создания песен о нем преимущественно в казачьей среде, но факт бытования этих песен по всей России. Казаки сражались на Бородинском поле, принимали участие в партизанской войне, их борьба с врагом являлась частью всенародного, общерусского дела. Именно в этом причина признания личности Платова. Подобно тому, как уверенность Кутузова противопоставляется растерянности царя, мужество, ловкость Платова выгодно отличаются в народном представлении от неспособности царских чиновников повлечь за собой войну:

"Расплакались-растужились ваши сенаторы.

Вы не плачете, не тужите, нам Платов пособит..."⁴⁷

Образы народных героев — Кутузова и Платова, как правило, даются в песнях в противопоставлении представителям господствующего класса. В этом сказались как демократические традиции народного эпоса в целом, так и оценка деятельности этих героев, их роли в защите родной земли.

Естественно, что и Кутузову, и Платову присущи своеобразные черты. Кутузов — это больше мудрый полководец, организатор победы; содержанию песен о Платове более свойственен благожелательно-имористический оттенок (сюжет "Платов в гостях у француза"). Однако, главное в обрисовке характеров, натур — их любовь к Родине. Прежде всего, они — выразители общенародных чувств и переживаний.

Образ народа, народа-защитника русской земли является, начиная уже с ХУП в., главным героическим образом массового творчества. В песнях ХУП в. все чаще описываются подвиги казаков. Героем большинства военно-исторических песен в ХУШ в. и, особенно, в начале XIX в., является народ, солдаты, а не отдельные личности. В песнях о войне 1812 г. собирательный образ солдатской массы выступает в качестве основной силы, отразившей врага. Неприятеля "ждет к себе в гости... росейская сила", изгоняет его из родной земли "армеюшка", "солдатушки".⁴⁸

Этот собирательный образ народа, солдатской массы, борющихся за Москву, за Россию, — основной герой песен о войне 1812 г.

В военно-исторических песнях о войне 1812 г. отчетливо проступает единое самосознание русского народа. Местные, локальные интересы отступают на второй план. Изредка в песнях встречаются названия тех мест, где песня была записана и, возможно, создана. Но это не больше, чем простое упоминание рядом с Москвой, Россией:

"Распрекрасная Москва —

Всей России красота...

На бумажке списана,

В Симбирск-город прислана".⁴⁹

В центре изображения песен, независимо от места их создания, остается судьба России как единого целого. Осознание общенациональных интересов явно преобладает над возможным местным влиянием.

Сделать подобный вывод позволяет и краткое рассмотрение вопроса о бытовании песен. Необходимость обращения к этому вопросу объясняется тем, что территория распространения песен, время, длительность их бытования являются достаточно убедительными показателями места событий в сознании народа.

Сразу же следует оговорить те трудности, которые возникают при исследовании данного вопроса. Изучая песни, записанные во второй половине XIX в., часто бывает нелегко определить к какому периоду отнести изображенные в них события (ведь возможны и наслоения, и более поздние вставки). В данном случае важен фольклористский анализ. Представляют сложность для рассмотрения такие вопросы, как ранние и поздние границы цикла песен, степень массовости распространения. Основная причина этих трудностей состоит в уже упоминавшемся неполном и недостаточно целенаправленном характере собирания песен в XIX в. С учетом указанных обстоятельств представляется все же возможным сделать некоторые замечания по данному вопросу.

Анализ бытования песен о 1812 г. в России в течение XIX в. приводит к выводу о невозможности соотнесения песен с определенными территориями и временными рамками. Большая степень распространения песен в каких-либо определенных пространственно-временных параметрах (например, в Московской, Симбирской, Рязанской губерниях в 30–40-е годы XIX в.) объясняется опять-таки конкретными особенностями процесса сбора и записи песенного материала (более интенсивный, по сравнению с другими губерниями, характер записи песен П.В.Киреевским, Языковыми в этих губерниях в 30–40-е годы).

По выявленным нами материалам, песни о войне 1812 г. записывались в 23 губерниях. В основном это территории центра России, от побережья Белого моря на севере до Курской области на юге, от района Смоленска до приволжских земель в направлении с запада на восток.⁵⁰ Как правило, песни в

близких вариантах бытовали среди крестьян различных, зачастую отдаленных друг от друга территорий. Например, из собрания П.В.Киреевского известно 8 вариантов песни "Разоренный путь-дорожка".⁵¹ Она была записана в 30-40-е гг. в: 1) деревне Воронки Звенигородского уезда Московской губернии, 2) селе Даньково Рязанской губернии, 3) Тотемском уезде Вологодской губернии, 4) Симбирской губернии, 5) Тверской губернии, 6) Тамбовской губернии, 7) селе Колпно Малоархангельского уезда Орловской губернии, 8) г.Твери.⁵² В архиве Географического общества СССР сохранилась запись этой песни в селе Кетово Нижегородского уезда Нижегородской губернии, сделанная в 1854 г.⁵³

Наибольшие сведения о бытовании песен в крестьянской среде дали, как уже отмечалось, 30-40-е гг. В последующие десятилетия собрания песен, подобного труду П.В.Киреевского (им было собрано около 10 тыс. песен), не предпринималось. Тексты, записанные в 1850-1900-х годах, издавались в различных сборниках и отдельных публикациях.⁵⁴ Записи второй половины XIX в. свидетельствуют о том, что военно-исторические песни о войне 1812 года продолжают бытовать среди крестьян, "сохраняют большое значение в общем народно-поэтическом репертуаре".⁵⁵

В заключение можно сказать, что военно-исторические песни о войне 1812 г. отражают весьма широкий круг вопросов, военно-героическая тема тесно переплетается в них с социальной. Главным в песнях является защита России от внешнего врага. В сознании народа отчетливо прослеживается понимание национального долга, его растущее самосознание.

Военно-исторические песни о войне 1812 г. являются ценным источником для изучения национального самосознания народных масс. Использовать их следует в сочетании с другими жанрами исторического фольклора - преданиями, легендами. Важно привлечение и таких источников, как рассказы очевидцев (в том числе, и рассказы самих крестьян) о войне 1812 г.⁵⁶ Весьма интересным и малоизученным источником для изучения данного вопроса являются ответы на анкеты различных научных обществ, например, ответы на анкету Русского

Географического общества (середина XIX в.); большой круг вопросов, в той или иной степени касающихся национального самосознания, круга исторических представлений народа, освещают документы фонда В.Н.Тенишева в Государственном музее этнографии г.Ленинграда, представляющие собой ответы на "Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России" конца XIX в.

При условии использования военно-исторических песен параллельно с другими видами источников, на базе конкретно-исторического материала возможно получение объективной картины исторических представлений народа, степени развития его национального самосознания.

-
- I См.: Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель. - Краткие сообщения Института этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая, 1949, УШ; он же. Этнические территории и этнические границы. - Труды Института этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая. М., 1951, нов.серия, т.ХУ; Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. - Советская этнография, 1967, № 4; Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) - Вопросы философии, 1964, № II; Козлов В.И. О понятии этнической общности. - Советская этнография, 1967, № 2; он же. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. - Советская этнография, 1974, № 2; Чистов К.В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. - Советская этнография, 1972, № 3; Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. - Проблемы теории и методологии. М., 1981; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; он же. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981; он же. Этнос и этнография. М., 1973; Дробужева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития. - Советская этнография, 1985, № 5.
 - 2 См.: К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации. - Вопросы истории, 1970. № 8.
 - 3 См.: Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977; Клементьев Е.И. Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР). Автореферат канд. дис. М., 1971; Кожанов А.А. Методика исследования национального самосознания (опыт разработки по материалам Карельской АССР). Автореферат канд. дис. М., 1979.

- 4 Преображенский А.А. Помня свое отечество. - Вопросы истории, 1985, № 1.
- 5 Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с.98.
- 6 Там же.
- 7 Чистов К.В. Фольклор и этнография. - В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с.8.
- 8 Бромлей Ю.В. Очерки, с.196.
- 9 О формировании жанра исторической песни см. вводную статью Б.Н.Путилова к тому "Исторические песни XIII-XVI вв." М.-Л., 1960.
- 10 См. об этом подробнее: Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970, с.231.
- 11 Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избр. статьи. М., 1976, с.120.
- 12 См. об этом подробнее: Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора. - Русская литература, 1964, № 4.
- 13 См. Азадовский М. Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978; Емельянов Л. Историческая песня и действительность. - Русский фольклор. М.-Л., 1966, X; Пропп В.Я. Указ соч. и др.
- 14 Каллаш В.В. Отечественная война 1812 г. в русской народной поэзии. - В изд.: Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1912, т.5, с.172-174.
- 15 Там же, с.174.
- 16 Ильинский Л. Война 1812 года в народной песне. - Русский филологический вестник, 1913, № 1, с.98.
- 17 Там же, с.100.
- 18 См.: Литвин Э.С. Отечественная война 1812 г. в русских народных песнях. - Славянский фольклор. Труды Института этнографии им.Миклухо-Маклая, нов.серия, т.13. М., 1951; он же. Отечественная война 1812 г. в народном творчестве. М.-Л., 1955, т.2, кн.1, с.227-273; он же. Русская историческая песня пер.половины XIX в.-В сб.: Исторические песни XIX в. Л., 1973; Крулянская В.Ю., Чичеров В.И. 1812 г. в народном творчестве. - Народное творчество, 1937, № 8, с.10-13; Чичеров В.И. Русские исторические песни. - В сб.: Исторические песни. (Библиограф. поэта. Мал. серия) Л., 1956; он же. Русское народное творчество. М., 1959; Исторические песни. Изд. 2-е. Вступ. ст. Шептаева Л.С., 1952, с.40-46.
- 19 Литвин Э.С. Отечественная война 1812 г. в русских народных песнях, с.94.
- 20 Чичеров В.И. Русские исторические песни, с.62.

- 21 См. Джанумов С. Отражение военно-исторических событий к.ХУП-н.ХУШ вв. в песнях о взятии Азова и Северной войне. - Ученые записки. Моск. обл. пед. ин-та, т.289; Русская литература, вып.14. М., 1971; Кузьмин А.И. Военная тема в народных песнях ХУШ в. - Известия АН СССР, Серия литературы и языка, т.27, вып.1. М., 1968; Потявина Н.В. Солдатские исторические песни ХУШ в. - В кн.: Сибирский фольклор, вып.3. Науч. труды Новосибирского гос. пед. ин-та, вып.129. Новосибирск, 1976; Пушкарев Л.Н. Солдатская песня - источник по истории военного быта русской регулярной армии ХУШ-1 пол. XIX в. - В кн.: Вопросы военной истории России ХУШ-1 пол. XIX вв. М., 1969; Соколова В.К. Предания и историко-песенный фольклор. - В кн.: Русские исторические предания, с.225-248 и др.
- 22 Литвин Э.С. - Русская историческая песня I пол.XIX в.
- 23 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М., 1955, т.УП, с.269.
- 24 Исторические песни XIX в., Л., 1973.
- 25 См. Песни, собранные П.В.Киреевским. Вып.8, М., 1870; вып.9, М., 1872; вып.10, М., 1874; Истомин Ф.М. и Дютин Г.О. Песни русского народа, собранные в Архангельской и Словецкой губерниях в 1886 г. СПб., 1894; Миллер В.Ф. Исторические песни русского народа ХУ1-ХУШ вв. СПб., 1915; Исторические песни (Сборник. Вступ. статья Чичерова В.И.) и др.
- 26 См. Литвин Э.С. Отечественная война 1812 г. в русских народных песнях, с.94-95.
- 27 Исторические песни ХУШ в., Л., 1971, с.259, № 479.
- 28 Исторические песни XIX в., с.72, № 102.
- 29 Там же, с.77-78, № 110.
- 30 Там же, с.56, № 60.
- 31 См. Бромлей Ю.В. Очерки, с.176.
- 32 Исторические песни ХУП в. М.-Л., 1966, с.49, № 32.
- 33 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.37, с.190.
- 34 Исторические песни XIX в., с.67, № 88.
- 35 Там же, с.53, № 53.
- 36 Там же, с.72, № 102.
- 37 Кузьмин А.И. Указ. соч., с.24.
- 38 Исторические песни XIX в., с.63, № 78.
- 39 Там же, с.64-65, № 81.
- 40 Там же, с.74, № 103.
- 41 Архив ГО СССР, р.23, оп.1, д.8, л.31 об.
- 42 Исторические песни XIX в., с.54, № 56.

- 43 См. Исторические песни ХУШ в., с.49, № 58.
- 44 Чичеров В.И. Русские исторические песни, с.60.
- 45 Исторические песни XIX в., с.45, № 37.
- 46 Там же, с.45, № 37.
47. Там же, с.74-75, № 104.
- 48 Там же, с.77, № 109.
- 49 Там же, с.68, № 91.
- 50 Бытование песен в малороссийских губерниях не рассматривалось, так как записи песен в них велись преимущественно в казачьих районах.
- 51 Исторические песни XIX в., с.67, № 87.
- 52 См.: Песни, собранные П.В.Киреевским, вып.10, с.9-10.
- 53 Арх. ГО СССР, р.23, оп.1, д.130, л.15.
- 54 См.: Сборник песен Самарского края, составленный В.Варенцовым. СПб., 1862; Архангельские быliny и исторические песни, собранные А.Д.Григорьевым в 1899-1901 гг. Т.1, ч.1. Поморье, ч.2, Пинега. М., 1904; Дикарев М. Песни, записанные в сл.Щучьей Острожского уезда. - Воронежский этнографический сборник. Воронеж, 1896; Смоленский этнографический сборник. Сост.В.Н.Добровольский, ч.4. М., 1903 (Зап.Русского географического общества по отделению этнографии, т.ХХП); Песни крестьян села Беловежского Чебоксарского уезда Казанской губернии. В.Магнитского. Казань, 1877; Майков Л.Н. Еще быliny и песни из Заонежья. - Русский филологический вестник, 1855, № 1; Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости Соликамского уезда Пермской губернии в 1890-м и 1891-м гг. П.А.Некрасовым. Записки Уральского общества любителей естествознания, т.ХХШ, Екатеринбург, 1902 и др.
- 55 См.Лозанова А.Н. Историческая песня. - В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т.2, кн.2. М.-Л., 1956, с.299-301.
- 56 См., напр.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сб. документов. (Под ред. Л.Г.Бескровного). М., 1962; Мясоедов Д. Кто был первый народный партизан Руси в эпоху Отечественной войны? - Исторический вестник, 1903, т.94, с.832 и др.

В.Ф.Ершов

МАТЕРИАЛЫ ФОНДА МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО РАБОЧЕГО КРУЖКА
В 1887-1888 ГГ.

Фонд Московской судебной палаты, хранящийся в ЦГИА г.Москвы, содержит значительное количество материалов, освещающих историю рабочего и революционного движения в России во второй половине XIX - начале XX века, и среди них - "Дознание, произведенное при Московском губернском жандармском управлении о преступных кружках среди московских рабочих в 1887 году". (Преступление, предусмотренное 250 статьей уложения о наказаниях). Это двухтомное следственное дело о подпольном рабочем кружке в Москве является богатым источником по истории рабочего движения в Российской империи и позволяет выявить и ввести в научный оборот новые документы о революционной борьбе рабочих против царизма.

Дело о Московском рабочем кружке было начато в 1888 году и закончено в 1889. Следственные материалы дают возможность изучения его организационной структуры, характера деятельности, взглядов его участников на вопросы революционной борьбы. Оно также содержит источники об уровне общественно-го сознания рабочих во второй половине 80-х годов 19 века.

В донесении подполковника отдельного корпуса жандармов Крылова о революционной деятельности рабочих, членов Московского рабочего кружка, называются 28 человек, как принимавшие наиболее активное участие в его работе. Из них 13 человек определяются как главные руководители кружков на своих предприятиях: Филёв В.Д. и Степанов Косыма, слесари на фабрике Зелига, Гмельянов Николай, рабочий на фабрике Каплуна, Синяев Ефим и Маклаков А.Ф., рабочие на фабрике Муссе, Зотовы Яков и Степан, рабочие на фабрике Смирнова, Колонистов В.А., рабочий-весовщик на фабрике Бостонкогло, Чурусов Семен, бывший рабочий на фабрике Маркиной, а в 1887 году работавший в Петербурге, Борский Б.П., рабочий на фабрике Глестнера, Герц, рабочий на фабрике Михайлова, Корольков И.А., служащий на Курской железной дороге, Марксич Михаил, приказчик на фабрике Малышева. Один из участников

Московского рабочего кружка П.А.Савельев в своих показаниях на следствии утверждал, что все вышеуказанные рабочие — "главные руководители, а второстепенных рабочих я не знаю, но слышал, что в этих кружках участвует много рабочих"¹. Выявить рабочих, состоявших рядовыми членами кружков на своих фабриках, не удалось.

Московский рабочий кружок имел контакты с рабочими из других городов — Петербурга, Киева, Екатеринослава, Харькова. В основном, связи с ними устанавливались с целью снабжения нелегальной литературой и обмена опытом революционной борьбы. Деятельность Ивана Сифони, Ивана Андреева, Петра Михайлова, Василия Флерова, Константина Бабановского, Ильи Маслова проходила на предприятиях Петербурга.

Участники кружка имели контакты с интеллигенцией: Н.Емельянов объяснял своим товарищам по поводу принесенных им революционных книг, что "эти книжки достал у Студента"². Он же говорил П.А.Савельеву: "Я приведу тебе хорошего человека, который близко стоит к революционному делу и которому знакомы московские интеллигенты"³. П.А.Савельев также отмечал, что "все эти рабочие имеют сношения с Интеллигентным кружком, во главе которого Родионов и Оленин"⁴. Рабочий В.Д.Яковлев "послал от себя в Орехово-Зуево к своему знакомому книготорговцу Плетневу какого-то доктора лет 30, отбывавшего наказание за политическое дело в дисциплинарном батальоне как человека, близко знающего революционное дело"⁵.

При Московском рабочем кружке была организована касса помощи рабочим, пострадавшим за революционную деятельность. "Зотов предложил устроить кружку, в которую рабочие вносили бы ежемесячно по 50 копеек или по рублю". На собранные деньги предполагалось помогать тем из рабочих, кто за пропаганду, за бунт или что-нибудь подобное будет выгнан с фабрики, а также и тем, кто будет арестован"⁶. Касса взаимопомощи была действительно создана. Ее кассиром являлся В.А.Колонистов, рабочий-весовщик на фабрике Бостонжогло. Сама касса находилась на квартире у Степана Васильева, проживавшего в номерах гостиницы "Неаполь" на Дьяковке.

В показаниях П.А.Савельева говорится о С.Васильеве, что "у него в квартире была заведена кружка, в которую каждый посетитель клал 75 копеек; деньги эти шли в пользу политических ссыльных"⁷.

Московский рабочий кружок пытался создать собственную подпольную типографию. Этот вопрос неоднократно обсуждался на сходках и собраниях, предпринимались шаги для его решения. В показаниях П.А.Савельева описывается следующий эпизод: "Филев обещался достать шрифту и в среду, на пасху, 8 апреля, мы с ним пошли добывать шрифт, условившись, что я буду говорить тому человеку, к которому он меня приведет, будто я хозяин ткацкой фабрики и шрифт нужен мне для штемпелей"⁸. В следственном деле есть также упоминание о том, что на квартире у Бабановского "находился типографский станок, но, когда пало подозрение, то все это Бабановский перенес"⁹. Во всяком случае устроить подпольную типографию и организовать выпуск нелегальной литературы участникам Московского рабочего кружка не удалось вследствие последовавшего в 1888 году ареста его руководителей.

Члены Московского рабочего кружка стремились как можно шире распространить революционную пропаганду и агитацию среди рабочих, привлечь к этому делу опытных людей. "Василий Елисеев начал восхвалять своего петербургского знакомого литейщика Ивана Сифони, отзываясь о нем как о человеке, всей душой преданном революционному делу, но не имеющему своих средств на поддержку пропаганды, на что многие из присутствующих заметили: "Вот бы нам такого!"¹⁰ Снабжение рабочих нелегальной литературой являлось одной из важнейших задач кружка, причем его руководители стремились привнести в это дело систему: доставлять революционные издания регулярно, способствовать изучению ее возможно большим числом рабочих. Яков Зотов "имел у себя революционные книжки, получаемые им от Богомолова и какого-то нелегального "Егора"; читал одну из них на сходке и уговаривал раздавать таковые другим"¹¹. Другим членом Московского рабочего кружка Василием Яковлевым "было снято помещение на Немецком рынке для книжной лавочки с подпольными изданиями, в которой торговал

Степан Зотов. У него в квартире хранились революционные брошюры "Николай Палка", которые он передавал рабочему Маклакову. У него в номере велся разговор между ним, Яковлевым, братьями Зотовыми и Богомоловым об устройстве на Немецком рынке главного склада для книг, которые потом развозились бы по другим книжным лавкам, устраиваемым как в Москве, так и в других местах"¹². В изучаемом следственном деле упоминается книготорговец Николай Шетнев, который "летом и осенью 1887 года торговал в книжной лавке у Сухаревой башни, откуда выдавались рабочим нелегальные брошюры "Николай Палка", "Тихон Задонский" и революционные песенники"¹³. Михаил Марксич "давал читать научные социальные сочинения, предупреждая более известных ему по пропаганде рабочих быть осторожнее в обращении с такими книгами"¹⁴. Василий Елисеев "просил письмом доставить московским рабочим через Савельева революционные книжки; ему же были переданы Савельевым в С.-Петербурге посланные ему Яковом Зотовым революционные брошюры с просьбой выслать взамен их другие, подобнее"¹⁵. Получение нелегальной литературы из Петербурга происходило через проживавшего там медолитейщика Ивана Сифони, к которому "в конце октября 1887 года обращались с просьбой о революционных брошюрах"¹⁶. Как было отмечено в следственном деле, Иван Сифони уже тогда состоял под особым надзором полиции.

Нелегальная революционная литература пользовалась большим спросом среди рабочих. В материалах изучаемого дела неоднократно встречались просьбы прислать еще новых книг взамен прочитанных. П.А.Савельев отмечает, что "рабочий-весовщик В.А.Колонистов просил, чтобы я познакомил его с революционным рабочим кружком и давал читать книги революционного издания"¹⁷. Представляет интерес следующий эпизод, также описываемый П.А.Савельевым: "Зотов (рабочий фабрики Смирнова) сказал мне, что он революционер и организатор кружка рабочих. Затем он стал рассказывать, что рабочие должны соединиться в одно целое и вести дело к тому, чтобы изменить теперешние порядки, чтобы не было царя, а была бы республика. Предполагая, что я не понимаю слов Зотова, Маклаков

сказал ему: "Ты бы дал ему французскую конституцию прочесть!", на что Зотов ему ответил, что книги этой теперь у него нет, а что он возьмет ее у Петухова и даст мне. Зотов обещал познакомить меня с их интеллигенцией. Через несколько дней Зотов принес мне литографированную книжку под заголовком, насколько я помню, "Реформы" и "Французская конституция" — печатную"¹⁸.

Московский рабочий кружок активно проводил собрания и сходки рабочих, на которых велись беседы о тяжелом экономическом и политическом положении пролетариата, изучалась революционная литература, пелись песни. "Случалось, что на сходку приходило человек 30, одни приходят, другие уходят, а Зотов и Маклаков придут с утра и все толкуют"¹⁹. В свидетельских показаниях А.Звечдиной описывается следующий эпизод: "Когда, бывало, лица эти соберутся у Савельева, то из них Яков Зотов и Маклаков толкуют всегда о дурных существующих порядках для рабочих, что нужно эти порядки изменить так, чтобы рабочим жилось лучше, что нужно избавиться от царя и завести республику, а на одной из сходок, не помню когда именно, но должно быть в начале марта 1887 года, Зотов и Маклаков, проводя свои преступные мысли, стали называть спасителя не богом, а простым ученым человеком, после чего я, испугавшись, не вытерпела и сказала: "Вы все царя ругали, а теперь и бога трогаете!"²⁰ Сходки проходили на квартирах рабочих, участников Московского рабочего кружка, и в трактирах; было принято решение создать для этого специальную конспиративную квартиру, но осуществить этот проект не успели из-за ареста членов кружка. На этих сходках "велись противоправительственные разговоры, ругали государя императора и распевали революционные песни"²¹. В изучасмом следственном деле имеется показание П.А.Савельева: "Рабочие запели хором песню "Кузнеца", содержание которой я теперь не помню, но знаю, что она — революционная. Помню, что в этой песне царь называется "ваширом". Трактир, в котором это происходит, посещается исключительно фабричным людом; поэтому Филев и его товарищи без опаски пели революционные песни".²²

Рабочие, участники Московского рабочего кружка, ставили своей целью свержение самодержавия и установление республики. Средство для этого они видели в объединении рабочих в их борьбе против царизма. Так, Яков Зотов "бывал на сходках рабочих и назначал их у себя, называл себя революционером и организатором рабочего кружка, высказывал, что все рабочие должны соединиться и изменить существующий порядок через устройство республики. Рассуждал на сходках о тяжелом положении рабочих и о средствах избавиться от этого"²³. Рабочий Василий Яковлев говорил своим товарищам: "Царя не надо, а будет управление общенародное, царь для народа — это ярмо!"²⁴ Степан Васильев "объяснял, что нужно уничтожить разницу между богатыми и бедными и все богатства сделать общими, при каком-то порядке не нужно никакого правительства; налоги, по его замечанию, должны быть совсем уничтожены, так как армия, на которую тратятся деньги, совсем не нужна: она оберегает купцов, а крестьян не защищает и, если бы не было солдат, то с купцами можно было бы расправиться по-своему; церковью и попов, поддерживающих правительство, тоже не нужно"²⁵. Многие рабочие также "отвергали бога, царя, правительство"²⁶. В показаниях П.А.Савельева отмечено, что рабочие "сильно ругали и царя, и правительство, угрожали с ним сделать то, что во Франции"²⁷.

Резкой критике рабочие подвергали церковь. "Церкви, по мнению Степана Васильева, являются просто вредными и попов он всячески ругает. Главный вред церкви заключается, по его словам, в том, что она поддерживает правительство, что с малых лет внушает темному люду уважение к власти и царю, и, если являются какие-либо противные правительству толкования и учения, то попов в проповедях тотчас опровергает их, чем и препятствуют распространению трезвых взглядов"²⁸.

Представляют особый интерес слова П.Емельянова, который объяснял рабочим сущность служителей церкви как защитников эксплуататорского строя: "Поп старается наговорить, чего и не было, хотя и сам знает, он — наемный человек, ради користи и врет простосердечному мужику!"²⁹

Одним из руководителей Московского рабочего кружка был предложен проект создания фабрики на основе ее принадлежности рабочим. "Зотов предлагал также, если соберется много денег, устроить свою фабрику на ассоциациях; по его объяснению надо было устроить так, чтобы на фабрике не было хозяина, а был бы один выборный, которому бы все повиновались, и чтобы барыши делились поровну".³⁰

Таким образом, изучение материалов Московской судебной палаты о деятельности Московского рабочего кружка в 1887-1888 годах позволяет сделать вывод о том, что этот кружок являлся революционной организацией ненароднического направления. Его образование свидетельствовало о развитии рабочего движения в России, о том, что оно поднялось на качественно новую ступень, что начался процесс осознания пролетариатом себя как класса.

I ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 44, д. 51, т. I, л. 132.

2 Там же, л. 82.

3 Там же, л. 84.

4 Там же, л. 71.

5 Там же, л. 50.

6 Там же, л. 18.

7 Там же, л. 43 об.

8 Там же, л. 80.

9 Там же, л. 84.

10 Там же, л. 62.

II Там же, л. 112.

12 Там же, л. 85.

13 Там же, л. 52.

14 Там же, л. 53.

15 Там же, л. 67.

16 Там же, л. 48.

17 Там же, т. 2, л. 19.

18 Там же, л. 25.

- 19 ЦГИА г.Москвы, ф.131, оп.44, д.51, т.1, л.123.
20 Там же, л.60.
21 Там же, л.29.
22 Там же, т.2, л. 72 об.
23 Там же, л.53.
24 Там же, л.58.
25 Там же, т.1, л.162.
26 Там же, л.15.
27 Там же, л.39.
28 Там же, т.2, л.91.
29 Там же, л.55.
30 Там же, л.63 об.

Памяти Николая Николаевича Улашика (1906–1986)

14 ноября 1986 года скончался видный советский историк Николай Николаевич Улашик. Николай Николаевич был замечательным человеком, специалистом по истории феодализма на литовских и белорусских землях, мастером-источниковедом, знатоком истории археографии и видным археографом-практиком. Николай Николаевич родился в Белоруссии и всю жизнь был подлинным патриотом своей земли, своего народа. Последней написанной им книгой (она готовится к изданию) стал очерк истории деревни, где жили его родители. Когда в феврале 1986 г. отмечалось восьмидесятилетие Николая Николаевича, юбиляр говорил об удивительной природе родных мест, о победном пении жаворонков, о чистом крестьянском звучании белорусской речи. Жизнь его не была легкой, и не только потому, что до краев наполнена огромным трудом историка: он вынужден был оставить родные места, лишь в зрелом возрасте смог, наконец, посвятить себя желанному делу – науке, и два последних десятилетия, в расцвете творческих сил стремился вернуться в Белоруссию и работать там, но обстоятельства противились, и все эти годы он прожил в Москве и умер в Москве.

Николай Николаевич родился 1 февраля 1906 года в Минске.¹ В 1924 г. закончил среднюю школу и поступил в Белорусский университет на социально-историческое отделение педагогического факультета. Жить было трудно, приходилось учиться и работать. И место работы он выбрал так, чтобы быть ближе к книгам – стал библиотекарем Белорусской государственной библиотеки. Через пять лет, в 1929 г., Николай Николаевич закончил университет и опубликовал первую свою статью. В течение полутора-двух лет местом его работы оставалась библиотека, а с 1931 г. в течение десяти лет Николай Николаевич учительствовал в средних школах и техникумах, борясь с бытовыми трудностями и часто переезжая с места на место (г.Нолинск Кировской области, Иваново, Ульяновск,

¹ Подробнее см.: Буганов В.И. Н.Н.Улашик – источниковед и археограф. – В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1975. М., 1976, с.365–374.

Дергачи Саратовской области, Череповец, Ленинград). Это были годы, научившие его терпению. А в декабре 1943 года, в возрасте 37 лет, Николай Николаевич был зачислен в аспирантуру Института истории АН СССР. Темой его занятий стала подготовка крестьянской реформы 1861 г. в трех губерниях — Виленской, Гродненской и Ковельской. Диссертацию Н.Н. Улащика, защищенную в декабре 1947 г., отличала свобода от предвзятых оценок и чрезвычайная основательность. В 1948–1949 гг. Николай Николаевич преподавал на историческом факультете МГУ, в 1949–1950, а затем с 1955 г. и почти до самой смерти он работал в Институте истории АН СССР (с 1968 г. — Институт истории СССР АН СССР) в составе сектора источниковедения и издания источников досоветского периода, группы по изданию Полного собрания русских летописей, сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода.

В 1964 г. Николай Николаевич защитил докторскую диссертацию, которую в следующем году опубликовал. Это всестороннее исследование аграрного строя Литвы и Западной Белоруссии, начиная с присоединения этих земель к царской России (1795), вплоть до реформы 1861 г. Превосходен историографический очерк, открывающий книгу: автор пишет историю научных идей, не упуская из виду биографии исследователей, выясняя судьбу каждого из своих предшественников, круг его информированности, политические взгляды. Николай Николаевич был талантливым историографом, ибо умел слушать других и никогда не обольщался мыслью заменить своими разысканиями все предшествующее научное знание — отсюда понимание генетической связи историографических эпох, глубоко мотивированное описание общих процессов формирования исторической науки. Основную часть книги составляет анализ важнейших компонентов аграрного строя — состава населения, формы землевладения, важнейших отраслей экономики, помещичьего и крестьянского хозяйства, развития товарных отношений, роста классовых противоречий и социального протеста. Автор показывает, как правительственные меры по сохранению крестьянской "крепости" (в том числе и компромиссные меры по введению инвентарей — хозяйственных описаний имений) противоречат логике развития Литвы и

Белоруссии, не могут остановить разложения феодальных отношений и неминуемо требуют новых, все более радикальных реформ.

Монография 1965 г. отразила одно из направлений научных интересов Николая Николаевича. Второе, не менее важное направление — историография отечественного источниковедения. Николай Николаевич бережно относился к памяти советских исследователей-источниковедов, не раз брал на себя нелегкий труд публикации работ умерших авторов. Он держал корректуру исследований В.И.Пичеты (совместно с В.Д.Королком, А.П.Пичетой, З.Ю.Копыским) и Н.Г.Бережкова. В 1973 г. Н.Н.Улащик опубликовал книгу, посвященную истории археографии и источниковедения феодальной Белоруссии. Автор пишет о первых археографах своей родной земли, чьими стараниями "белорусская словесность... из мрака забвения с таким достоинством" выступала на свет (цитата из письма И.Н.Лобойко И.И.Григоровичу). Николай Николаевич впервые в нашей науке разбирает историю составления и издания документальных сборников по истории Белоруссии — "Белорусский архив древних грамот", "Акты Западной России", "Сборник Муханова", "Акты Виленской Археографической комиссии" и др. Образцовым можно назвать исследование истории Виленской Археографической комиссии (персональный состав, организация труда, археографическая обработка документов, публикации материалов). В этом разделе даны точные, умные, порой едкие характеристики П.В.Кукольника, Н.И.Горбачевского, П.А.Бессонова. Автор показывает, как "учреждения отбирали материалы для публикации по определенной программе, усиливая значение издаваемых источников всеми... средствами, которыми располагает археография, т.е. ... публикаторская работа имела весьма определенный политический характер". И, вместе с тем отмечает, что "изданные документы живут сами по себе, нередко утверждая совсем не то, что хотели сказать составители и редакторы, готовя том к печати".

Третье важнейшее направление научных интересов Николая Николаевича — изучение и издание русских и белорусско-литовских летописей. Н.Н.Улащик исследовал и опубликовал

Никаноровскую летопись (27 т. ПСРЛ, 1962 г.), был редактором издания Александро-Невской и Лебедевской летописей (29 т. ПСРЛ, 1965 г.), перевел на русский язык, опубликовал и откомментировал Хронику Выховца (1966) – последнее из названных изданий привлекло особое внимание специалистов и послужило толчком к плодотворному обсуждению вопросов происхождения и датировки ценнейшего источника по древнейшей истории западно-русских земель. В т.32 и 33 ПСРЛ (1975, 1980) Николай Николаевич тщательно опубликовал все известные на сегодняшний день белорусско-литовские летописи, а исследование этих памятников составило последнюю изданную книгу ученого (1985).

Николай Николаевич был предан науке, смело брался за наименее разработанные и наиболее трудоемкие стороны истории отечественного феодализма. Всем своим существованием он утверждал простую истину: не стоит и стыдно тратить жизнь на пустяки. Он был белоруссом, любил свою землю, но эта любовь чуждалась всякой ограниченности, которая, в соединении с косностью и невежеством, питает корни национализма. Он утверждал силу знания и сам в полной мере обладал этой силой, был знатоком и мастером своего нелегкого дела.

В.И.Буганов
А.И.Плигузов

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Подл. в печ. 12.05.87. А-07116. Ф-т 60x84/16. 14,25 п.л.
10,86 уч.-изд.л. Тир. 400 экз. Цена 70 коп. Заказ № 64

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19